

В.А. Томсинов

«Крымское право»,

или
Юридические основания
воссоединения Крыма с Россией

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

В.А. ТОМСИНОВ

«КРЫМСКОЕ ПРАВО»,

ИЛИ

Юридические основания воссоединения Крыма с Россией

Москва
Зерцало-М
2015

ББК 67.91
Т56

Томсинов В.А.

Т56 «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М.: ИКД Зерцало-М, 2015. — 132 с.

ISBN 978-5-94373-325-3

Книга посвящена «украинскому кризису» 2014–2015 годов и главному его событию — выходу Крыма из состава Украины и воссоединению его с Россией. Данное событие оценивается с точки зрения Конституции Украины, норм и принципов международно-правовых актов, международной практики разрешения подобных ситуаций.

Воссоединение Крыма с Россией рассматривается в книге также в качестве события, которое обнажило истинное состояние современного международного права и международного правопорядка, затронуло в той или иной мере целый ряд основополагающих начал и доктрин международного права: принцип суверенного равенства государств, территориальной целостности, право народа на самоопределение, принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др.

В книге показывается, что в условиях геополитических конфликтов между государствами принципы и нормы международного права приобретают новые смыслы, вследствие чего прежние устоявшиеся их толкования утрачивают свое значение.

В книге рассматриваются также геополитические основания современного «украинского кризиса» и проявившиеся в нем новые тенденции в развитии международного правопорядка. Из их изучения делается вывод о необходимости смены технологии развития международного права, приведения его содержания в соответствие с реалиями международных отношений.

Рекомендуется для студентов и преподавателей юридических вузов, для всех, интересующихся проблемами современного международного правопорядка и тайнами геополитики.

ISBN 978-5-94373-325-3

© Томсинов В.А., 2015

© Издательство «Зерцало», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Воссоединение Крыма с Россией	
с точки зрения международного права	9
§ 1. Референдум в Крыму 16 марта 2014 года	9
§ 2. Спор между Финляндией и Швецией о принадлежности Аландских островов и его международно-правовые последствия	11
§ 3. Право народа на самоопределение и принцип территориальной целостности государства: теория и практика	14
§ 4. «Косовский прецедент» и выход Крыма из состава Украины	22
§ 5. Какая человеческая общность признается в международном праве народом, имеющим право на самоопределение?	26
§ 6. При каких условиях может быть признано законным осуществление права народа на самоопределение путем сепарации?	28
§ 7. Статус Крыма в составе Украины (1954–2014)	33
§ 8. Выводы	42
Глава 2. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией	46
§ 1. Введение	46
§ 2. Международно-правовая природа референдума о сепарации	48
§ 3. Сепарация как международный конфликт	55
§ 4. Трансформация международного права в 90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века: революция легитимности	61

Глава 3. «Украинский кризис»: метаморфозы геополитики и международное право.....	72
§ 1. «Украинский кризис» как цивилизационный и геополитический конфликт	72
§ 2. Международное право в условиях геополитических конфликтов.....	76
§ 3. Западные политологи о геополитических интересах России на Украине	78
§ 4. «Украинский кризис» как война Запада против России.....	81
§ 5. Международное право как инструмент идеологической борьбы на международной арене	86
§ 6. Гегемония США в мире как фактор, разрушающий мир и международный правопорядок	90
§ 7. Украина как несостоятельное государство (failed state)	98
Глава 4. «Бильдербергское право» против «Крымского права»	102
Послесловие	117
Приложение: ответы на вопросы	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выход Крыма из состава Украины и вступление его в Российскую Федерацию является, без сомнения, одним из главных мировых событий последнего времени. Это событие существенно изменило политическую обстановку в северном Причерноморье, усилив здесь позиции России. Оно показало способность Российского государства действовать в критических ситуациях предельно решительно, принимать решения геополитического значения самостоятельно, без согласования их с правящими группировками ведущих западных держав. Все это предопределило резко отрицательную реакцию Западного мира на воссоединение Крыма с Россией. Его лидеры единодушно оценили данное событие как противоречащее Конституции Украины и грубо нарушающее нормы международного права. Россия была обвинена ими в аннексии части территории суверенного государства.

Несмотря на использование юридической терминологии, указанная оценка является исключительно политической, продиктованной интересами политики. Она не опирается на анализ содержания международно-правовых документов, не учитывает практики осуществления права народа на самоопределение путем сепарации, не принимает во внимание международно-правовой традиции разрешения конфликтов подобного рода.

Между тем воссоединение Крыма с Россией произошло по воле подавляющего большинства его населения, выраженной на референдуме и продемонстрированной во время массовых митингов и празднеств, сопровождавших выход полуострова из состава Украины и вхождение его в Российскую Федерацию. С точки зрения демократических принципов политического устройства развитого общества народная воля, выраженная в форме референдума, проведенного по правилам, обеспечивающим народу свободное голосование, не может быть игнорирована даже в том случае, если

проведение референдума прямо не предусмотрено конституцией. Народная воля составляет источник государственной власти в любом развитом обществе, и действующая в нем конституция представляет собой лишь одно из выражений данной воли.

Воссоединение Крыма с Россией обладало всеми признаками процедуры, характерной для осуществления права народа на самоопределение, составляющего один из главных принципов современного международного правопорядка. Это обстоятельство также требовало отнести к данному событию как к проблеме не только политической, но также юридической.

Наконец, немаловажным для надлежащей оценки воссоединения Крыма с Россией выступает факт его русскости. Крым является русским и по национальному составу населения, в котором русские – явное большинство, и по доминирующей культуре, и прочно связан с Россией своей исторической судьбой. Севастополь, который по своему правовому статусу не входит в состав Крыма, но географически является, конечно, частью Крыма, недаром считается городом русской славы.

Именно поэтому выход Крыма из состава Украины с самого начала воспринимался подавляющим большинством его населения как возвращение в Россию – в свой родной дом. При этом крымчане вполне понимали, в какое плачевное состояние пришло к началу марта 2014 года, под действием долговременных разрушительных процессов и произошедшего государственного переворота, Украинское государство, насколько опасным оно стало для своих же собственных граждан.

Уже по одним этим причинам воссоединение Крыма с Россией, безусловно, должно было бы стать темой для тщательного юридического разбирательства, научно-исследовательской работы в области международного права. Вместо этого данное событие было использовано руководством США и союзных им стран в качестве повода для резкого расширения и усиления враждебной относительно России политики. В результате разгорелся новый геополитический конфликт между Западом и Россией, который, пожалуй, не уступает по остроте конфликту начала 60-х годов XX века между США и Советским Союзом, но в определенных аспектах даже превосходит его.

Тогдашний конфликт происходил в то время, когда американская держава была на подъеме. Отличительная особенность нынешнего геополитического конфликта заключается в том, что он происходит в условиях, когда США вступили в период свое-

го упадка. Более того, именно прогрессирующее ослабление мощи американской державы придает ее конфликту с Россией особо острый характер.

Американский дипломат, исследователь международных отношений Ричард Натан Хаасс (Richard Nathan Haass) в статье «Распад. Как реагировать на беспорядочный мир», опубликованной в декабре 2014 года в авторитетном американском журнале «Foreign Affairs»¹, поделился с читателями следующим любопытным наблюдением: «Порядок, установившийся по окончании холодной войны, базировался на превосходстве США, которое зависело не только от их реальной мощи, но и от их влияния, отражающего желание со стороны других принять лидерство Соединенных Штатов. Это влияние пострадало от того, что обыкновенно воспринимается как череда неудач или ошибок, включая слабое регулирование экономики, которое спровоцировало финансовый кризис, чрезмерно агрессивную политику в области национальной безопасности, попиравшую нормы международного права, а также внутреннюю некомпетентность администрации и плохо функционирующую политическую систему.

Короче, порядок распался в результате сплава трех тенденций. Сила в мире распределилась между большим количеством и кругом игроков. Уважение к американской экономической и политической модели уменьшилось. А выбор Соединенными Штатами конкретной политики, особенно на Ближнем Востоке, породил сомнения в рассудительности Америки и в том, что угрозы и обещания Соединенных Штатов заслуживают доверия. Чистый итог заключается в том, что, хотя абсолютная мощь США остается значительной, американское влияние уменьшилось»².

¹ Данный журнал издается Советом по международным отношениям, который Ричард Хаасс возглавляет с 2003 г.

² «The post-Cold War order was premised on U.S. primacy, which was a function of not just U.S. power but also U.S. influence, reflecting a willingness on the part of others to accept the United States' lead. This influence has suffered from what is generally perceived as a series of failures or errors, including lax economic regulation that contributed to the financial crisis, overly aggressive national security policies that trampled international norms, and domestic administrative incompetence and political dysfunction.

Order has unraveled, in short, thanks to a confluence of three trends. Power in the world has diffused across a greater number and range of actors. Respect for the American economic and political model has diminished. And specific U.S. policy choices, especially in the Middle East, have raised doubts about American

Ошибки, неудачи, провалы во внешней политике Соединенных Штатов, явно проявившиеся в их действиях на Ближнем Востоке в последнее десятилетие, дают серьезные основания для вывода об ослаблении воздействия США на ход мировых событий.

Крах политики США относительно Украины, разрушительные последствия американского вмешательства в украинские дела для украинского народа и его государственности станут еще более очевидным свидетельством утраты способности единственной в мире сверхдержавы оказывать положительное влияние на подчиненные ей страны.

Выход Крыма из состава Украины, последовавший после организованного в феврале 2014 года в этой стране американскими спецслужбами государственного переворота, является событием, которое само себе и до любой развязки «украинского кризиса» придает политике США относительно Украины характер неудачи. Если же подчинившаяся американскому диктату Украина утратит еще и Донбасс, и территорию Луганской области, что уже де-факто состоялось, то можно будет говорить не какой-то очередной неудаче американской державы на мировой арене, но о полном провале ее внешней политики. Для государства, экономическая и политическая мощь которого покоится в значительной мере не на реальной силе, а на мифе, этот провал может стать роковым.

По этой причине США не могут уступить в крымском вопросе, открыто и официально признав, что воссоединение Крыма с Россией произошло по воле подавляющего большинства его населения, что в сложившихся после государственного переворота на Украине обстоятельствах для выхода Крыма из состава Украинского государства имелись весомые юридические основания. Не могут США и просто выйти из «украинского кризиса», хотя уже совершенно ясно, что активное участие могущественной американской державы в этой страшной трагедии русского и украинского народов не принесет ей большой выгоды.

«Украинский кризис» приобретает вследствие этого бескомпромиссный и долговременный характер. Он становится кризисом мирового значения, как по своим геополитическим последствиям, так и по влиянию на международный правопорядок.

judgment and the reliability of the United States' threats and promises. The net result is that while the United States' absolute strength remains considerable, American influence has diminished» (*Haass R.N. The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs. 2014. No. 6.*)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

§ 1. Референдум в Крыму 16 марта 2014 года

Воссоединение Крыма с Россией было осуществлено путем процедуры, типичной для такого рода случаев в мировой истории текущей эпохи. Данная процедура включала в себя проведение референдума для определения мнения населения, принятие декларации о независимости, выход из состава одного государства и заключение договора о вхождении в состав нового государства.

11 марта 2014 года Верховная Рада Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет одобрили Декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, в которой провозгласили, что «в случае если в результате предстоящего 16 марта 2014 года прямого волеизъявления народов Крыма будет принято решение о вхождении Крыма, включая Автономную Республику Крым и город Севастополь, в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления». В преамбуле Декларации было отмечено, что депутаты Верховной Рады АР Крым и Севастопольского горсовета исходят при этом «из положений Устава Организации Объединенных Наций и целого ряда других международных документов, закрепляющих право народов на самоопределение», а также принимают «во внимание подтверждение международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права».

На референдум, который состоялся в Крыму 16 марта 2014 года, было вынесено два вопроса: 1. *«Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?»* и 2. *«Вы за*

восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?»

При подведении итогов референдума оказалось, что в нем участвовали 83,01% крымчан, имеющих право голосования (без учета севастопольцев). Из них за воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% человек. В Севастополе в референдуме приняли участие 89,5% жителей, имеющих право голосовать. Из них положительно ответили на первый вопрос 95,6% человек.

Поскольку на крымский референдум был вынесен вопрос о выходе Крыма из состава Украины, он проводился в нарушение конституций Украины и Автономной Республики Крым. Согласно статье 73 Конституции Украинского государства, «вопросы об изменении территории Украины» должны решаться «исключительно всеукраинским референдумом». Принятое по итогам крымского референдума решение о провозглашении независимости Крыма и вхождении его в состав Российской Федерации также противоречило указанным конституциям.

Однако с точки зрения международно-правовых доктрин, принципов и норм воссоединение Крыма с Россией имеет достаточно весомые юридические основания, позволяющие признать его вполне **легитимным**.

Стюарт Патрик, старший научный сотрудник Совета по международным отношениям США, опубликовал в мартовском номере старейшего и авторитетнейшего литературного журнала США «*The Atlantic*» статью «Законность русского экспансионизма не является вопросом реальности», в которой сделал следующий вывод: «*Отделение Крыма устанавливает ужасный прецедент. Сотни меньшинств по всему миру могут в принципе настаивать на отделении, свержая существующие границы в хаос*»¹. Приведенное утверждение многое объясняет в реакции политиков и правоведов Запада: поспешное и резкое осуждение ими выхода Крыма из Украины и вхождение его в состав России проистекает в значительной мере от ложного представления о том, что это событие может стать прецедентом.

Данный исторический факт, конечно же, войдет в учебники по международному публичному праву, однако не в качестве пре-

¹ «Crimea's secession sets a terrible precedent. Hundreds of minority populations around the world might in principle insist on secession, throwing existing borders into chaos» (*Patrick S.M. Red Herring: Legality of Russian Expansionism Isn't the Real Issue // The Atlantic. 2014. No. 3*).

цедента, который будет применяться в аналогичных ситуациях, а в виде исключительного случая, то есть *признание законности воссоединения Крыма с Россией с точки зрения современного международного правопорядка создаст лишь «крымское право»*. Указанное событие не станет прецедентом уже по одной простой причине — ничего подобного в жизни мирового сообщества больше не случится, потому что не может повториться еще раз такое грандиозное мировое событие, каким стало разрушение Союза Советских Социалистических Республик. Это событие почему-то связывают только с одним годом — 1991-м, тогда как множество признаков свидетельствует, что оно началось раньше и до сих пор еще не завершилось.

Правильная юридическая оценка произошедшего в марте 2014 года перехода Крыма из Украины в состав России может быть дана только при понимании этого события как **продолжения процесса разрушения СССР и переустройства того пространства, на котором располагалась эта мощная держава-империя**. Когда какое-либо государство распадается, перемены в статусе тех или иных его территорий опираются не на нормы положительного законодательства, а на юридические основания совсем другого рода. С этой точки зрения, очень поучительным является предпринимавшаяся с конца 1917 года попытка Ааландских островов выйти из состава Финляндии и присоединиться к Швеции.

§ 2. Спор между Финляндией и Швецией о принадлежности Аландских островов и его международно-правовые последствия

После распада Российской империи и образования самостоятельного государства Финляндии¹ у последней возник спор со Швецией по вопросу, имеют ли право жители Аландских островов (преимущественно шведы)² определить путем плебисцита, должен ли

¹ Финляндия объявила о своем статусе независимого суверенного государства 15 ноября 1917 г. 31 декабря 1917 г. она была признана в этом качестве советским правительством, а 4 января 1918 г. — шведским, французским и германским правительствами.

² До 17 сентября 1809 г. Аландские острова входили в состав Шведского королевства. Поражение Швеции в войне с Россией вынудило шведского короля передать их вместе с континентальной Финляндией под юрисдикцию российского императора.

этот архипелаг оставаться под суверенитетом Финляндии или он войдет в состав Шведского королевства. Сами жители вскоре после февральской революции 1917 года в России выразили желание выйти из состава Российской империи и воссоединиться со Швецией. 20 августа 1917 года делегаты коммун островов, собравшись в Финстрёме, приняли решение сообщить об этом своем желании шведскому правительству и парламенту (риксдагу). 31 декабря 1917 года на островах прошел плебисцит в пользу их воссоединения со Швецией. В июне 1919 года состоялся повторный плебисцит: 95% его участников высказались за вхождение в состав Швеции. В начале июля 1920 года делегация Аландских островов направилась за решением своей проблемы в Лигу Наций.

12 июля 1920 года Совет Лиги Наций, с согласия Финляндии и Швеции, вынес решение о назначении международной комиссии из трех юристов с поручением представить в возможно короткий срок свое заключение относительно того, каким образом должен решаться указанный спор о принадлежности Аландских островов — согласно международному праву или его следует целиком оставить внутренней юрисдикции Финляндии. Комиссия заседала в Париже с 3 августа до 5 сентября 1920 года. В своем заключении она признала: «С точки зрения внутреннего и международного права, формирование, трансформация и расчленение государств в результате революций и войн создает фактические ситуации, которые в значительной степени *не могут быть разрешены путем применения обыкновенных норм позитивного права*. Это равносильно утверждению, что если существенная база этих норм, допустим, территориальный суверенитет, отсутствует, или вследствие того, что государство еще не сформировалось в полной мере, или потому что оно претерпевает трансформацию или дезинтеграцию, ситуация с юридической точки зрения является неизвестной и неопределенной, и она не станет ясной до тех пор, пока период развития не завершится и новая ситуация не сделается определенной, что вполне нормально в отношении территориального суверенитета»¹ (курсив мой. — В.Т.).

¹ «From the point of view of both domestic and international law, the formation, transformation and dismemberment of States as a result of revolutions and wars create situations of fact which, to a large extent, cannot be met by the application of the normal rules of positive law. This amounts to a statement that if the essential basis of these rules, that is to say, territorial sovereignty, is lacking, either because the State is not yet fully formed or because it is undergoing transformation or dissolution, the situation is obscure and uncertain from a legal

Отметив, что «Аландские острова являлись, без сомнения, частью Финляндии в течение периода русского правления», международная комиссия юристов задалась вопросом: «Должны они по одной этой причине рассматриваться в качестве определенно включенных *de jure* в состав государства Финляндии», которое возникло в результате распада Российской империи¹. Ответ на этот вопрос был весьма интересным для понимания юридической основы взаимоотношений Крыма с Украиной после распада СССР: «Финляндия не может требовать, чтобы будущее Аландских островов было бы таким же, как ее собственное, только потому, что эти острова формально являлись частью финской политической структуры в составе Российской империи»².

Рассмотрев с исторической, политической и юридической точек зрения статус Аландских островов, международная комиссия юристов пришла к выводу о том, что «спор между Финляндией и Швецией не относится к определенно устоявшейся политической ситуации, зависящей только от территориального суверенитета государства. Напротив, этот спор поднялся в связи с де-факто ситуацией, порожденной политической трансформацией Аландских островов — трансформацией, вызванной и возникшей в сепаратистском движении среди жителей, которые ссылались на принцип национального самоопределения и некоторые военные события, сопровождавшие отделение Финляндии от Российской империи и последовавшие за ним в то время, когда Финляндия еще не приобрела характера окончательно созданного государства»³. На

point of view, and will not become clear until the period of development is completed and a definite new situation, which is normal in respect to territorial sovereignty, has been established» (Report of the International Committee of Jurists entrusted by the Council of the League of Nations with the task of giving an advisory opinion upon the legal aspects of the Aaland Islands question // League of Nations. Official Journal. Special Supplement. No. 3. October, 1920. P. 6).

¹ Ibid. P. 9.

² «Finland cannot claim that the future of the Aaland Islands should be the same as hers simply because of the one fact that the Islands formerly formed part of the Finnish political organization in the Russian Empire» (ibid. P. 10).

³ «The dispute between Sweden and Finland does not refer to a definitive established political situation, depending exclusively upon the territorial sovereignty of a State. On the contrary, the dispute arose from a *de facto* situation caused by the political transformation of the Aaland Islands, which transformation was caused by and originated in the separatist movement among

этом основании комиссия Совета Лиги Наций признала, что этот спор *«не относится к вопросу, который может быть передан международным правом в сферу внутренней юрисдикции Финляндии»*¹.

В результате спор между Финляндией и Швецией по поводу Аландских островов был разрешен посредством международной конвенции, которая была подписана спорившими сторонами, а также Германией, Данией, Францией, Великобританией, Италией, Польшей и Эстонией 20 октября 1921 года, а ратифицирована ими (за исключением Италии и Польши)² 6 апреля 1922 года. Аландские острова остались в составе Финляндии, но за ними был закреплен нейтральный статус, запрещавший использовать их в военных целях³.

Данный случай показывает, что политическая нестабильность в недавно возникшем суверенном государстве, незавершенность процесса его формирования является достаточным основанием для того, чтобы вопрос о выходе из его состава какой-либо территории решался не по нормам внутригосударственного права, а согласно международному праву.

§ 3. Право народа на самоопределение и принцип территориальной целостности государства: теория и практика

Конституции государств и нормы международного права предполагают стабильный правопорядок. При этом они вполне допускают, что государственный строй, форма правления, административно-территориальная организация, полномочия высших органов государственной власти и управления могут изменяться и предусматривают на этот случай особые процедуры. Их соблюдение призвано сохранять в условиях политических перемен стабильность правопорядка. Но выход какого-либо административно-

the inhabitants, who quoted the principle of national self-determination, and certain military events which accompanied and followed the separation of Finland from the Russian Empire at a time when Finland had not yet acquired the character of a definitively constituted State» (ibid. P. 14).

¹ «It follows from the above that the dispute does not refer to a question which is left by International Law to the domestic jurisdiction of Finland» (ibid. P. 14).

² Италия и Польша ратифицировали эту конвенцию позднее.

³ См.: *Gregory Ch.N. The Neutralization of the Aaland Islands // The American Journal of International Law. 1923. Vol. 17. No. 1. P. 71–76.*

территориального образования из состава государства конституциями, как правило, запрещается или обставляется такими формальностями, что на практике оказывается юридически невозможным.

В международном праве есть нормы и принципы на случай даже таких событий, как образование новых независимых государств. Эти государства могут возникнуть, например, на основе осуществления тем или иным народом права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года. В п. 1 ст. 1 указанного пакта говорится: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу данного права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»¹.

«Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», одобренная 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН, подтвердив приведенную норму о праве народов на самоопределение, провозгласила, что «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, составляют способы осуществления права на самоопределение этим народом»².

Употребление в приведенных положениях таких слов, как «свобода и независимость», «создание суверенного и независимого государства» и т.п., явно предполагает в качестве одного из способов осуществления права народа на самоопределение выход из состава

¹ «All peoples have the right of self-determination. By virtue of that right they freely determine their political status and freely pursue their economic, social and cultural development» (International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976, in accordance with Article 49 // Human Rights Quarterly. 1985. Vol. 7. No. 1. P. 133).

² «The establishment of a sovereign and independent State, the free association or integration with an independent State or the emergence into any other political status freely determined by a people constitute modes of implementing the right of self-determination by that people» (United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States // International Legal Materials. 1970. Vol. 9. No. 6. P. 1296).

государства, а значит, нарушение его территориальной целостности. Между тем незыблемость государственных границ является жизненно важным для любого государства условием его существования и немаловажным фактором поддержания международного правопорядка. Именно поэтому все конституции чаще всего прямо заявляют или, при отсутствии такого заявления, недвусмысленно подразумевают, что территория государства целостна и неприкосновенна¹. А «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами» призывает государства воздерживаться не только от насильственных действий, лишаящих народы «их права на самоопределение, свободу и независимость», но и от любых таких действий, которые направлены «на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны»².

Данный призыв подкрепляется в указанном документе следующей весьма примечательной оговоркой, гласящей: «Ничто в предшествующих абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые бы расчленили территорию или причиняли ущерб, полностью или частично, территориальной целостности или политическому единству суверенных и независимых государств, действующих в соответствии с принципом равноправия и самоопределения народов, как описано выше, то есть имеющих власть, представляющую весь народ, проживающий на данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи»³.

¹ В преамбуле действующей Конституции России говорится, что она исходит «из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов». При этом в статье 3 ее основного текста декларируется, что «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». В преамбуле действующей Конституции Украины объявляется, что она принята Верховным Советом Украины «на основе осуществленного украинской нацией, всем украинским народом права на самоопределение». В статье 2 провозглашается: «Территория Украины в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна».

² United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States. P. 1296.

³ «Nothing in the foregoing paragraphs shall be construed as authorizing or encouraging any action which would dismember or impair, totally or in part, the territorial integrity or political unity of sovereign and independent States conducting themselves in compliance with the principle of equal rights and self-determination of peoples as described above and thus possessed of a government

Таким образом, *осуществление тем или иным народом права на самоопределение не увязывается современным международным правом с возможностью его выхода из состава государства и образования собственного государства.*

Но вместе с тем **в международном праве нет норм, запрещающих прибегать к столь решительному способу осуществления права на самоопределение.**

«Современное международное право не предоставляет права на одностороннюю сецессию, однако и не отрицает такого права»¹. Данный вывод был единодушно поддержан участниками американской региональной конференции по теме «Сецессия и международное право», которая проходила в университете Санта-Клары с 31 января по 2 февраля 2001 года.

Это означает, что решение вопроса о легитимности одностороннего выхода какого-либо народа вместе с территорией, на которой он проживает, из состава государства при осуществлении своего права на самоопределение международное право оставляет практике. И конечный исход неминуемо возникающего в такой ситуации острого политического конфликта зависит от конкретных обстоятельств — в частности, от следующих факторов:

- *имеет или нет народ, стремящийся к самоопределению и выразивший свою волю к этому на референдуме, достаточно сил, чтобы осуществить право на самоопределение самым решительным образом, то есть путем выхода из состава государства и образования собственного суверенного государства или посредством перехода из состава одного государства в состав другого;*
- *обладает ли государство, из которого народ желает выйти, достаточными силами, чтобы воспрепятствовать такому способу его самоопределения, или оно слишком слабо, чтобы удержать какое-либо административно-территориальное образование в рамках своих границ;*

representing the whole people belonging to the territory without distinction as to race, creed or colour» (United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States. P. 1296).

¹ Conclusions and Recommendations of the Americas Regional Conference // Secession and International Law. Conflict Avoidance: Regional Appraisals. Prepared under the auspices of the Consortium on International Dispute Resolution, Geneva / Edited by Julie Dahlitz. New York and Geneva, 2003. P. 265–266.

- *признают ли ведущие мировые державы переход части территории одного государства в состав другого или новое государство, возникшее в результате осуществления его населением права на самоопределение.*

Стихийный распад государства взрывает существующий в его рамках правопорядок, превращает его конституцию в исторический хлам. Все декларации о независимости или суверенитете, которые принимались в 1990–1991 годах союзными и автономными республиками, нарушали Конституцию СССР. *Нарушила ее и Декларация о государственном суверенитете Украины, принятая 16 июля 1990 года Верховным Советом Украинской ССР.*

В ней провозглашался «государственный суверенитет Украины как верховенство, самостоятельность, полнота и неделимость власти Республики в пределах ее территории и независимость и равноправие во внешних сношениях». В первой статье этого документа говорилось, что «Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение». Нарушением Конституции СССР был и принятый Верховным Советом Украинской ССР 24 августа 1991 года «Акт провозглашения независимости Украины». Независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства провозглашались в нем на основе «права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми документами», Декларации о государственном суверенитете Украины и по причине «смертельной опасности, которая нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 г.». На самом деле никакой опасности для Украины события в Москве с 18 по 21 августа 1991 года не представляли и названия «государственного переворота» не заслуживали. Действовавший в эти дни ГКЧП состоял из высших должностных лиц СССР и ставил своей целью не захват верховной государственной власти, а предотвращение развала Советского государства.

Как оценивать указанные декларации о независимости с юридической точки зрения? С позиции конституции распадающегося государства их принятие нельзя не признать грубейшим правонарушением, тяжким государственным преступлением. Если же учесть реальное состояние этого государства, то надо признать, что советские республики провозгласили свою независимость в то время, когда в нем уже не было власти, способной поддерживать кон-

ституционный порядок, то есть его конституция, хотя и не была еще отменена *de jure, de facto* перестала действовать.

Вследствие этого юридическое обоснование перемен в статусе тех или иных его территорий, происходящих в процессе разрушения государства и переустройства того пространства, на котором оно располагалось, необходимо искать не в букве, а в духе законов, не в словесных выражениях или формулировках, а в смысле норм и принципов международного права. Международный правопорядок, так же как правопорядок в любом государстве, опирается не только на нормы права, но и на правосознание, обычаи, традиции, справедливость. Представления о справедливом и несправедливом оказывают большое влияние на правовую жизнь человеческого общества. Неслучайно латинский термин «*justitia*», обозначающий правосудие, одновременно означает справедливость.

Статья 38 Статута Международного суда — документа, признанного интегральной частью Устава ООН, — декларирует в первом пункте, что названный суд, функцией которого является решение в соответствии с международным правом переданных ему споров, должен при этом применять:

- а) международные конвенции, общие или частные, устанавливающие правила, явно признанные спорящими государствами;
- б) международный обычай как свидетельство общей практики, признанной в качестве права;
- с) общие принципы права, признаваемые цивилизованными народами;
- д) согласно положениям ст. 59, юридические решения и учения наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных народов в качестве субсидиарных средств для определения норм права»¹.

¹ «The Court, whose function is to decide in accordance with international law such disputes as are submitted to it, shall apply:

- a. international conventions, whether general or particular, establishing rules expressly recognized by the contesting states;
- b. international custom, as evidence of a general practice accepted as law;
- c. the general principles of law recognized by civilized nations;
- d. subject to the provisions of Article 59, judicial decisions and the teachings of the most highly qualified publicists of the various nations, as subsidiary means for the determination of rules of law» (Statute of the International Court of Justice // The International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 126).

Во втором пункте ст. 38 устанавливается, что «это положение не ограничивает право Суда разрешать дело *ex aequo et bono* (по справедливости), если стороны с этим согласны»¹.

Справедливость требует, помимо прочего, чтобы аналогичные случаи регулировались одними и теми же правовыми нормами и принципами. Можно сколько угодно говорить о том, что прецедент в международном праве не является источником права, не обладает юридической силой, но сколько-нибудь устойчивый международный правопорядок предполагает одинаковую юридическую оценку тождественных ситуаций, одинаковый способ их разрешения. А это само по себе заставляет выстраивать судебную практику на основе прецедента.

Статья 59 Статута Международного суда предусматривает, что решение данного суда «не имеет обязательной силы, кроме как для сторон в споре и относительно данного конкретного спора»². Комментируя в своей книге «Процесс в международном праве» эту статью, Гернот Бьехлер отмечает: «Даже *ratio decidendi* не имеет значения в качестве прецедента и принцип *stare decisis*, кажется, не применим»³. Однако на практике Международный суд при вынесении решений обыкновенно следует собственным прецедентам.

Французский юрист Жильбер Гийом, занимавший в 2000–2003 годах пост председателя Международного суда, утверждает, что этот орган «не признает обязывающего значения своих собственных прецедентов. Однако относится к ним с огромным вниманием»⁴.

Израильский профессор международного права и дипломат Шабтай Розен, изучавший практику рассмотрения споров в Международном суде с позиций статьи 59 его Статута, пришел к следующим выводам: «Наиболее значимым развитием в практике Суда и фактически в поведении тяжущихся сторон и, можно было бы добавить, в действиях государств вообще, является то, что нали-

¹ «This provision shall not prejudice the power of the Court to decide a case *ex aequo et bono*, if the parties agree thereto» (Statute of the International Court of Justice // *The International Law Quarterly*. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 126).

² «The decision of the Court has no binding force except between the parties and in respect of that particular case» (*ibid.* P. 129).

³ *Biehler G. Procedures in International Law*. Berlin, 2008. P. 281.

⁴ «The International Court of Justice does not recognize any binding value to its own precedent. However, it takes it into great consideration» (*Guillaume G. The Use of Precedent by International Judges and Arbitrators // Journal of International Dispute Settlement*. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 12).

чие в Статуте статьи 59 не помешало широкому использованию норм, которые в настоящее время обыкновенно считаются судебными прецедентами, в особенности тех, что созданы Международным судом правосудия. Этот результат был достигнут без развития теории обязывающей силы судебных прецедентов — теории, которая была бы, вероятно, неприемлемой для государств в качестве государственной практики при настоящем состоянии международного права»¹.

В условиях, когда какое-либо государство распадается под действием разрушительных сил, и на пространстве, где оно располагалось, спонтанно формируются новые государственные организмы, неизбежно возникают конфликты по поводу тех или иных территорий. Они становятся особенно острыми, если какая-то часть населения нового суверенного государства стремится реализовать свое право на самоопределение путем выхода из него для создания собственной государственности или перехода в другое суверенное государство. Подобного рода конфликты могут быть разрешены на основе компромиссов и договоренностей между конфликтующими сторонами. Но чаще всего подобный исход в таких случаях невозможен. Обращение же к международным конвенциям, международным обычаям, общим принципам международного права, к мнениям авторитетных специалистов по публичному праву, то есть ко всему тому, на что Международному суду рекомендуется опираться при решении споров статьей 38 его Статута, не позволяет юридически обосновать выход из состава какого-либо суверенного государства части его населения вместе с территорией, на которой оно проживает, без согласия верховной государственной власти этого государства. Поскольку все эти источники международного права, провозглашая право народа на самоопределение, одновременно требуют воздерживаться от действий, причиняющих вред территориальной целостности суверенных и независимых государств, соблюдающих принцип равноправия и самоопределения народов.

В этой обстановке сецессия может получить легитимность только при условии, если она будет опираться на волю народа, выраженную посредством референдума, и одновременно на международную практику легитимизации такого рода решений.

¹ *Rosenne Sh.* Article 59 of the Statute of the International Court of Justice revisited // *Rosenne Sh.* Essays on International Law and Practice. Leiden, 2007. P. 155–156.

§ 4. «Косовский прецедент» и выход Крыма из состава Украины

Выступая 18 марта 2014 года с обращением к Федеральному Собранию России, Президент В.В. Путин подчеркнул, что проведение крымскими властями референдума и принятие на основе его результатов декларации независимости опирается на Устав ООН «и на известный косовский прецедент, прецедент, который наши западные партнеры создали сами, что называется, своими собственными руками, в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, признали отделение Косово от Сербии легитимным, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется»¹.

Западные политики и юристы не признают выход Косово из состава Сербии прецедентом, трактуя это событие в качестве исключительного и уникального. Сознательно или невольно они упускают из виду его подлинный смысл и некоторые детали, весьма значимые для случая выхода Крыма из состава Украины.

Оценивая 17 марта 2014 года в интервью радиостанции «Голос Америки» случай выхода Косово из состава Сербии, американский юрист Джон Беллинджер, служивший в 2005–2009 годах советником по правовым вопросам в Государственном департаменте и Совете национальной безопасности США, сказал, что «Косово являлось уникальной ситуацией, частью общего распада бывшей Югославии. Косово более десяти лет было предметом наблюдения со стороны ООН в рамках резолюции Совета Безопасности. Косовский народ подвергался грубым нарушениям прав человека сербами. И после долгого периода времени, чтобы исправить ситуацию, специально назначенным посланником ООН была фактически рекомендована независимость для Косово. Ни одного из этих обстоятельств здесь (в Крыму) нет»².

О неприменимости косовского прецедента к случаю выхода Крыма из состава Украины заявил и директор французского Центра международного права Жан-Марк Тувенин³.

¹ <http://kremlin.ru/transcripts/20603>

² См.: <http://www.voanews.com/content/crimea-referendum-illegitimate-says-us-legal-scholar/1873090.html>

³ См.: Bonal C. La Crimée a-t-elle le droit de faire sécession ? // Libération. 12 mars 2014.

Декларация о независимости Косово от Сербии была принята так называемыми «демократически избранными лидерами» косовского народа («Ассамблеей Косово») 17 февраля 2008 года. Сербия оспорила ее законность, и 8 октября того же года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение передать принятую в одностороннем порядке косовскую декларацию независимости для оценки ее соответствия международному праву в Международный суд. 22 июля 2010 года его судьи большинством голосов (10 против 4) вынесли консультативное заключение (*advisory opinion*) о том, что «*декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 года, не нарушает международного права*»¹.

Текст решения Международного суда о соответствии косовской декларации о независимости международному праву показывает, что приведенное мнение опиралось на исторические факты. В пункте 79 указанного решения Международного суда говорилось, что «в XVIII, XIX и в начале XX столетия бывали многочисленные случаи принятия деклараций о независимости, решительно противостоявших тому государству, от которого ими объявлялась независимость. Иногда случалось так, что декларация имела своим результатом возникновение нового государства, но случалось, что — и нет. Однако никогда в этих ситуациях не предполагалось, чтобы провозглашение независимости считалось противоречащим международному праву. Напротив, практика государств этого периода ясно свидетельствует, что международное право не содержало никакого запрета на принятие деклараций о независимости. На протяжении второй половины XX столетия право на самоопределение развивалось таким образом, чтобы создать юридические основания для независимости населению самоуправляющихся территорий и народам, подчиненным иностранному игу, господству и эксплуатации»².

В работах по международному праву высказываются различные точки зрения относительно обязывающей силы консультативного заключения Международного суда³. Одни ученые признают его решением, которое обязывает только стороны в конкретном споре

¹ Advisory Opinion. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. July 22, 2010 // International Legal Materials. 2010. Vol. 49. No. 5. P. 1440.

² Ibid. P. 1430–1431.

³ См. об этом: Sloan F.B. Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice // California Law Review. 1950. Vol. 38. No. 5. P. 830–859.

и не может считаться прецедентом. Другие усматривают в международной судебной практике немало случаев, когда ему придавалась обязывающая сила¹. Но большинство правоведов сходится на том, что консультативное заключение Международного суда, несмотря на свой консультативный или рекомендательный характер, выраженный в названии, является *высоко авторитетным*, поскольку выносится главным судебным органом ООН, учрежденным на основе Устава ООН.

Третий пункт статьи 31 Статута Международного суда устанавливает правило, которое явно предполагает, что консультативное заключение данного Суда имеет не только рекомендательный, но в определенной степени также обязывающий характер: *«Если в составе судебного присутствия нет ни одного судьи, состоящего в гражданстве сторон, то каждая из этих сторон может избрать судью в порядке, предусмотренном в пункте 2 настоящей Статьи»*².

Никакой необходимости добавлять судей *ad hoc* из граждан спорящих сторон, чтобы придать больший авторитет мнению Международного суда, не было бы — это правило не имело бы какого-либо смысла, если бы его консультативные заключения считались исключительно рекомендательными.

Почетный профессор международного права Принстонского университета Ричард Фальк, характеризуя природу консультативного заключения Международного суда, заметил: *«По сути, оно является аргументом, который сочетает в себе юридический позитивизм с политическим реализмом и имеет параллель с утвердительным вето для Совета безопасности: на современной стадии международного сообщества нежелательно выталкивать требования международного права за пределы их добровольного признания крупными государствами»*³.

Таким образом, есть все основания считать сделанный Международным судом в консультативном заключении от 22 июля

¹ *Ago R.* «Binding» Advisory Opinions of the International Court of Justice // The American Journal of International Law. 1991. Vol. 85. No. 3. P. 442–448.

² «If the Court includes upon the Bench no judge of the nationality of the parties, each of these parties may proceed to choose a judge as provided in paragraph 2 of this Article» (Statute of the International Court of Justice // The International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 128).

³ *Falk R.* The Kosovo Advisory Opinion: Conflict Resolution and Precedent // The American Journal of International Law. 2011. Vol. 105. No. 1. P. 54.

2010 года вывод о том, что «*декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 года, не нарушает международного права*», судебным мнением, признающим легитимность и других подобных документов. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, изданная 11 марта 2014 года Верховной Радой Крыма и Севастопольским городским советом, так же как и косовская Декларация о независимости, предполагала объявление независимости на основе волеизъявления народа, выраженного на референдуме.

Проведение референдума о выходе Крыма и Севастополя из состава Украины противоречило действующей украинской конституции, но точно так же и референдум о выходе Косово из состава Сербии не соответствовал Конституции Сербии. *Объявление Международным судом Декларации о независимости Косово документом, не нарушающим международного права, означает, что незаконность референдума о выходе какой-либо части населения из состава государства и принятой на его основе декларации о независимости с точки зрения конституции этого государства не является, по мнению главного судебного органа ООН, основанием для признания референдума и декларации нелегитимными с точки зрения международного права.*

В 1998 году Верховный суд Канады рассмотрел законность возможного одностороннего выхода Квебека из состава Канады на основе волеизъявления его жителей, выраженного путем референдума. В § 87 вынесенного им по этому вопросу консультативного заключения было отмечено, что Конституция Канады не предусматривает использования процедуры референдума и его результаты не имеют с точки зрения канадской конституции юридической силы, но «демократический принцип требует, чтобы ясному выражению народом Квебека своей воли отделиться от Канады был придан значительный вес, несмотря даже на то, что референдум сам по себе и не более того, не имеет прямой юридической силы и не может привести к односторонней сессии. Наши политические институты исходят из демократического принципа, и поэтому выражение демократической воли народа провинции имеет вес в том, что оно придает легитимность усилиям правительства Квебека инициировать процесс внесения в Конституцию поправки, чтобы отделиться конституционным способом... Результат референдума, если его принимать во внимание в качестве выражения демократической воли, должен быть свободен от двусмысленности, как в условиях за-

даваемого вопроса, так и в условиях поддержки, которую он получает»¹.

Приведенное мнение Верховного суда Канады показывает, что признание референдума легитимным вполне возможно даже в том случае, если его проведение не предусмотрено конституцией. Референдум выражает волю народа и по одной этой причине вполне соответствует демократическому принципу, составляющему основу политического устройства развитого общества.

§ 5. Какая человеческая общность признается в международном праве народом, имеющим право на самоопределение?

Ни Устав ООН, ни Международная конвенция о гражданских и политических правах 1966 года, ни Декларация принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества среди государств, 1970 года, закрепив право народов на самоопределение, не дали определения понятию народа, который может иметь это право. «Понятие „народ“, на которое ссылаются Устав ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи и соглашения о правах человека, является неопределенным и неясным, — отмечает Дэвид Фирштейн. — Отсутствие ясности в данном вопросе, как и во многих сферах международного права, позволяет противным сторонам выдвигать одинаково правдоподобные аргументы, которые увековечивают путаницу»².

Сложность определения той или иной группы населения в качестве народа усиливается вследствие миграционных процессов, способствующих смешению между собой различных этносов³. Тем не менее в 1972 году Международная комиссия юристов в своем юридическом заключении относительно событий, произошедших годом ранее в Восточном Пакистане, попыталась, отвечая на вопрос, «составляет ли население Восточного Пакистана „народ“»,

¹ Judgments of Supreme Court of Canada: Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217. § 87 // <http://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do>

² *Fierstein D.* Kosovo's Declaration of Independence: An Incident Analysis of Legality, Policy and Future Implications // Boston University International Law Journal. 2008. Vol. 26. P. 433.

³ См. об этом: *Butler W.E.* Territorial Integrity and Secession: The Dialectics of International Order // Secession and International Law. P. 115.

определить основные признаки такой общности, как народ. В результате она пришла к следующим выводам: «Если мы взглянем на человеческие сообщества, признаваемые народами, то обнаружим, что их члены обыкновенно имеют некоторые общие характеристики, связывающие их между собой. Природа наиболее важных из этих общих признаков может быть: исторической, расовой или этнической, культурной или языковой, религиозной или идеологической, географической или территориальной, экономической, количественной. Этот перечень, далеко не исчерпывающий, предполагает, что ни один из указанных элементов не является сам по себе существенным или достаточно убедительным, чтобы доказать, что отдельная группа [населения] составляет народ. В действительности все элементы совместно не дают со всей необходимостью доказательства: значительное количество лиц может проживать вместе в пределах одной и той же территории, иметь те же самые экономические интересы, тот же язык, ту же религию, принадлежать к одной и той же этнической группе и при этом не составлять народ. С другой стороны, более гетерогенная группа лиц, имеющих меньше общего, может тем не менее составлять народ. Чтобы объяснить это очевидное противоречие, нам следует осознать, что в нашем комбинированном портрете отсутствует одна существенная и на самом деле необходимая черта, которая не физическая, но скорее идеологическая и историческая: народ начинает существовать только тогда, когда он начинает осознавать свою собственную идентичность и подтверждает свою волю к существованию. Современный пример — это древнееврейский народ, который проявил свою волю существовать в качестве отдельной израильской нации только в течение настоящего столетия. Это ведет нас к предположению о том, что факт появления народа есть политический феномен, что право на самоопределение основано на политических усмотрениях и что осуществление этого права есть политический акт»¹.

Приведенное заключение Международной комиссии юристов о свойствах, которыми должна обладать человеческая общность, чтобы иметь статус народа, обладающего, согласно международному праву, правом на самоопределение, позволяло признать наро-

¹ The Events in East Pakistan, 1971: A Legal Study by The Secretariat of the International Commission of Jurists. Geneva, 1972 // <http://nsm1.nsm.iup.edu/sanwar/Bangladesh%20Genocide.htm>

дом не только все население какой-либо страны, но и часть этого населения.

Косовские албанцы, составлявшие часть населения Сербии, были признаны народом, обладающим правом на самоопределение. *Очевидно, что жители Крыма в свете вышеизложенного мнения Международной комиссии юристов и случая с косовскими албанцами имеют все основания для того, чтобы также считаться народом, обладающим правом на самоопределение.*

В 1998 году Верховный суд Канады в § 124 своего заключения по вопросу о праве населения Квебека на самоопределение, сделал вывод о том, что «понятие “народ” может включать в себя только часть населения существующего государства. Право на самоопределение развивалось в значительной мере как человеческое право и обыкновенно употреблялось в документах, которые одновременно содержали ссылки на „нацию“ и „государство“. Одновременное употребление этих терминов указывает на то, что понятие „народ“ не обозначает непременно все население государства»¹.

§ 6. При каких условиях может быть признано законным осуществление права народа на самоопределение путем сепарации?

Отрицая в целом с точки зрения международного права возможность осуществления каким-либо народом права на самоопределение путем выхода из состава того государства, в котором он проживает, Верховный суд Канады в цитированном выше заключении указал на две исключительные ситуации, при которых вполне допустимо осуществление этого права посредством выхода из состава государства: это, *во-первых*, ситуация, когда народ подвергается колониальному угнетению, а *во-вторых*, случай, когда власти государства, в котором народ пребывает, отказывают ему в праве на самоопределение в рамках самого этого государства.

Проходившая в июле 2000 года в Москве региональная конференция независимых юридических экспертов из государств, составляющих СНГ, по проблемам самоопределения и сепарации в современном международном праве в своих итоговых заключе-

¹ Judgments of Supreme Court of Canada: Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217. § 124.

ниях и рекомендациях сделала вывод о том, что современное международное право хотя и не поощряет действий, которые ведут к расчленению или нарушению территориальной целостности государств, тем не менее допускает реализацию права на самоопределение путем выхода из состава государства в тех случаях:

- «1) Если оно (право на самоопределение) относится к народам, проживающим на территориях, которые должны быть деколонизированы;
- 2) если оно установлено в конституции (или другом законе) государства;
- 3) если территория, населенная данным народом, была аннексирована после 1945 г.;
- 4) если данный народ проживает на территории государства, которое не ведет себя в соответствии с принципом равноправия и права народов на самоопределение и которое не обеспечивает представительства в правительстве без дискриминации всех своих народов»¹.

Итоговые заключения и рекомендации американской региональной конференции по теме «Сецессия и международное право», проходившей в университете Санта Клара в начале 2001 года, составили следующие, весьма интересные для случая с выходом Крыма из состава Украины, выводы относительно таких явлений, как право народа на самоопределение и сецессия:

1. «Самоопределение и сецессия являются двумя разными понятиями. Самореализация группы и поддержание ее идентичности не требуют со всей необходимостью сецессии, но могут быть достигнуты другими средствами, такими как децентрализация, административная и культурная автономия, создание местного самоуправления и т.д.»².

2. «Вопрос о сецессии возникает всякий раз, когда значительная часть населения данной территории, будучи частью государства, выражает словом или действием желание выйти из го-

¹ Conclusions and Recommendations of the Regional Conference of the Commonwealth of Independent States // *Secession and International Law*. P. 261.

² «Self-determination and secession are two different concepts. Self-realization of a group and the maintenance of its identity do not necessarily require secession, but may be achieved through other means such as devolution of power, administrative and cultural autonomy, creation of local government, etc.» (ibid. P. 265).

сударства и стать самой государством или стать частью другого государства»¹.

3. «Самоопределение и сецессия осуществляются от имени и для блага народов, а не территорий. Когда происходит сецессия, существующие административные границы не нуждаются непрерывно в том, чтобы их сохраняли, и должны быть изменены, посредством взаимного согласия и без насилия, всякий раз, когда это изменение будет лучше отражать желания народов, которых оно касается»².

Отметив, что сецессия является «законно возможной в случаях взаимного согласия всех тех, кого она касается, при соблюдении конституции или законов государства» и когда «народы пребывают под колониальным управлением или незаконной иностранной оккупацией», американская региональная конференция признала в своих заключениях и рекомендациях, что «в дополнение современному международному праву следует признать *защитительное право на сецессию, когда население территории подвергается грубым, дискриминационным и продолжительным нарушениям основных человеческих прав, направленным против сецессионных групп, в особенности права на эффективное участие в правительстве*»³.

Кроме того, участники указанной конференции признали возможность «*моральных и этических оправданий, которые могли бы побудить к сецессии в специфических обстоятельствах — такой, которая устраняет эксплуатацию одной группы другой или обеспечивает существование культуры*»⁴.

¹ «The issue of secession arises when ever a significant portion of the population of a given territory, being part of a State, expresses by word or deed the wish to withdraw from the State and become a State in itself or become part of another State» (Conclusions and Recommendations of the Regional Conference of the Commonwealth of Independent States // *Secession and International Law*. P. 265).

² «Self-determination and secession are exercised on behalf of and for the benefit of peoples, not territories. When secession occurs, existing administrative boundaries need not necessarily be maintained and should be altered, by mutual consent and without coercion, whenever to do so would best reflect the desires of the peoples concerned» (ibidem).

³ «In addition, international law should recognize a remedial right to secession where the population of a territory is subjected to gross, discriminatory and continuing violations of fundamental human rights directed against the secessionist groups, in particular the right of effective participation in government» (ibid. P. 266).

⁴ Ibidem.

Все эти выводы были учтены впоследствии, когда западным юристам понадобилось обосновать правомерность с точки зрения международного права выхода Косово из состава Сербии. Комментируя консультативное заключение Международного суда относительно косовской Декларации о независимости, американский профессор международного права Ричард Фальк дал ему следующую оценку: «Это одобрение похода Косово за суверенитетом, даже если оно так не описывалось, ведет к значительному расширению взгляда на право самоопределения. Как таковое, оно, кажется, пренебрегает или, по меньшей мере, значительно меняет точку зрения международного права, согласно которой территориальное единство существующих суверенных государств должно быть, без всякого исключения, уважаемым. На основании „косовского прецедента“ любой народ, проживающий на географически обособленном пространстве, если страдает от грубого нарушения прав человека, может требовать суверенной независимости и государственности. Как представляется, внимательное чтение показывает, что большинство (имеются в виду сербы. — *В.Т.*) пыталось избежать такого поворота событий путем предоставления Косово декларации в качестве исключения из-за окружающих обстоятельств. Но почему тогда народы Южной Осетии, Абхазии, Восточной Анатолии (курдские сепаратисты), Чечни, Ксиньянга, Квебека, Гавай, Пуэрто-Рико, Кашмира и бесчисленное множество других мест не могли выдвигать одинаково убедительные аргументы в пользу *легитимности*, усиленные по крайней мере в малой степени, *юридически* и *психологически* косовским прецедентом? Этот прецедент опирается на рекомендательное мнение, но он дополнительно может иметь целью оказать Косово политическое и дипломатическое содействие (включая и то, которое по стилю и содержанию предоставлялось ООНовской администрацией на постоянной основе, начиная с 1999 года) для того, чтобы Косово стало независимым государством»¹.

¹ «This approval of Kosovo's march to sovereignty, even if not so described, amounts to a greatly enlarged view of the right to self-determination. As such, it seems to disregard, or at least significantly qualify, the international law view that the territorial unity of existing sovereign states should, without exception, be respected. On the basis of the Kosovo precedent, any „people“ living in a geographically distinct area, if suffering from gross abuse of human rights, could claim sovereign independence and statehood. As suggested, careful reading shows that the majority tried to avoid such reliance by presenting the Kosovo declaration as exceptional because of surrounding circumstances. But

Косовская Декларация о независимости, принятая 17 февраля 2008 года, содержит в своей преамбуле положение, в котором подчеркивается, что выход Косово из состава Сербии является особым случаем, который не может стать прецедентом. Однако имеющееся в нем указание на причину, придающую этому случаю исключительный характер, позволяет применить его еще для одной ситуации, а именно — для выхода Крыма из состава Украины. Упомянутое положение гласит: «*Отметим, что Косово составляет особый случай, вытекающий из внедоговорного распада Югославии, и не является прецедентом для любой другой ситуации...*»¹ Как известно, СССР также распался не путем заключения между всеми его субъектами специального на этот счет соглашения, но в результате насильственных действий властей каждой из республик, входивших в его состав, и сговора глав России, Украины и Белоруссии.

Любопытно, что косовская Декларация о независимости 2008 года была не первым, а вторым документом такого рода. 22 сентября 1991 года народная ассамблея косовских албанцев приняла резолюцию о независимости и суверенитете Косово. Референдум, состоявшийся с 26 по 30 сентября того же года, подтвердил это решение. В нем участвовали 87% косовских албанцев, имевших право голосовать, и 99,8% из них проголосовали за независимость Косово. 22 октября 1991 года народная ассамблея косовских албанцев приняла заявление о том, что резолюция о независимости и суверенитете Косово одобрена референдумом и поэтому она является «в полной мере правильной, легитимной, базирующейся на международных демократических принципах —

why could not the people of South Ossetia, Abkhazia, Eastern Anatolia (Kurdish separatists), Chechnya, Xinjiang, Quebec, Hawaii, Puerto Rico, Kashmir, and countless other places make equally compelling *legitimacy* arguments, reinforced, at least to a small degree, *legally* and psychologically by the Kosovo precedent? This precedent draws on the advisory opinion, but it additionally can point to the political and diplomatic encouragement given to Kosovo to become an independent state, including by the style and substance of the UN administration ever since 1999» (*Falk R. The Kosovo Advisory Opinion: Conflict Resolution and Precedent // The American Journal of International Law. 2011. Vol. 105. No. 1. P. 58*).

¹ «Observing that Kosovo is a special case arising from Yugoslavia's non-consensual breakup and is not a precedent for any other situation» (Kosovo Declaration of Independent // *International Legal Materials. 2008. Vol. 47. No. 4. P. 467*).

таких, которые закреплены в Уставе ООН, Хельсинкском заключительном акте и Парижской хартии¹»².

§ 7. Статус Крыма в составе Украины (1954–2014)

Декларация о независимости Автономной Республики Крым, принятая Верховным советом Автономной Республики Крым 11 марта 2014 года, также не была первым документом такого рода.

4 сентября 1991 года Верховный совет Крымской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете Крыма, в статье 1 которой говорилось: «Граждане республики всех национальностей составляют народ Крыма, который является носителем суверенитета и источником государственной власти. Полновластие народа реализуется на основе Конституции как непосредственно, так и через выборные представительные органы. Государственная власть в республике осуществляется по принципу разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную.

От имени народа Крыма может выступать исключительно Верховный Совет Республики. Наиболее важные государственные вопросы, связанные с развитием республики, ее взаимоотношениями с другими республиками, выносятся на всенародное обсуждение или референдум».

Статья 2 этой Декларации устанавливала: «Территория республики не может быть изменена без ее согласия. Верховный Совет республики решает все вопросы административно-территориального устройства».

20 января 1991 года в Крыму и Севастополе был проведен референдум. Граждане должны были ответить на вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» В голосовании участвовали 81,3% имеющих право голоса жителей полуострова, включая город Севастополь. Положительно на заданный вопрос ответили 93,26% крымчан. Несмотря на это Верховный Совет УССР принял в феврале 1991 года закон о восстановлении Крымской АССР в составе УССР. Тем самым выраженная на референдуме воля населения Крыма была поправа.

¹ Имеется в виду Хартия для новой Европы, подписанная представителями европейских государств в Париже 21 ноября 1990 г.

² The Kosovo Conflict and International Law: An Analytical Documentation 1974–1999 / Edited by Heike Krieger. Cambridge, 2001. P. 12.

Распад СССР застал Крым в составе Украины, однако статус его как части этой республики был скорее фактическим, нежели юридическим. Передача Крымской области и Севастополя в состав Украины в 1954 году была проведена с такими грубыми нарушениями конституционных норм Советского государства, что могла считаться юридически недействительной с самого начала.

Статья 14 действовавшей на тот момент Конституции СССР отдавала «утверждение изменений границ между союзными республиками» в ведение Союза Советских Социалистических Республик «в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления». Статья 31 данной Конституции устанавливала, что «все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статье 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР; Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и Министерств СССР» осуществляет Верховный Совет СССР.

Статья 18 Конституции СССР декларировала: «Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия».

Документальная история передачи Крымской области из РСФСР в УССР началась 25 января 1954 года. В этот день состоялось заседание Президиума ЦК КПСС под председательством Г.М. Маленкова, на котором было постановлено:

1. Утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.
2. Признать целесообразным провести специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»¹.

Указанного совместного представления на самом деле не было подано в Президиум Верховного Совета СССР и, по всей видимости, его вообще не существовало.

¹ Выписка из протокола № 49 заседания Президиума ЦК КПСС «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Вишняков В.Г. Крым: право и политика. М., 2011. С. 30.

5 февраля 1954 года прошло заседание Президиума Верховного Совета РСФСР, на котором было принято постановление следующего содержания:

«Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Настоящее постановление внести на утверждение Президиума Верховного Совета СССР».

Статья 33 действовавшей в то время Конституции РСФСР не предусматривала в перечне полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР полномочия изменять границы республики. Статья 16 данной Конституции устанавливала: «Территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР», а в статье 23 говорилось, что «все права, присвоенные РСФСР», осуществляет Верховный Совет РСФСР.

13 февраля 1954 года Президиум Верховного Совета УССР издал следующее постановление: «Обсудив представление Президиума Верховного Совета Российской СФСР по вопросу передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, внесенное на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, Президиум Верховного Совета Украинской ССР, со своей стороны, считает, что передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность их экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи, вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу... Соответственно представлению Президиума Верховного Совета Российской СФСР Президиум Верховного Совета Украинской ССР постановляет: Просить Президиум Верховного Совета Союза ССР передать Крымскую область из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР».

19 февраля 1954 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который гласил: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федера-

тивной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики».

Под этим текстом стояли две подписи: Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилова и Секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегова.

Тексты статей 14 и 31 тогдашней Конституции СССР позволяют сделать вывод о том, что Президиум Верховного Совета СССР был неправомочен принимать такого рода указы, поскольку «утверждение изменений границ между союзными республиками» находилось только в компетенции Верховного Совета СССР.

Незаконный характер принятому 19 февраля 1954 года Указу Президиума Верховного Совета СССР придавал и тот факт, что из 27 членов Президиума на этом заседании присутствовало и голосовало за данный указ только 13, то есть для принятия акта, имеющего юридическую силу, не было кворума.

26 апреля 1954 года Верховный Совет СССР принял Закон «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» следующего содержания: «Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики.
2. Внести соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР».

Приведенный выше текст Указа Президиума Верховного Совета СССР показывает, что он не представлял на рассмотрение Верховного Совета СССР вопроса о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Кроме того, статья 146 Конституции СССР устанавливала, что ее изменение оформляется решением Верховного Совета СССР, принятым большинством не менее 2/3 голосов его палат: Совета Союза и Совета Национальностей¹.

Факты грубого нарушения конституционных норм Советского государства при юридическом оформлении передачи Крымской области из состава России в состав Украины были подтверждены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от

¹ Дословно в указанной статье говорилось: «Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее 2/3 голосов в каждой из его палат».

21 мая 1992 года «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году». В нем было заявлено: «Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» как принятое с нарушением Конституции (Основного Закона) РСФСР и законодательной процедуры признать не имевшим юридической силы с момента принятия».

На следующий день Верховный Совет РСФСР принял Заявление в адрес Верховного Совета Украины, в котором, признав свою приверженность «принципу неприкосновенности границ», обратился с призывом к президенту Украины, Верховному Совету Украины «воздержаться от каких-либо действий, направленных на подавление свободного волеизъявления населения Крыма, имеющего, в соответствии с международными нормами, полное право самостоятельно определить свою судьбу».

Таким образом, в результате распада СССР правовой статус Крыма оказался еще более неопределенным, чем тот, который имела Крымская область, пребывая с 1954 года в составе Украины. Эта проблема за прошедшие с тех пор более чем два десятилетия не только не была решена, но еще больше обострилась.

* * *

Говоря о невозможности признать косовский случай обретения независимости прецедентом, западные политики и юристы ссылаются не только на производность этого случая от распада Югославии, но и на тот факт, что «косовский народ подвергался грубым нарушениям прав человека со стороны сербов». В преамбуле к основному тексту своей Декларации о независимости лидеры косовских албанцев объясняли провозглашение Косово независимым и суверенным государством необходимостью защищать, обеспечивать и уважать отличительные особенности своего народа, а также тем, что албанцы годами испытывали вражду и насилие в Косово¹.

Эллен Буханен, специально занимающийся темами сецессии и права народов на самоопределение, называет три главные причины, которые, по его мнению, дают народу основание на осуществ-

¹ Kosovo Declaration of Independent // International Legal Materials. 2008. Vol. 47. No. 4. P. 467.

вление права на самоопределение путем выхода из того государства, в рамках которого он проживает: 1) «геноцид или массовые нарушения самых базовых прав человека», 2) несправедливую аннексию в смысле насильственного включения какого-либо народа в чужое государство; и 3) «постоянные нарушения государством соглашений и внутригосударственной автономии»¹.

Как известно, по Конституции Югославии 1974 года Косово пользовалось довольно большой степенью автономии. В течение 1988–1990 годов власти Сербии с помощью конституционных поправок резко ограничили данную автономию. Полномочия косовской Ассамблеи были сначала уменьшены, а в июле 1990 года этот оплот косовской самостоятельности был и вовсе ликвидирован.

Подобная история происходила и с Крымом в составе Украины. Конституция Автономной Республики Крым, принятая 6 мая 1992 года, провозглашала, что «Республика Крым является правовым, демократическим государством» и на своей территории «обладает верховным правом в отношении природных богатств, материальных, культурных и духовных ценностей, осуществляет свои суверенные права и всю полноту власти на данной территории», что «Республика в лице ее государственных органов и должностных лиц осуществляет на своей территории все полномочия за исключением тех, которые она добровольно делегирует Украине».

Органом законодательной власти Крыма являлся по Конституции 1992 года Верховный Совет, который имел полномочия рассматривать и решать «все вопросы, за исключением тех, по которым решения могут быть приняты только общекрымским референдумом, судебной и государственной исполнительной властью».

Главой государственной исполнительной власти в Республике был Президент, избиравшийся на 4 года гражданами Крыма². Правительство Крыма, как высший орган государственной исполнительной власти в Республике, объявлялось Конституцией ответственным перед Верховным Советом и подотчетным ему. Премьер-министр назначался на должность Верховным Советом Крыма по представлению Председателя Верховного Совета Крыма.

Конституция закрепляла гарантии всех необходимых для нормальной человеческой жизни прав и свобод человека и граждани-

¹ *Buchanan A. Justice, Legitimacy and Self-determination. Moral Foundations for International Law. Oxford, 2007. P. 351–352.*

² 30 января 1994 г. Президентом АР Крым был избран выпускник юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова *Юрий Александрович Мешков.*

на и, естественно, прописывались также обязанности человека и гражданина (гл. 11). Она брала под охрану основы гражданского общества: семью, собственность, культуру, образование, науку, средства массовой информации, предпринимательство. В ней закреплялись нормы и процедуры, обеспечивавшие независимость суда (все судьи, согласно статье 138, должны были избираться Верховным Советом Крыма), эффективную работу прокуратуры, предусматривалась система местного самоуправления. Статья 9 Конституции устанавливала, что «Республика Крым входит в государство Украина и определяет с ней свои отношения на основе Договора и соглашений».

Крым получил довольно высокую степень автономии в рамках Украинского государства, но она была вполне оправданной в тех условиях, когда еще шел процесс формирования украинской государственности. Она была оправданной для полуострова, обладавшего, помимо территориальной обособленности, также особым составом населения (крымские татары, украинцы и составляющие большинство жителей Крыма русские), особыми традициями, особой историей. Про Крым можно сказать возвышенными словами Пушкина из пролога к поэме «Руслан и Людмила» — «*Там русский дух... там Русью пахнет!*». Крым — это русская земля, которая волею зловерной исторической судьбы оказалась в Украинском государстве. Политическая и культурная автономия Крыма, закрепленная его Конституцией 1992 года, обеспечивала сохранение его **русскости**. *Эта политическая автономия была компромиссом: с одной стороны, между Россией и Украиной, с другой — между Крымом и Украиной. Такой компромисс давал русским людям возможность в полной мере реализовать свое право на самоопределение, не выходя из состава Украины — в рамках Украинского государства. Тем более что украинский народ, украинский язык, украинская культура — все вообще украинское не считалось русскими людьми чужим. Россия в целом, русская цивилизация, русская нация соткана из различных этносов и культур. Этническое и культурное разнообразие — источник мощи Русской цивилизации, русской нации, России в целом.*

Казалось бы, сохранение на Украине оазиса Русской цивилизации отвечало интересам украинского общества: Крым становился мостом, упрочивавшим союз России и Украинского государства, отколовшегося от нее, чтобы попробовать себя в самостоятельном плавании по бушующему океану мировой истории. И украинские власти должны были только поддержать такой вариант взаимо-

отношений Украины, Крыма и России. Однако случилось все по-другому.

Уже с 1994 года украинскими властями в одностороннем порядке стали предприниматься меры по ограничению автономии Республики Крым. Закон, изданный Верховной Радой Украины 17 марта 1995 года, постановил отменить Конституцию Автономной Республики Крым, принятую Верховным Советом Автономной Республики Крым 6 мая 1992 года, а также целый ряд крымских законодательных актов: «О выборах Президента Республики Крым» от 17 сентября 1993 года, «О Президенте Республики Крым» от 14 октября 1993 года, «О восстановлении конституционных основ государственности Республики Крым» от 20 мая 1994 года, «О Конституционном Суде Республики Крым» от 8 сентября 1994 года, «О выборах депутатов и председателей сельских, поселковых, районных, городских, районных в городах Советов» от 18 января 1995 года.

31 марта 1995 года Президент Украины издал Указ «О некоторых вопросах взаимоотношений между центральными органами государственной исполнительной власти и органами исполнительной власти Автономной Республики Крым», которым переподчинил Правительство Крыма непосредственно Кабинету Министров Украины, а также изменил порядок назначения премьер-министра, членов Правительства Крыма, вывел из-под контроля Верховного Совета Крыма председателей и исполнительные комитеты городских, районных, районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов Республики Крым. Эти решения противоречили Конституции Автономной Республики Крым. Поэтому Верховный Совет Крыма 3 апреля предложил Верховному Совету Украины наложить вето на Указ Президента Украины от 31 марта 1995 года.

17 мая 1995 года Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла постановление, которым призвала «органы государственной власти Украины, исходя из общепризнанных прав человека и национальных меньшинств, в интересах развития взаимоотношений с Россией отказаться от давления на население и органы государственной власти Республики Крым, взвинчивания напряженности в пограничном с Россией регионе и перейти к решению существующих проблем исключительно путем переговоров, на основе выявленного на общекрымском референдуме мнения населения Республики Крым».

Но все подобные призывы к властям Украины не остановили политики насильственной украинизации Крыма. Выступая 14 апреля 1995 года в Государственной Думе Российской Федерации, Председатель Верховного Совета Автономной Республики Крым С.П. Цеков следующими словами характеризовал политику украинских властей относительно Крыма:

«Беспрецедентные и по процедуре и по своему содержанию решения Верховного Совета Украины от 17 марта, а затем Указ Президента Украины от 31 марта низвели Крым на сегодняшний день даже не до уровня области, а гораздо ниже — до уровня колонии. Фактически в Крыму введено правление Президента Украины.

Судите сами. Отменена Конституция республики и два закона Украины — Закон „О статусе Автономной Республики Крым“ и Закон „О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым“. Оба закона определяли полномочия республики и указывали на то, что объем полномочий не может быть изменен без обоюдного согласия. Верховный Совет Крыма не имеет теперь права самостоятельно принимать Конституцию, поправки, изменения и дополнения к ней, все должно утверждаться Верховным Советом Украины.

Отменен Закон „О Президенте Республики Крым“ и Закон „О выборах Президента...“ как не соответствующие законодательству и Конституции Украины. А как же быть с тем, что первая встреча Президента Республики Крым была с Президентом Украины в феврале 1994 года? Разве это не признание легитимности Президента Крыма?

Республика лишена права собственности на землю и природные ресурсы, произведено ее территориальное расчленение — отделение Севастополя от Крыма, отменен государственный статус русского и крымско-татарского языков, государственный язык теперь один — украинский, отменены выборы в местные органы власти на основе крымского законодательства, выборы перенесены на два месяца и будут проводиться на основе украинского законодательства, что поставило в сложные условия партии и общественные организации Крыма.

Исключено гражданство Республики Крым, ранее оно признавалось. Правительство Крыма переподчинено центральным органам исполнительной власти Украины. Восстановлены в должности те члены правительства, которым Верховный Совет Крыма совершенно объективно высказал недоверие. Даже одно название нашей республики — Республика Крым вызывает в Киеве резкое

неприятие... Правилom становится освобождение с государственных постов должностных лиц по принципу национальной принадлежности. Накануне 17 марта 1995 года произведена фактически чистка крымской милиции. Освобождались в подавляющем большинстве неблагонадежные представители русской национальности.

Анализ изменений, состоявшихся в последние 6 месяцев в органах государственной власти в Крыму, свидетельствует о следующем: со своих постов освобождены по разным причинам 97 должностных лиц разных уровней, подотчетных Киеву, из них 79 русских, 18 других национальностей, из вновь назначенных только 14 постов заняли русские, 83 представителя других национальностей»¹.

Новая Конституция Автономной Республики Крым, принятая Верховным Советом Крыма 21 октября 1998 года и утвержденная законом Украины 23 декабря того же года, сохранила лишь небольшую степень автономии. Хотя Крым продолжал называться автономной республикой, в действительности он стал административно-территориальным образованием с несколько более широкой, чем у областей, самостоятельностью.

§ 8. Выводы

С точки зрения современной западноевропейской правовой традиции, построенной на принципе народовластия, главным юридическим основанием для воссоединения Крыма с Россией стал референдум 16 марта 2014 года, показавший искреннее стремление подавляющего большинства крымчан и севастопольцев войти в состав России.

Законность самого референдума не должна вызывать никаких сомнений: его проведение в свете западноевропейской правовой традиции считается законным даже в том случае, если это не предусмотрено конституцией государства, в котором он проводится.

Не противоречащими международному праву, то есть вполне легитимными, признаются в современном международном праве и декларации о независимости, которые обыкновенно увязываются с результатами референдумов.

¹ Цит. по: Федоров А.В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999. С. 23–24.

Следующее юридическое основание для воссоединения Крыма с Россией дает право народов на самоопределение. Признание крымчан субъектом такого права тоже не противоречит современному международному праву, поскольку народом признается в нем, при наличии определенных условий, не только все население государства, но и часть его. Жители Крыма вполне соответствуют всем признакам, по которым их можно отнести к категории «народ, имеющий право на самоопределение».

С точки зрения международного права наиболее предпочтительным является внутригосударственный способ осуществления права народа на самоопределение. Однако он возможен, как справедливо отмечает авторитетный английский правовед-международник Уильям Батлер, при условии, если правительство представляет все проживающие на территории государства группы населения «на основе равенства и без дискриминации и уважает принцип самоопределения»¹. При этом современное международное право признает, что могут возникнуть ситуации, когда тот или иной народ окажется не в состоянии осуществить свое право на самоопределение без выхода из государства, в котором он проживает, и образования своего собственного суверенного государства или перехода в состав другого государства (как это оказалось в случае с Крымом).

Такие ситуации наступают, когда определенная часть населения страны вынуждена претерпевать грубые нарушения прав человека со стороны ее властей, подвергается гонениям по национальному, этническому, культурному признакам. Сохранение народа немислимо без сохранения его культуры, языка, верований, свойственного ему образа жизни, исторической памяти, святых. Поэтому под грубым нарушением прав человека, насилием над народом, уничтожением его следует понимать не только геноцид, физическое истребление народа, но и проводимую государственными властями политику искоренения всех перечисленных элементов духовной жизни народа.

Государственный переворот, совершенный в Киеве 22 февраля 2014 года, привел к власти радикалов-западников. Первые же их шаги на государственном поприще, первые же заявления показали крымчанам, что искоренение русской культуры, русского язы-

¹ Butler W.E. Territorial Integrity and Secession: The Dialectics of International Order // Secession and International Law. P. 113.

ка, исторической памяти русского и украинского народа является едва ли не самой главной целью деятельности этих людей.

И с этой точки зрения народ Крыма имел все основания для принятия решения о невозможности обеспечить себе право на самоопределение в рамках Украинского государства.

Признавая, что для выхода Крыма из состава Украины и его воссоединения с Россией имеются достаточно весомые юридические основания, следует отметить, что *данный случай реализации права народа на самоопределение путем выхода из состава одного государства и вступления в состав другого государства является уникальным*. Его специфику определяют два обстоятельства.

Во-первых, воссоединение Крыма с Россией стало решением проблемы, которая возникла вследствие разрушения СССР в конце 80-х – начала 90-х годов XX века. Эта проблема вполне могла быть решена посредством предоставления Крыму широкой политической и культурной автономии в рамках Украинского государства, позволявшей народу Крыма реализовать свое право на самоопределение внутри данного государства. Однако украинские власти оказались неспособными на такой очевидный и гуманный шаг.

Во-вторых, воссоединение Крыма с Россией произошло во многом вследствие осознания его народом, что периодические государственные перевороты, политические катаклизмы в столице Украины, неумение сменяющих одно другое правительств обеспечить нормальное развитие экономики, элементарные условия для нормальной человеческой жизни не случайны: они представляют собой проявление не временных недугов украинского общества, его политического и правового сознания, а постоянно присущих ему пороков, не позволяющих возникнуть на Украине нормальной самостоятельной государственности. *Неспособность украинского общества создать полноценное государство, обеспечивающее необходимые условия для нормальной человеческой жизни всем гражданам, как украинцам, так и представителям всех других этносов и культур, является еще одним основанием для выхода Крыма из состава Украины и воссоединения с Россией*.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН, провозгласила: «Все народы имеют право свободно определять, без вмешательства извне, свой политический статус и осу-

ществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава»¹. При этом Декларация связала осуществление этого права с недопущением причинения ущерба «территориальной целостности или политическому единству суверенных и независимых государств». Однако в отношении каких государств, согласно этой Декларации, недопустимо совершать действия, причиняющие ущерб их территориальной целостности и политическому единству? — Только таких, которые ведут себя *«в соответствии с принципом равноправия и самоопределения народов, как описано выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, проживающий на данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи»*².

¹ United Nations Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States // International Legal Materials. 1970. Vol. 9. No. 6. P. 1296.

² Ibidem.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

§ 1. Введение

Воссоединение Крыма с Россией принадлежит к таким случаям в практике международных отношений, для юридической оценки которых необходимо аналитическое исследование целого ряда основополагающих принципов, институтов и проблем международного права — прежде всего права народа на самоопределение, условий и способов его реализации, его соотношения с принципом территориальной целостности государств, проблемы сепаратизма, юридической природы независимости и суверенитета, международного признания и непризнания новых государств. При этом не обойтись без изучения конкретных случаев реализации права на самоопределение и попыток его осуществления в практике международных отношений путем сепаратизма, их отражения в судебных решениях и в экспертных заключениях международных комиссий юристов, в трудах авторитетных правоведов-международников. Вместе с тем юридическая оценка того или иного события с точки зрения международного права предполагает уяснение сущности законности и легитимности в международно-правовых отношениях, что, в свою очередь, требует обращения к вопросу об источниках международного права¹.

Выход или попытка выхода той или иной территории из состава государства всегда порождает конфликт, в котором помимо политических, экономических и геополитических интересов

¹ «Проблема источников международного права, — отмечал советский классик международно-правовой науки Г.И. Тункин, — имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку речь идет о том, где искать нормы международного права» (Курс международного права. В 7 томах. Том 1: Понятие, предмет и система международного права / Отв. редакторы: Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М., 1989. С. 182).

сталкиваются между собой и различные мнения по тем или иным международно-правовым проблемам, и разные юридические оценки этого события. Такого рода конфликты имеют большое значение для развития международного права: попытки разобраться в них, смягчить противоречия между государствами способствуют более глубокому уяснению сущности международно-правовых институтов, стимулируют выработку новых механизмов и способов разрешения международных споров.

Воссоединение Крыма с Россией стало событием, вызвавшим не просто острый конфликт, но и глубокий сдвиг в международных отношениях. Реакция на него со стороны политиков, журналистов, правоведов стран Запада оказалась настолько поспешной и однообразной, что заставила вспомнить выражения советских газет: *«поднялись все как один...»*, *«слились в едином душевном порыве...»*, *«единогласно поддержали...»* и т.д. Президент США Барак Обама еще 6 марта, за десять дней до проведения всенародного голосования о будущем Крыма и Севастополя, заявил, что этот референдум *«нарушит украинскую конституцию и международное право»*, а после того как данное голосование состоялось, подтвердил свою позицию. Канцлер ФРГ Ангела Меркель назвала принятие Крыма в состав России аннексией. Грубым нарушением норм международного права сочли действия властей Крыма и России почти все ведущие политики Западного мира, решившие высказать свое мнение об этом событии.

В связи с этим специалисты по международным отношениям заговорили о переходе противостояния России и Запада в фазу новой «холодной войны». Хасан Асгари, иранский эксперт по балканским вопросам, занимавшийся в свое время проблемой косовского кризиса в международных отношениях, сделал в апреле 2014 года следующий вывод о конфликте между Россией и ведущими западными державами, возникшем вследствие воссоединения Крыма с Россией: *«Продолжающийся кризис в связи с ситуацией на Крымском полуострове в настоящее время превратился в одно из наиболее важных международных событий, особенно в плане вызванного им противостояния между Востоком и Западом. Ситуация настолько серьезна, что некоторые аналитики описывают ее как „вторую Холодную войну“ и новую арену конфронтации между этими двумя извечными политическими соперниками. В прошлом подобный кризис в Косово также превратился в международное событие и повлек за собой создание нового прецедента в мире. По мнению ряда специалистов в области между-*

народных отношений, кризис в Крыму также станет новой точкой отсчета в мировой политической системе»¹.

Обращение к нормам и принципам, выраженным в Уставе ООН, международных конвенциях и декларациях, анализ практики Международного суда, изучение международно-правовой традиции разрешения споров, возникавших в таких ситуациях, как попытка выхода Аландских островов из состава Финляндии после распада Российской империи, отделение Восточного Пакистана (Бангладеш) от Пакистанского государства, референдум в Квебеке о выходе этой провинции из Канады, выход Косово из состава Сербии и другие подобные случаи — все это необходимо, но недостаточно для надлежащей юридической оценки выхода Крыма из состава Украины и воссоединения его с Россией. На это событие следует посмотреть не только с точки зрения принципов и норм современного международного права, а также складывающихся на практике новых элементов международного правопорядка, но и через призму того состояния, в котором пребывает действующее в настоящее время международное право. Потребность в таком взгляде возникает прежде всего потому, что международное право не остается в статичном и неизменном состоянии. Оно постоянно развивается и меняется в своем характере, поскольку меняется международная обстановка, соотношение сил, действующих на международной арене.

Выход Крыма из состава Украины и воссоединение его с Россией является событием, которое нуждается в оценке с точки зрения как принципов и норм, так и общего характера современного международного права. Причем в предельно объективной оценке, возможной лишь при отсутствии каких-либо партийных пристрастий и субъективных настроений.

Но вместе с тем само это событие выступает в качестве фактора, который отчетливо проявляет и показывает истинное состояние современного международного права.

§ 2. Международно-правовая природа референдума о сецессии

Выход какой-либо территории и проживающего на ней народа из состава государства обыкновенно совершается на основе результа-

¹ *Asgari H. A Comparative View to Crises in Crimea and Kosovo // Iran Review. 2014, April 24.*

тов референдума и путем принятия декларации о независимости. Юристы склонны оценивать референдум о сецессии исключительно с позиции государственного права той страны, где он проводится, и если ее конституция не предусматривает возможности его проведения, то признают его не соответствующим конституционным нормам и, следовательно, незаконным.

В качестве примера можно привести принятое 21 марта 2014 года консультативным органом по конституционному праву при Совете Европы (так называемой «Венецианской комиссией»)¹ экспертное заключение по вопросу, совместимо ли с конституционными принципами решение Верховного Совета Автономной Республики Крым в Украине об организации референдума о том, чтобы стать субъектом Российской Федерации или восстановить Конституцию Крыма 1992 года. При ответе на этот вопрос юристы Совета Европы сделали следующие выводы:

1) «Конституция Украины, подобно конституциям других государств, являющихся членами Совета Европы, защищает территориальную целостность страны и не позволяет проводить какой-либо местный референдум об отделении от Украины. Этот запрет вытекает, в частности, из статей 1, 2, 73 и 157 Конституции. Названные статьи в совокупности с десятым разделом Конституции показывают, что такой запрет применим и к Автономной Республике Крым. Крымская Конституция тоже не позволяет Верховному Совету назначать подобный референдум. По Конституции Украины допустимым может являться только консультативный референдум о расширении автономии».

2) «Обстоятельства в Крыму не позволяли провести референдум в соответствии с европейскими демократическими стандартами. Любому референдуму о статусе какой-либо территории должны предшествовать серьезные переговоры всех заинтересованных сторон. Таких переговоров не было»².

¹ «Венецианской комиссией» именуется учрежденная в 1990 г. в Венеции Европейская комиссия за демократию через право (European Commission for Democracy through Law).

² Opinion on «whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea's 1992 Constitution is compatible with constitutional principles». Adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21–22 March 2014). Venice, 2014. P. 6. На титульном листе названного документа указано, что он составлен на основе комментариев венгерского юриста по истории срав-

В 22-м пункте основного текста указанного документа признается, что «Венецианская комиссия не дала всесторонней оценки текущей ситуации в Крыму»¹. Приведенные выводы являются подтверждением этого признания: они умозрительны и односторонни по своему содержанию.

Приступая к ответу на вопрос о соответствии конституционным принципам решения Верховного Совета Автономной Республики Крым о проведении 16 марта референдума об отделении от Украины, Венецианская комиссия должна была сначала выяснить юридическую природу референдума о сецессии и решить, насколько обоснованным является взгляд на него с точки зрения исключительно конституционного права и не следует ли рассмотреть его с позиции геополитических интересов России, с учетом прошлой истории Крыма, принимая во внимание культурно-исторический тип крымского общества, настроения крымчан, состояние нынешней украинской государственности. И конечно же, юридическая оценка крымского референдума будет не адекватной, если игнорировать его международно-правовую сторону.

В пункте 17 экспертного заключения Венецианской комиссии от 21 марта 2014 года утверждается, что запрет Конституции Украины проводить референдум об отделении «никоим образом не противоречит европейским конституционным стандартам. Для конституций государств-членов Совета Европы скорее типично, что отделение не допускается». Действительно, можно привести только один случай, когда конституция европейского государства предусматривала возможность проведения референдума о выходе из состава государственного союза, то есть придавала сецессии конституционный характер. Это статья 60 Конституционной хартии Государственного сообщества Сербии и Черногории, вступившей в силу 4 февраля 2003 года. В ней говорилось: «По истечении трех-

нительного конституционного права Петера Пацолаи, специалиста по конституционному праву из Польши Ханы Сухопкой, председателя Конституционного суда Болгарии Евгения Танчева и Карло Туори, профессора юриспруденции Хельсинкского университета (Финляндия).

¹ Полный текст п. 22 Заключения Венецианской комиссии гласит: «Хотя Венецианская комиссия не провела всесторонней оценки текущей ситуации в Крыму, массовое публичное присутствие вооруженных (военизированных) сил не способствует демократическому принятию решений (While the Venice Commission has not made a comprehensive assessment of the current situation in Crimea, the massive public presence of (para)military forces is not conducive to democratic decision making)».

летнего периода, государства-члены должны иметь право на инициирование процедуры для изменения своего государственного статуса или выхода из Государственного сообщества Сербии и Черногории. Решение о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории должно быть принято по результатам референдума. Закон о референдуме должен приниматься государством-членом с учетом международно-признанных демократических стандартов».

Установленный трехлетний срок запрета проводить референдум о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории истек 4 февраля 2006 года. И уже 2 марта того же года черногорский парламент единогласно принял закон о референдуме, а 21 мая он состоялся. На голосование был вынесен вопрос: «Желаете ли Вы, чтобы Республика Черногория стала независимым государством с полным международно-правовым суверенитетом?» По условиям референдума для получения Черногорией независимости требовалось 55% голосов участников референдума. 31 мая были подведены итоги голосования. Оказалось, что при общей явке 86, 5% за независимость Черногории проголосовало 55, 5% участвовавших в голосовании¹.

Результаты референдума были без промедления признаны ведущими мировыми державами. 3 июня 2006 года черногорский парламент принял Декларацию о независимости Черногории. Сербия в соответствии со статьей 60 Конституционной хартии 2003 года стала правопреемницей Государственного сообщества Сербии и Черногории.

Описанный случай конституционной сецессии уникален — он произошел благодаря редкому стечению обстоятельств. Государственный союз Сербии и Черногории был переходным политическим образованием в процессе распада Югославии: он изначально считался союзом временным, что убедительно демонстрирует содержание статьи 60 его Конституционной хартии, в которой предусматривается порядок выхода из него Сербии или Черногории.

Обзор конституций европейских государств показывает, что даже если в них провозглашается право народов или наций на самоопределение, оно никак не связывается с выходом этих народов или наций из состава государства². Можно поэтому согласиться с

¹ В референдуме участвовало 400 000 черногорцев. Полпроцента голосов за независимость, превысивших барьер в 55%, дали всего 2000 человек.

² Весьма примечательной в этом плане является Конституция Хорватии 2010 г. В ее преамбуле говорится о «вечном праве хорватской нации на са-

утверждением Венецианской комиссии о том, что для конституций государств—членов Совета Европы типичными являются ситуации, когда сецессия не допускается¹.

Данное утверждение Венецианская комиссия дополнила в пункте 18 своего экспертного заключения выводом, согласно которому «самоопределение понимается прежде всего как внутреннее самоопределение в пределах существующих границ, а не как внешнее самоопределение через отделение».

Этот вывод был заимствован составителями этого документа из доклада «Самоопределение и отделение в конституционном праве», одобренного Венецианской комиссией в декабре 1999 года. В его заключительной части говорилось: «Термин „self-determination (самоопределение)“, в отличие от термина „secession (выход из состава государства)“, никоим образом не является чуждым конституционному праву. Однако в конституционном праве нет ни общего признания права на самоопределение, ни общего определения тех, кто обладает им, ни его содержания. Более того, изученные конституции, в тех случаях, когда они признают право на самоопределение, не предусматривают процедур, которые бы позволили его осуществить. Процедурные нормы существуют только для

самоопределение и государственный суверенитет, включая незыблемое право на сецессию и ассоциацию как фундаментальные условия для мира и стабильности международного порядка», хотя при этом заявляется, что Республика Хорватия учреждается как «национальное государство хорватской нации и государство национальных меньшинств: сербов, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев, германцев, австрийцев, украинцев, русинов, боснийцев, словенцев, черногорцев, македонцев, русских, болгар, поляков, романцев (Roma), румын (Romanians), турков, валахов, албанцев и других, являющихся его гражданами». В первой же статье данной конституции объявляется, что «Республика Хорватия является унитарным и неделимым демократическим социальным государством», а в ст. 8 устанавливается правило, по которому «границы Республики Хорватия могут быть изменены только решением хорватского парламента». Таким образом юридически закрепляется право на самоопределение только для хорватской нации.

¹ Любопытный пример представляет собой Конституция ФРГ 1949 г. Право на самоопределение декларировалось в ее преамбуле, но не в качестве юридического инструмента для выхода какой-либо земли из состава федерации, а как принцип, призванный способствовать объединению западной Германии с восточной в единое государство. «Ко всему немецкому народу, — говорилось здесь, — обращается призыв довести до конца дело единства и свободы Германии, исходя из принципа свободного самоопределения».

модификации территориальных границ внутри государства, которая прямо не признается формой права на самоопределение»¹.

Основу конституции современного развитого государства составляет принцип народовластия. Референдум как способ выражения народной воли полностью ему соответствует. Он используется в случаях, когда необходимо решить вопросы о ратификации важных международных договоров, о введении в действие наиболее значимых законов, для принятия или изменения конституции. Причем в последнее десятилетие роль подобных референдумов в государственной политике европейских стран заметно возросла².

Однако проведение референдума по вопросу выхода какого-либо народа вместе с территорией, на которой он проживает, из состава государства европейскими конституциями почти всегда тем или иным образом запрещается. «Запрет сепарации в любом случае, как правило, вытекает из конституционных положений, касающихся ценностей, отрицаемых ею: неделимости, национального единства и еще чаще территориальной целостности»³, — говорится в цитированном выше докладе Венецианской комиссии «Самоопределение и сепарация в конституционном праве».

Описанная ситуация является вполне закономерной. Конституционное право призвано стоять на страже территориальной це-

¹ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

² Об этом свидетельствует, например, принятый во Франции 23 июля 2008 г. Конституционный закон, который внес целый ряд поправок в Конституцию Французской республики и существенно изменил содержание статьи 11, дававшей президенту полномочие «вынести на референдум любой касающийся организации публичных властей проект закона, допускающий одобрение с согласия общества или имеющий целью получить разрешение на ратификацию договора, который, не противореча Конституции, отразился бы на функционировании государственных институтов» (Конституция Пятой республики, 4 октября 1958 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель В.А. Томсинов. М., 2012. С. 376). Теперь данная статья предоставляет президенту Франции полномочие выносить на референдум еще и законопроекты «о реформах, касающихся экономической или социальной политики государства или его политики в области защиты окружающей среды и публичных служб, содействующих этой политике».

³ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

лостности государства, предотвращать любые возможности его распада, а значит, и выход из его состава какой-либо территории. С этой точки зрения, *любой референдум о выходе какой-либо территории из состава государства не соответствует предназначению конституционного права, является чужеродным для него институтом*. В 1999 году Венецианская комиссия признала эту истину, одобрив доклад «Самоопределение и сецессия в конституционном праве», в котором помимо прочего утверждалось: «В то время как *сецессия в самых общих чертах является чуждой конституционному праву*, право на самоопределение, подразумеваемое прежде всего как внутрисоциальное, является элементом, который часто включается в конституционное право, но при этом требуется отделять его от сецессии»¹ (курсив мой. — В.Т.). Очевидно, что признание сецессии чужеродным для конституционного права институтом подразумевает признание таковым и референдума о сецессии.

Референдум о сецессии является неконституционным по самой своей юридической природе. Он не нарушает конституции, поскольку его неконституционность есть свойство всегда ему присущее.

Экспертное заключение Венецианской комиссии от 21 марта 2014 г. о несоответствии референдума об отделении Крыма от Украины украинской и крымской конституциям всего лишь подтверждает факт его неконституционности, присущей ему по юридической природе.

В отличие от референдумов по вопросам принятия законов или важных для общества политических решений, *референдум о сецессии имеет международно-правовую природу: он должен быть признан институтом международного права*. Именно с такого рода референдума обыкновенно начинается процедура осуществления права народа на самоопределение путем его выхода из состава государства.

Международно-правовая природа референдума о сецессии подтверждается и практикой международных отношений, которая показывает, что референдум такого рода нередко инициируется Советом Безопасности ООН. Например, 27 июня 1990 года этим международным органом была принята резолюция № 658, в которой, помимо рекомендации о прекращении боевых действий

¹ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

между Марокко и Фронтом Полисарио, предлагалось провести под контролем ООН референдум, позволяющий народу Западной Сахары сделать выбор между независимостью и вхождением в состав Марокко¹.

Резолюцией Совета Безопасности от 11 июня 1999 года был инициирован референдум о выходе Восточного Тимора из состава Индонезии². Он был проведен 30 августа в того же года и дал в пользу независимости 78,5% голосов из 439 000 человек, зарегистрированных в качестве имевших право голоса³. В результате 20 мая 2002 г. Восточный Тимор был объявлен суверенным государством — Демократической Республикой Восточный Тимор.

Международно-правовая природа референдума о сецессии предопределяет невозможность обеспечить его правовое регулирование нормами только конституционного права. Однако и в рамках международно-правового порядка право народа на самоопределение путем выхода из состава государства, в котором он пребывает, не имеет надлежащего юридического механизма для своего осуществления.

§ 3. Сецессия как международный конфликт

Если выход какой-либо территории из состава государства и тем более присоединение ее к другому государству приобретает харак-

¹ Этот референдум до сих пор так и не был проведен.

² С 1702 г. Восточный Тимор являлся колонией Португалии. 28 ноября 1975 г. он официально стал самостоятельным, независимым государством, но спустя 9 дней — 7 декабря — подвергся агрессии со стороны Индонезии и был включен в нее качестве провинции.

³ В течение всего 25-летнего периода оккупации Восточного Тимора власти Индонезии проводили, при поддержке США, политику геноцида в отношении местного населения. После референдума индонезийские войска обрушили на сторонников независимости Восточного Тимора жестокие репрессии. Исследователь Института по изучению безопасности западноевропейского союза Мартин Ортега в своей статье с примечательным названием «Независимость Восточного Тимора: угроза единству Индонезии» указывает, что в первый месяц после референдума было убито приблизительно 30 000 жителей Восточного Тимора, 130 000 было изгнано из местностей, в которых проживали. ООН отреагировала на эти эксцессы вводом 20 сентября в Восточный Тимор интернациональных вооруженных сил, которые сумели прекратить вакханалию убийств местных жителей (*Ortega M. La independencia de Timor Oriental: ¿Peligra la unidad de Indonesia? // Política Exterior. 2000. Vol. 14. No. 73. P. 37*).

тер конфликта, то он редко остается внутригосударственным — противоречием исключительно между теми, кто стремится выйти из государства, и правительством этого государства. Осуществление права на самоопределение путем сецессии влечет за собой появление новых государств, а в случае вхождения отделившейся территории в состав другого государства — увеличение его пространства с одновременным уменьшением пространства того государства, к которому эта территория относилась раньше. Все это способно довольно существенно изменить расклад сил в том регионе, где возникает такая ситуация. Заинтересованные государства чаще всего не остаются в стороне и вмешиваются в нее, чтобы содействовать ее развитию в выгодном для себя направлении. В результате исход конфликта между теми, кто стремится к самоопределению путем выхода из состава государства, и властями этого государства начинает зависеть не только от соотношения сил между ними, но и от поддержки, оказываемой им другими государствами.

Косовские албанцы не имели никаких шансов на реализацию права на самоопределение путем выхода из состава Сербии и образования собственного государства, если бы их не поддержали США и ведущие западноевропейские державы, а НАТО не провело бы с 24 марта по 10 июня 1999 года военную операцию против Югославии. Затеянная без соответствующего мандата ООН, эта операция свелась в основном к бомбардировке военных и гражданских объектов на территории Сербии и, в частности, в ее столице Белграде¹. Главной причиной для осуществления столь жестокой акции против сербов было объявлено стремление предотвратить грубые нарушения югославскими властями прав человека в Косово². Однако если бы руководители США и НАТО действительно были проникнуты заботой о соблюдении прав человека, то они непременно обратили бы внимание на массовые преступления

¹ В течение 78 дней операции против Югославии авиация НАТО совершила 38 400 боевых вылетов, сбросив и выпустив более 23 000 бомб и ракет. По официальной информации югославских властей, вследствие агрессии НАТО погибло более 1700 человек, в том числе почти 400 детей, примерно 10 тысяч человек получили серьезные ранения. Согласно данным организации «Human Rights Watch», приведенным в докладе международной комиссии по Косово, в результате бомбардировок НАТО было убито не менее 488 и не более 527 гражданских лиц.

² См.: The Kosovo Report. Conflict. International Response. Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. Oxford, 2000. P. 159–160.

против сербского и албанского населения Косово созданной косовскими албанцами так называемой «армии освобождения».

Об истинных мотивах военной операции НАТО против Югославии проговорился в своей книге «Курс на столкновение: НАТО, Россия и Косово» Джон Норрис, который во время описываемых событий занимал должность директора по коммуникациям в аппарате заместителя госсекретаря США Струба Тэлботта. *«Именно сопротивление Югославии более широкому курсу политических и экономических реформ, — а не бедственное положение косовских албанцев — лучше всего объясняет войну НАТО. Милошевич так долго был костью в горле трансатлантического сообщества, что Соединенные Штаты почувствовали, что именно он ответит за военное давление. Повторявшееся неповиновение Слободана Милошевича шло прямо вразрез с видением Европы „единой и свободной“ и ставило под сомнение саму полезность дальнейшего существования НАТО»*¹.

Один из ведущих в современном мире правоведов-международников Рейн Мюллерсон² следующими словами прокомментировал вышеприведенное признание Джона Норриса: «Косово не было операцией с единственно гуманитарными целями, но являлось операцией по смене режима с геополитическими целями и смыслами»³. Подобным же образом охарактеризовал военную операцию НАТО в Косово и Ноам Хомский. В 2006 году в своем интервью государственному телевидению Сербии авторитетный американский философ и политический публицист сказал: «Обратите внимание на книгу Джона Норриса и на его слова о том, что реальная цель войны не имела никакого отношения к косовским албан-

¹ «It was Yugoslavia's resistance to the broader trends of political and economic reform—not the plight of Kosovar Albanians—that best explains NATO's war. Milosevic had been a burr in the side of the transatlantic community for so long that the United States felt that he would only respond to military pressure. Slobodan Milosevic's repeated transgressions ran directly counter to the vision of a Europe „whole and free,“ and challenged the very value of NATO's continued existence» (*Norris J. Collision Course: Nato, Russia, and Kosovo / Foreword by Strobe Talbot. Westport, 2005. P. XXIII*).

² Выпускник юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Рейн Авоич Мюллерсон в настоящее время является Президентом Таллиннской школы права, Таллиннского университета, в 2013 г. был избран президентом основанного в 1873 г. Института международного права.

³ *Müllerson R. Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. Leiden, 2013. P. 190.*

цам. Она произошла потому, что Сербия не проводила требуемых социальных и экономических реформ: это означает, что она была последним уголком Европы, который не подчинился управляемым США неолиберальным программам и поэтому должен был быть уничтоженным»¹.

Оценивая выход Косово из состава Сербии с учетом военных действий, предпринятых западными державами против небольшого сербского государства, Рейн Мюллерсон счел необходимым заметить: «Декларация о независимости, принятая Косово, на самом деле, может быть, и не нарушила международного права, однако тот факт, что она стала возможной как результат натовской бомбардировки Сербии, добавляет доверия мысли о том, что декларация о независимости Косово имеет сомнительную легитимность»².

Процедура выхода Крыма из состава Украины имела, по мнению Р. Мюллерсона, тот же самый порок с точки зрения международного права, которым сопровождалось отделение Косово от Сербии. В обоих случаях осуществление права на самоопределение путем сецессии происходило при поддержке вооруженных сил: в Косово это были войска НАТО, в Крыму — российские воинские подразделения. Референдум 16 марта 2014 года нарушил требования международного права, по его словам, «не потому, что он противоречит Конституции Украины или принцип самоопределения народов менее применим в Крыму, чем в Шотландии и Квебеке. Его незаконность вытекает из того, что референдум в Крыму проводился в ситуации, когда нарушался принцип неприменения силы со стороны Москвы (как это было и в случае бомбардировки Сербии из-за Косово и признания независимости последнего).

¹ «Take a look on John Norris's book and what he says is that the real purpose of the war had nothing to do with concern for Kosovar Albanians. It was because Serbia was not carrying out the required social and economic reforms, meaning it was the last corner of Europe which had not subordinated itself to the US-run neo-liberal programs, so therefore it had to be eliminated». Данное интервью заметили в США, и Джону Норрису вместе со Строрбом Тэлботтом пришлось оправдываться, говорить, что Ноам Хомский неправильно его понял. Однако достаточно сравнить сказанное американским философом с тем, что написал американский дипломат, чтобы убедиться, что в словах Джона Норриса об истинной цели войны НАТО против Сербии трудно обнаружить другой смысл, нежели тот, который в них увидел Ноам Хомский. См.: <http://balkanwitness.glypx.com/Chomsky-Norris.htm>

² *Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1. P. 140.*

Даже подлинность желания абсолютного большинства крымчан, выраженного, в частности, на референдуме 16 марта, присоединиться к России, не делает его законным (lawful). В лучшем случае он может считаться легитимным (legitimate)»¹.

Фактору применения силы Р. Мюллерсон придает определяющее значение при юридической оценке референдума. «Надо только спросить, — рассуждает он, — было ли возможно проведение в Крыму референдума 16 марта без российских вооруженных сил?.. В случае отрицательного ответа, а, на мой взгляд, это будет единственно возможным ответ, Россия должна считаться нарушителем международного права. И это остается так, несмотря на то, что подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной. Нет никакого сомнения в том, что большинство крымчан, как и большинство граждан России, приветствовало воссоединение Крыма с Россией. С такой позиции это все может даже рассматриваться как легитимное, хотя и противоречащее международному праву»².

Рейн Мюллерсон не задал еще одного вопроса, который был бы здесь вполне уместным, так как ответ на него позволил бы дать более правильную юридическую оценку крымскому референдуму 16 марта 2014 года. Вопрос этот просто напрашивается: *если «подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной», то почему же тогда проведение в Крыму референдума было невозможно без российских войск?* Очевидно, что такое могло быть только в случае «каких-либо насильственных действий» со стороны властей Украины, лишаящих народ Крыма его «права на самоопределение, свободу и независимость». Но такие действия осуждаются Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Более того, народам, стремящимся реализовать свое право на самоопределение и сталкивающимся с препятствиями на этом пути, названной декларацией предоставляется право оказывать сопротивление насильственным действиям и добиваться в этом случае поддержки для осуществления своего права на самоопределение и «получать ее в соответствии с целями и принципами Уста-

¹ *Müllerson R. Op. cit. P. 141.*

² *Ibidem.*

ва». Российские войска в Крыму и призваны были избавить народ Крыма от насильственных действий со стороны украинских властей или радикально настроенных националистов, лишаящих его возможности провести референдум.

Мнение о том, что воссоединение Крыма с Россией произошло в нарушение международного права, всецело господствует в среде западных политиков, юристов, журналистов. При этом обвинения России в нарушении международного права наслаиваются на обвинения организаторов референдума в Крыму в нарушении украинской и крымской конституций. В результате получается довольно мрачная картина: Россия рисуется в образе агрессора, аннексировавшего часть территории суверенного иностранного государства, новые руководители Крыма представляются уголовными преступниками, совершившими акт государственной измены.

9 апреля 2014 года Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) большинством в 154 голоса при 14 воздержавшихся и 26 против приняла резолюцию, гласившую: «Ассамблея сожалеет, что демократические перемены и политические события в Украине были омрачены событиями в Крыму. Ассамблея решительно осуждает российскую военную агрессию и последовавшую аннексию Крыма, что является явным нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также Устава и основных принципов Совета Европы».

Приведенная резолюция основывалась на докладе «Последние события на Украине: угроза функционированию демократических институтов», который был подготовлен и принят Мониторинговым комитетом Парламентской ассамблеи Совета Европы¹ 8 апреля 2014 года. В 16-м пункте этого документа утверждалось: «Так называемый референдум, организованный в Крыму 16 марта 2014 года, являлся неконституционным как по крымской, так и по украинской конституциям. Кроме того, сообщения о явке на него и его результатах неправдоподобны. Результат этого референдума и незаконная аннексия Крыма Российской Федерацией не имеют поэтому юридической силы и не признаются Советом Европы. Ассамблея подтверждает свою решительную поддерж-

¹ Полное наименование данного органа — «Комитет по соблюдению обязательств и обязанностей государств-членов Совета Европы (Committee on the Honouring of Obligations and Commitments by Member States of the Council of Europe)».

ку независимости, суверенитету и территориальной целостности Украины»¹.

Содержание и стиль резолюции ПАСЕ, а также доклада ее Мониторингового комитета предельно односторонни, категоричны и, следовательно, примитивны. Они как будто целиком написаны в Киеве, поскольку отражают исключительно украинскую точку зрения на ситуацию с Крымом. Между тем произошедшее в марте 2014 года воссоединение Крыма с Россией является событием, спор о котором должен решаться прежде всего юридическими аргументами. Причем это событие, всколыхнувшее все поле международной политики, нуждается в глубоком и всестороннем изучении не только для того, чтобы разрешить спор между Россией и Украиной, потушить все более разгорающийся и способный привести к широкомасштабной войне международный конфликт, но и для выработки более эффективных международно-правовых механизмов и процедур взаимодействия ведущих мировых держав.

§ 4. Трансформация международного права в 90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века: революция легитимности

Те, кто определяет воссоединение Крыма с Россией как «явное нарушение международного права» или в более мягких выражениях — как событие, «противоречащее международному праву», не задаются весьма простым вопросом: *какое международное право нарушило воссоединение Крыма с Россией?*

В устройстве международного сообщества, в сфере международной политики, в раскладе сил между государствами в последнюю четверть века произошли коренные перемены. Самой главной из них стало исчезновение, вследствие распада Советской империи, дуалистического, диполярного мира, вращающегося вокруг двух сверхдержав — СССР и США, каждая из которых воплощала к тому же и особый социально-экономический и политический строй (социализм и капитализм). Вместо этого удивительного мира в начале 90-х годов XX века возник другой — однополярный,

¹ Council of Europe. Parliamentary Assembly. Doc. 13482. Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. Text adopted by the Assembly on 9 April 2014 (15th Sitting) // <http://www.assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewPDF.asp?FileID=20712&Language=EN>

с единственной сверхдержавой. Эта перемена не могла не отразиться на международном праве.

В своем поведении на мировой арене ведущие мировые державы всегда исходят из собственных интересов, в противном случае они перестают быть державами и превращаются в обыкновенные государства. Эта закономерность проявляется особенно отчетливо в моменты острых международных кризисов. Рассказывая о Карибском кризисе во взаимоотношениях СССР и США, который возник в октябре 1962 года вследствие размещения советских ракет на Кубе, американский дипломат Дин Ачесон¹, занимавший пост государственного секретаря в период второго президентства Трумэна, пояснял позицию своей страны следующими весьма примечательными в этом плане словами: «Власти, положению и престижу Соединенных Штатов был брошен вызов со стороны другого государства; а право просто не имеет дела с такими вопросами высшей власти — власти, которая близко стоит к источникам суверенитета. *Я не могу поверить, что существуют принципы права, по которым мы должны допустить уничтожение нашего образа жизни*»² (курсив мой. — В.Т.).

Однако одновременное сосуществование на мировой арене двух сверхдержав, обладавших ядерным оружием и соответственно возможностью несколько раз уничтожить друг друга (как, впрочем, и вообще все живое на Земле), заставляла каждую из них ограничивать свои притязания определенными рамками, установленными международным правом, и в целом поддерживать принципы мирного сосуществования, суверенного равенства государств, их невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости государственных границ, территориальной целостности. Эти принципы составляли главное содержание международного права эпохи дуалистического мироустройства, bipolarного мира.

¹ Полное имя — Дин Гудерхэм Ачесон (*Dean Gooderham Acheson*, 1893–1971).

² «The power, position and prestige of the United States had been challenged by another state; and law simply does not deal with such questions of ultimate power — power that comes close to the sources of sovereignty. I cannot believe that there are principles of law that say we must accept destruction of our way of life» (*Acheson D., Chayes A., Wright Q. The Cuban Quarantine // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969). 1963. Vol. 57. Law and Conflict: Changing Patterns and Contemporary Challenges. P. 14).*

Многие оценки произошедшего в марте 2014 года воссоединения Крыма с Россией даются с позиции именно этого международного права. Это, как мне кажется, объясняет, почему незаконность референдума в Крыму, состоявшегося 16 марта указанного года, Рейн Мюллерсон связывает с нарушением Москвой принципа неприменения силы.

Состояние международного права стало меняться после распада СССР и утверждения США в качестве единственной сверхдержавы. Сложившийся после Второй мировой войны международный правопорядок и его организационные институты начали терять свое прежнее значение. Специалист по американской внешней политике и международным отношениям профессор колледжа Колорадо Дэвид Хендриксон в статье «К универсальной империи: опасное стремление к абсолютной безопасности (односторонние действия США и доктрина превентивной войны)», опубликованной в 2002 году, следующим образом охарактеризовал такое положение на мировой арене: «Ни в какое время за последние 50 лет Соединенные Штаты не стояли в таком антагонизме как к первичным нормам, так и к центральным институтам международного сообщества. Причину нетрудно обнаружить. Эти правила и институты передают простое послание (message) администрации Буша: посредством права вы не сможете делать то, что хотите делать (вторгаться в Ирак, затевать превентивные войны и т.д.). Следовательно, эти нормативные и институциональные ограничения должны быть унижены и опорочены администрацией, как мощи прошлой эпохи»¹.

Не встречая в мире преград своим эгоистическим устремлениям, США стали подчинять международное право исключительно своим интересам, превращая его в идеологическую систему, оправдывающую любые их внешнеполитические действия, в том числе открытое вмешательство во внутренние дела других государств. При этом в качестве главных оснований для интервенции в иностранные суверенные государства стали выдвигаться такие поводы, как защита прав человека, спасение или создание демократического строя, борьба с терроризмом и т.д. Профессор международных отношений Бирмингемского университета Николас Вилер следующими словами оценил данную тенденцию во внешней политике США: «Отнюдь не стремясь изменить общие прави-

¹ *Hendrickson D.C. Toward Universal Empire: The Dangerous Quest for Absolute Security // World Policy Journal. 2002. Vol. 19. No. 3. P. 5.*

ла применения силы, Америка добивается освобождения себя от них, одновременно требуя особого права вмешиваться, чтобы защитить Соединенные Штаты от опасностей, связанных с глобальным терроризмом»¹.

В результате начало формироваться новое международное право, соответствовавшее характеру однополярного мира, с одним государством-сверхдержавой на вершине. В нем по-новому толковались такие основополагающие для любой правовой системы понятия, как «законность» и «легитимность». Была выдвинута даже идея о том, что незаконные с точки зрения принципов и норм традиционного международного права действия государств вполне могут быть признаны легитимными, если нарушения международного права совершаются с благородной целью — например, для того, чтобы защитить население какой-либо территории от грубых посягательств на права человека. Естественно, что новое международное право существенно расширяло возможности для вмешательства США во внутренние дела других государств.

Важным фактором, повлиявшим на трансформацию международного права, стало резкое увеличение количества суверенных государств². Если в 1945 году в Организацию Объединенных Наций вошло 51 государство, то в 1955 году в ней состояло 76 стран. В 1991 году в ООН было уже 166 государств. В настоящее время эта организация объединяет 193 государства. Приведенные цифры показывают, какой размах приобрело в последние десятилетия практическое осуществление права народа на самоопределение.

Большое значение для испытания на практике идей, принципов и норм нового международного права имели события, связанные с обретением Косово независимости, — прежде всего осуществленная в 1999 году против Сербии военная операция НАТО. Правоведы-

¹ Wheeler N.J. The Bush Doctrine: The Dangers of American Exceptionalism in Revolutionary Age // Asian Perspective. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 212.

² Определение «суверенный» используется в данном случае всего лишь в качестве юридической фикции. На самом деле в мире нет государств, которые были бы в полной мере самостоятельны, суверенны и независимы. Экономически и политически все государства, в том числе и ведущие мировые державы, являются *несамостоятельными, несuverенными* и соответственно не обладающими полной независимостью, хотя и в разной степени. Причем государства зависят не только от других государств или от государственных союзов, в которые они входят, но от разного рода неофициальных политических и финансовых группировок и организаций, выступающих в форме клубов, комиссий, форумов и т.п.

международники, касаясь этого события, часто сравнивают его с бомбой замедленного действия, заложенной под все здание международного права. Так, Рейн Мюллерсон пишет о нем: «Косовская операция НАТО, на которую многие западные политики и эксперты ссылаются как на образец, которому должно следовать, чтобы спасти жизни, например, в Ливии или Сирии, может, тем не менее, послужить в качестве другого, намного более отрицательного, прецедента»¹. По его мнению, «косовский прецедент» вреден тем, что внушает мысль о допустимости применения силы для решения внешнеполитических проблем. Если «цивилизованный Запад» оказался не прочь применить насилие в международных отношениях, то почему бы и другим странам не сделать то же самое.

В действительности наибольший вред интересам поддержания нормального правопорядка на мировой арене наносит не сам по себе «косовский прецедент», а его теоретическое обоснование, изложенное в издании под названием: «Косовский доклад: конфликт. Международный ответ. Выученные уроки». Текст был составлен независимой международной комиссией по Косово, созданной по инициативе премьер-министра Швеции Ханса Йорана Перссона и одобрен Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном². В 2010 году он был опубликован в виде книги объемом в 372 страницы.

Этот труд содержит в развернутом и аргументированном виде основные положения нового международного права, возникшего в условиях однополярного мира и диктата США в международных отношениях. Некоторые из этих положений могут при определенных условиях стать просто разрушительными для мирового правопорядка и международного права.

«Комиссия делает вывод, — говорится в начале указанного доклада, — что военная интервенция НАТО была **незаконной, но легитимной**. Она была незаконной, потому что не получила предварительного одобрения от Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Несмотря на это, Комиссия считает, что интервенция была оправдана тем, что все дипломатические средства были исчерпаны, и потому, что интервенция имела своим результатом освобождение большинства населения Косово от дли-

¹ *Müllerson R.* Regime Change: From Democratic Peace Theories to Forcible Regime Change. P. 191.

² См. рецензию на «Косовский доклад» в издании: *Human Rights Quarterly*. 2004. Vol. 26. No. 3. P. 791–794.

тельного периода угнетения под сербским правлением»¹ (выделено мною. — *В.Т.*).

Этому положению авторы «Косовского доклада» явно придавали особое значение. В дальнейшем изложении текста доклада они повторили в более подробном выражении заложенную в нем идею: «Хотя есть дополнительный аргумент о подразумеваемом полномочии на применение силы, раз конфликт понимается Советом Безопасности ООН в качестве угрозы международному миру и безопасности в соответствии с главой VII Устава, то будет трудно примирить вооруженное вмешательство НАТО от имени Косово с общей системой законных прав и обязанностей, определяющих законность применения силы. Однако можно утверждать, что параллельно закрепленным в Уставе ограничениям на применение силы в Уставе выражается поддержка международному содействию и защите прав человека. В этой связи и было заявлено, что, принимая во внимание разворачивающуюся гуманитарную катастрофу, вызванную сербским примером насильственной преступности по отношению к гражданскому албанскому населению в Косово, применение силы со стороны НАТО было легитимным»².

Тема легитимности не является новой для международного права, но в последние два десятилетия она, безусловно, привлекает к себе повышенный интерес правоведов и политологов, специалистов в области международных отношений. До этого публикации

¹ «The Commission concludes that the NATO military intervention was illegal but legitimate. It was illegal because it did not receive prior approval from the United Nations Security Council. However, the Commission considers that the intervention was justified because all diplomatic avenues had been exhausted and because the intervention had the effect of liberating the majority population of Kosovo from a long period of oppression under Serbian rule» (The Kosovo Report. Conflict. International Response. Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. Oxford, 2000. P. 4).

² «Although there is a subsidiary argument about implied authorization to use force once a conflict has been formally treated by the UNSC as a threat to international peace and security under Chapter VII of the Charter it remains difficult to reconcile NATO's recourse to armed intervention on behalf of Kosovo with the general framework of legal rights and duties which determines the legality of the use of force. It is, however, possible to argue that, running parallel to the Charter's limitations on the use of force, is Charter support for the international promotion and protection of human rights. In this vein it has been asserted that, given the unfolding humanitarian catastrophe precipitated by the Serb pattern of oppressive criminality toward the civilian Albanian population in Kosovo, the use of force by NATO was legitimate» (ibid. P. 167)

на данную тему появлялись довольно редко¹. С начала 90-х годов XX века их поток стал нарастать. В последнее десятилетие буквально ежегодно выходят десятки книг и статей о легитимности в международном праве, содержании и смысле этого принципа, его соотношении с принципом законности². Такое большое внимание к одной из проблем международного права не может быть случайным. Ученые-правоведы поняли, что международный порядок переживает после распада СССР критические времена: в нем совершаются коренные перемены и если определять их как революцию, то правильнее будет сказать, что сущность перемен в современном международном праве составляет РЕВОЛЮЦИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ. По словам американского политика и журналиста Роберта Кагана, «борьба за то, чтобы определить и получить международную легитимность в эту новую эпоху, может оказаться среди критических противостояний нашего времени, в некотором смысле, также значимой в определении будущей международной системы и места Америки в ней, как и любой чисто материальной меры власти и влияния»³.

¹ «Международная легитимность — неуловимое и туманное понятие, на границе между моралью и правом. Она может быть описана как моральная приемлемость (acceptability). Приемлемость для кого? — Для остального международного общества», — такими словами определял международно-правовую легитимность Мартин Уайт. См.: *Wight M. International Legitimacy // International Relations: Journal of the David Davies Memorial Institute of International Studies. 1972. Vol. 4. No. 1. P. 1.* Также см.: *Claude I.L. Collective Legitimization as a Political Function of the United Nations // International Organization. 1966. Vol. 20. No. 3. P. 367–379.*

² См.: *Franck Th.M. The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990. Hurd I. Legitimacy and Authority in International Politics // International Organization. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 379–408. Clark I. Legitimacy in International Society. Oxford, 2005. Force and Legitimacy in World Politics / Edited by David Armstrong, Theo Farrell and Bice Maiguashca. Cambridge, 2005. Armstrong D., Farrell Th. Force and Legitimacy in World Politics: Introduction // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. Force and Legitimacy in World Politics. P. 3–13. Clark I. International Legitimacy and World Society. Oxford, 2007. Legitimacy in International Law / Edited by R. Wolfrum and V. Röben. Heidelberg, 2008. Legitimacy, Justice and Public International Law / Edited by Lucas H. Meyer. Cambridge, 2009. Brunnée J., Toope S.J. Legitimacy and Legality in International Law. Cambridge, 2010. Buchanan A. Human Rights, Legitimacy, and the Use of Force. Oxford, 2010. Fault Lines of International Legitimacy / Edited by Hilary Charlesworth and Jean-Marc Coicaud. Cambridge, 2010.*

³ *Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. New York, 2004. P. 108.*

Слова «legitimacy (легитимность)» и «legality (законность)» имеют общий корень и смыслы их не могут не совпадать, однако сам факт употребления двух этих понятий показывает, что они отличаются одно от другого по своему содержанию и значению.

Легитимность имеет более объемное содержание по сравнению с законностью, но, согласно логике, не может не включать в себя законность, то есть не может быть *легитимностью беззакония*. Иначе получается бессмыслица и понятие легитимности обесценивается. Авторы «Косовского доклада» своим заявлением о том, что «военная интервенция НАТО была незаконной, но легитимной», полностью отделили эти понятия одно от другого¹: они признали легитимным действие совершенно незаконное, а это значит, использовали определение «legitimate» не в качестве термина с богатым содержанием и смыслом, но всего лишь как ширму, прикрывающую беззаконие, — во всяком случае, действие, характеризующееся определением «illegal».

Вполне сознавая недопустимость противопоставления свойства легитимности качеству законности, авторы доклада на последующих его страницах представили некоторое пояснение к своему мнению о легитимности незаконной военной операции НАТО в Югославии в 1999 года. «Опыт интервенции НАТО в Косово, — заявили они, — предполагает *необходимость преодоления разрыва между законностью и легитимностью*. Комиссия считает, что подошло время представить принципиальную основу для гуманитарной интервенции, которую можно было бы использовать как руководство будущими ответными действиями, предпринимаемыми в качестве реакции на грозящие гуманитарные катастрофы»² (курсив мой. — В.Т.).

Если понятие легитимности не использовать в качестве ширмы для творимого на международной арене беззакония, а применять его для оценки международных событий и, в частности, для характеристики ситуации, возникающей в случае реализации тем или иным народом права на самоопределение путем выхода его из состава государства, то оно сыграет в высшей степени положительную роль при разрешении международных споров.

¹ «Косовская дилемма раскрыла нежелательный разрыв между легитимностью и законностью», — отметил в своей статье, посвященной антитеррористическим войнам, Ричард Фальк (*Falk R. The Great Terror War. Moreton-in-Marsh, 2003. P. XVI*).

² The Kosovo Report. С. 10.

Международные организации и нормы международного права даже в условиях стабильности в международных отношениях не всегда способны выполнять ту роль, к которой они призваны. Нормативное содержание международного права в силу особенностей своего формирования всегда имеет пробелы и страдает от противоречий. Поэтому при выработке юридической оценки тех или иных событий часто приходится обращаться не к букве, а к духу международного права, прибегать к толкованию международно-правовых норм, обнаруживать юридические аргументы в практике Международного суда и в практических случаях, аналогичных тому, для которого ищутся аргументы. Как бы то ни было, полного соответствия той или иной ситуации или какого-либо действия государства конкретным нормам международного права чаще всего не бывает. А это значит, что **не бывает в международном праве и в полной мере законных действий.**

Еще менее способно международное право выполнять свою роль в периоды острого кризиса в международных отношениях. «Каждая юридическая система, особенно ее учредительные компоненты (в нашем случае те, которые большей частью выражены или вытекают из Устава ООН), хорошо работает в сравнительно стабильной, то есть не-революционной обстановке, поскольку право как нормативная система призвано функционировать, по самому названию правовых норм, в нормальных обстоятельствах»¹.

В условиях, когда законность того или иного действия государства невозможно обосновать полностью или хотя бы частично, на помощь приходит понятие легитимности, которое опирается на нормы не только права, но и морали, а также на практику разрешения международных споров, правосознание, труды правоведов-международников, мнение влиятельных в мировом сообществе политических группировок.

Важно еще отметить, что события, подобные воссоединению Крыма с Россией, можно по-настоящему понять, если на них объективно смотреть не только с точки зрения международного права, моральных ценностей, политической обстановки, но и с позиции геополитических интересов России, Украины и ведущих мировых держав.

Именно такой, предельно широкий, взгляд на международные события предполагает применение для их оценки понятия легитимности. *Однако для того, что оно стало использоваться в меж-*

¹ *Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics. С. 134.*

дународном сообществе не в качестве ширмы, прикрывающей беззаконие, а как принцип или критерий, позволяющий дать всестороннюю — как юридическую, так и политическую, и моральную оценку действиям государств, необходимо ограничение гегемонии США на мировой арене. Именно она является в настоящее время главным препятствием на пути развития такого международного права, которое бы соответствовало реалиям современного мира.

Это обстоятельство вполне сознается ведущими западными юристами-международниками, политологами и публицистами. «Основной проблемой для сегодняшнего международного сообщества можно считать необходимость приспособления антигегемонистских принципов к новым реалиям преобладания США. Может легитимность быть переформатирована в таком контексте? Необходимым условием морального консенсуса должен быть такой результат, чтобы ни один субъект, каким бы могущественным он ни был, не мог постоянно навязывать свою волю... В этом плане могущество Соединенных Штатов представляет собой, возможно, фундаментальную проблему для современной практики легитимности»¹, — рассуждает Ян Кларк.

В чем конкретно заключается данная проблема, ясно показало воссоединение Крыма с Россией. Это событие, безусловно, должно было подвергнуться тщательному и вдумчивому юридическому анализу специалистов и оценено ими прежде всего с точки зрения международного права — по критериям как *законности*, так и *легитимности*. Вместо этого была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания, выставившая Российское государство агрессором, а добровольное вхождение Крыма в Российскую Федерацию представившая обыкновенной аннексией.

Сложнейший и интереснейший случай осуществления права народа на самоопределение путем сепарации, которым стал выход Крыма из состава Украины, мог стимулировать развитие международного права, способствовать его обновлению и обогащению множеством новых идей. Вместо этого данный случай сыграл очень печальную роль, а именно: **показал, в каком плачевном состоянии находятся мировое сообщество, международный правопорядок и международное право.** Последнее перестало пользоваться каким-либо уважением со стороны ведущих мировых держав, которые до этого, в течение ряда столетий, являлись главным двигателем его поступательного развития.

¹ Clark I. Legitimacy in international society. New York, 2005. P. 170.

Нормальное состояние международного права невозможно без постоянно действующих механизмов для совершенствования его норм, принципов и доктрин. Такие механизмы всегда предполагают свободные дискуссии между экспертами-правоведами различных государств по международно-правовым проблемам, совместный поиск государствами наиболее оптимального с точки зрения международного права способа разрешения того или иного геополитического конфликта, достижение компромисса в юридической оценке тех или иных международных событий. Украинский кризис текущего года стал убедительным свидетельством полной атрофии в практике международных отношений жизненно необходимых для международного права механизмов согласования противоположных геополитических интересов. И главную ответственность за это несут ведущие западные государства.

Характеризуя отношение к международному праву, утвердившееся в последние два десятилетия в западном сообществе, президент Института международного права профессор Рейн Мюллерсон с горечью заметил: «К сожалению, в контексте сегодняшних геополитических конфликтов, правовые аргументы, из-за такого пренебрежительного и даже легкомысленного отношения к международному праву... не имеют большого веса. В лучшем (или худшем) случае, они дают словесные боеприпасы к ведущейся информационной войне, в которой первой жертвой, как всегда, является ПРАВДА»¹.

¹ «Unfortunately, in the context of today's geopolitical conflicts, legal arguments, due to such slight and even frivolous attitudes towards international law... do not carry much weight. At best (or worst), they give verbal ammunition to the current information warfare wherein the first victim, as always, has been the truth» (*Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1. P. 137*).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«УКРАИНСКИЙ КРИЗИС»: МЕТАМОРФОЗЫ ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Нынешний способ, которым большинство профессоров международного публичного права преподают этот предмет, в значительной степени не соответствует основным проблемам современных международных отношений. Профессора международного права должны взять этот огромный свод старопечатных правил, который оставили нам наши предки, и попытаться понять их, применяя их и по-веряя актуальными проблемами международных отношений.

Фрэнсис А. Бойл.

Из работы «Уничтожение Ливии и мировой порядок...» (2013)

Неспособность украинской элиты осознать органическую связь своего народа и страны с Россией потенциально чревата катастрофическими последствиями для независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины.

Юджин Румер, сотрудник Совета национальной безопасности США

*Из статьи «Евразийское письмо:
Вернется ли Украина в Россию?» (1994)*

§ 1. «Украинский кризис» как цивилизационный и геополитический конфликт

Выход Крыма из состава Украины и воссоединение его с Россией невозможно понять и правильно оценить, не принимая во внимание состояние украинской государственности. С конца 2013 года она вступила в новый кризис, который вполне может оказаться агонией, предшествующей кончине.

Термин «украинский кризис» часто используется в статьях и книгах, посвященных трагическим событиям, терзающим в последние годы Украину. Он является, конечно, слишком общим и условным, но более адекватный термин для обозначения разрушительных процессов, происходящих в настоящее время на Украине,

придумать трудно. Уж слишком необычное явление эти процессы в своей совокупности составляют.

Глубинная сущность «украинского кризиса» еще остается во многом неясной, но главное его последствие уже проявилось в предельно жестокой и очевидной степени: *украинская часть Русской цивилизации превратилась в общность, спаянную ненавистью ко всему русскому, стало силой в высшей степени враждебной по отношению к русской нации*. С точки зрения интересов Русской цивилизации это последствие невозможно оценить иначе как *самую большую для нее катастрофу после распада СССР*.

История России — это история государства, которое постоянно решало вопрос не о том, каким ему быть, а о том — *быть ему или не быть*. Русское государство на всем протяжении своего исторического развития являлось государством оборонительным, оно вынуждено было проявлять особую заботу о своей защите от внешних нападений. Многочисленные войны, которые вынуждена была вести Россия, приучили русских людей к мысли о том, что главная опасность для русской нации исходит от вражеских армий и военного оружия. Соответственно защиту от агрессоров в России привыкли видеть в разработке и производстве совершенных систем вооружения: военных самолетов и кораблей, ракет и снарядов, танков и пушек. Однако войны бывают разные, и самые опасные из них ведутся не военным оружием, а духовным — поражающим людские души, и не на полях сражений, а в сфере культуры, образования, мировоззрения. «Украинский кризис» показывает, какой мощной губительной силой обладает оружие, воздействующее на души людей. Он свидетельствует, что *деформация общественного сознания, разрушение национальной культуры и государственной идеологии являются для общества, нации и государства губительнее самого тяжкого военного поражения*.

«Украинский кризис» является в глубине своей прежде всего цивилизационным, социокультурным и мировоззренческим кризисом. Но на поверхности он предстает в качестве конфликта геополитического характера — новой схваткой России и Запада. С этой точки зрения, если к нынешней украинской ситуации применимо название «кризис», то правильнее было бы называть ее «мировым кризисом».

Не вся конкретная подоплека этого геополитического конфликта или мирового кризиса видна и понятна. Не все мотивы и устремления, движущие силами, его вызвавшими, объяснимы с позиции разума. Многие факторы постигшей Украину государст-

венной катастрофы уходят своими корнями в прошлое¹. Но общий смысл возникшего на территории Украины геополитического конфликта вполне ясен. Произошедший в Киеве в конце февраля 2014 года государственный переворот, в результате которого был отстранен от власти законно избранный президент, позволил создать для Украины самое проамериканское и антироссийское правительство из всех, которые действовали в этой стране со времени обретения ею государственной независимости. Этот факт признается очевидным как влиятельными западными аналитическими центрами, так и авторитетными политологами США.

Джордж Фридман, основатель и директор частной разведывательно-аналитической организации «Стретфор» (Strategic Forecasting Inc.), отмечает в своей статье «Взгляд за пределы Украины»: «Соединенные Штаты в настоящее время имеют прозападное правительство на Украине. Если это правительство продолжит существовать и укрепляться, позиция России станет полностью оборонительной, и Москва лишится положения, представляющего угрозу. Кроме того, в Белоруссии может быть дестабилизирована обстановка и приведено к власти прозападное правительство. В любом случае, положение России станет чрезвычайно трудным. При использовании Россией своего главного оружия — прекращения поставок природного газа в Европу — ей придется принимать в расчет собственную стратегическую уязвимость, и, возможно, даже учитывать потенциал нестабильности в ней самой. Будущим для России становится одна вещь, которой не желает ни одна нация: неопределенность»².

¹ «Конфликт на Украине и вокруг нее — следствие многих причин, по которым украинская государственность оказалась на грани распада еще до того, как ситуация в конце концов „взорвалась“ на Майдане», — отмечает президент Института международного права Рейн Мюллерсон. См.: *Мюллерсон Р.* Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 86.

² «The United States now has a pro-Western government in Ukraine. If that government survives and is strengthened, the Russian position becomes entirely defensive, and the threat Moscow poses is gone. Further, Belarus could destabilize and end up with a pro-Western government. In either case, the Russian position becomes enormously difficult. Its principal weapon — cutting off natural gas to Europe — would then have to take into account Russia's strategic vulnerability, and possibly even calculate the potential for instability in Russia itself. The future for Russia becomes the one thing no nation wants: uncertain» (*Friedman G.* Borderlands: The View Beyond Ukraine // Stratfor. Geopolitical

В «Трекере глобальных конфликтов (Global Conflict Tracker)», периодическом издании Центра превентивного действия (Center for Preventive Action), функционирующего при американской неправительственной организации «Совет по международным отношениям», в сообщении «Политические волнения в Украине», опубликованном 13 июня 2014 года, был сделан следующий вывод: «Месяцы политической нестабильности в Украине переросли в крупный международный кризис, столкнувший Соединенные Штаты и Европейский Союз с Россией. Риск военного конфликта, в который вовлечены украинские и российские вооруженные силы, является в настоящее время вполне реальным»¹.

Оценки кризисной ситуации на Украине как нового геополитического столкновения Западного мира с Россией начали появляться на страницах западных журналов и газет еще с конца 2013 года. После воссоединения Крыма с Россией они стали преобладающими. При этом все аналитики сходятся во мнении, что в дальнейшем возникшее по поводу Украины противостояние Запада и России будет продолжаться долго и приведет к серьезному изменению расстановки сил на мировой арене.

Преподаватель политических наук в университете штата Пенсильвания Килик Бугра Канат (Kılıç Buğra Kanat) опубликовал 17 марта 2014 года в турецкой газете «Daily Sabah» статью с примечательным названием «Украинский кризис как новая шахматная доска глобальной геополитики», в которой заявил, что кризис

Weekly. 2014. June 10 // http://www.stratfor.com/weekly/borderlands-view-beyond-ukraine?utm_source=freelist-).

Понимание полной зависимости действий нынешнего киевского правительства от воли руководства США есть и у населения Украины. Один из жителей Луганской области следующими словами объяснил российский журналистам сложившуюся на Украине конфликтную ситуацию: «Нас тащат в эту Европу, а мы хотим жить так, как привыкли. Эта так называемая евроинтеграция нам ничего не даст. И за это нас обстреливают по указке Америки. Власти в Киеве ничего не решают, они только выполняют указания своих хозяев» (*Иванов А., Родионов Д.* Донбасс: война день за днем. Как живут республики Новороссии в условиях боевых действий // Свободная пресса. 2014. 14 июня).

¹ «Months of political instability in Ukraine have escalated into a major international crisis pitting the United States and the European Union (EU) against Russia. The risk of military conflict involving Ukrainian and Russian forces is now very real» (Political Unrest in Ukraine // Global Conflict Tracker. 2014. June 13 // <http://www.cfr.org/global/global-conflict-tracker/p32137#!/?marker=32>).

на Украине «не только сталкивает западные державы и Россию лицом к лицу в Крыму, но также становится глобальной шахматной доской, на которой глобальные державы ведут свою игру... Кризис и его последствия будут основным фактором, определяющим будущее глобальной геополитики»¹.

§ 2. Международное право в условиях геополитических конфликтов

Перемены в расстановке сил на мировой арене всегда отражались на состоянии международного права. Вся его история свидетельствует, что название этого права международным или, что точнее, межгосударственным носит весьма условный характер. Пространство его действия никогда не охватывало всего мира, всех народов, всех государств, но ограничивалось лишь сферой отношений между вполне зрелыми государственными организмами. Все они так или иначе участвовали в формировании нормативной и доктринальной системы международного права, но определяющую роль в международном правотворчестве и соответственно в становлении и развитии международного правопорядка всегда играла узкая группа наиболее сильных государств. Для их обозначения в русском языке есть удачный термин: «державы». Такие государства действительно являются *держащими* в своих руках судьбы мира и, конечно, именно на них *держится* международный правопорядок. Экономические, политические, культурные интересы государств-держав не могут не приходиться во взаимное столкновение между собой. Баланс этих интересов и кладется, как цементирующий раствор, в основание международного права.

Кризисная ситуация на Украине, как бы она ни разрешилась, неминуемо изменит баланс интересов и политический вес государств, втянутых в данный геополитический конфликт. И уже одним этим окажет значительное влияние на устройство международного правопорядка в будущем.

Особенностью украинского кризиса является то, что составляющий его содержание конфликт затронул в той или иной мере целый ряд основополагающих начал и доктрин международного

¹ Kanat K.B. The Ukraine Crisis as A New Chessboard of Global Geopolitics // Daily Sabah. 2014. 17 March / <http://www.dailysabah.com/columns/kilic-bugra-kanat/2014/03/17/the-ukrainian-crisis-as-a-new-chessboard-of-global-geopolitics>

права: принцип суверенного равенства государств, территориальной целостности, право народа на самоопределение, принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др. При этом данный кризис показал предельно ясно, что в условиях, когда геополитический конфликт между государствами разворачивается на территории другого государства, указанные принципы международного права приобретают новые смыслы, вследствие чего прежние устоявшиеся их толкования утрачивают свое значение.

При отсутствии между государствами конфликта, сильно ущемляющего их жизненно важные интересы, нарушение одним из них принципа невмешательства во внутренние дела государств может быть предотвращено или устранено с помощью обычных протестов или заявлений. Однако если такие нарушения международного права случаются в условиях геополитической борьбы, в которой ставкой является выживание государства, его будущее существование, то обычные механизмы их устранения, предусмотренные международно-правовыми документами в расчете на стабильную ситуацию, совершенно не работают. В таких ситуациях более эффективным оказывается действие государств по принципу талиона. *Если невозможно предотвратить вмешательство какого-либо государства во внутренние дела другого государства, прекратить поддержку им той или иной политической группировки, то его следует уравновесить подобным же вмешательством, поддерживая противоположную политическую группировку.*

Этот простой пример показывает, что в условиях геополитических конфликтов нормы и принципы международного права должны действовать совсем не так, как они действуют в спокойных ситуациях. Сложившаяся система норм, принципов и доктрин международного права, а также процедур и механизмов, обеспечивающих его функционирование, предполагает стабильное состояние международных отношений, она совершенно не приспособлена для использования в условиях геополитических конфликтов. Очевидно, что данная система должна быть дополнена еще одной совокупностью норм, принципов, процедур, специально предназначенных для применения в конфликтных ситуациях. Иначе говоря, интересы поддержания стабильного международного правопорядка требуют, чтобы наряду с *ординарным международным публичным правом* существовало **экстраординарное международное публичное право**.

Таким образом, украинский кризис не только высвечивает реальное состояние современного международного права, показывая его слабости, пробелы, недостатки, противоречия¹, но и дает понять, в каком направлении оно должно развиваться, чтобы сохранить свое значение в регулировании международных отношений.

§ 3. Западные политологи о геополитических интересах России на Украине

Нынешний украинский кризис приоткрыл множество неприятных свойств в устройстве современного западного мира. Среди них самое отвратительное и чрезвычайно опасное для его будущего — *нежелание ведущих держав Запада учитывать жизненно важные интересы поднимающихся держав Востока, договариваться с ними, вырабатывать условия компромисса, создавать новый баланс интересов вместо старого — двадцатилетней давности.*

Между тем понять, в чем заключаются геополитические интересы России вообще и на Украине в частности, совсем нетрудно. Тем более что это сумели сделать такие известные и авторитетные западные политологи, когда-то занимавшие высокие посты на государственной службе в США, как Збигнев Бжезинский² и Генри Киссинджер³. В книге «Великая шахматная доска», вышедшей первым изданием еще в 1997 году, З. Бжезинский высказал следующее мнение о значении Украины для России: «Появление

¹ С этой точки зрения украинский кризис можно считать “моментом истины” для современного международного права.

² Збигнев Казимеж Бжезинский (*Zbigniew Kazimierz Brzezinski*, род. в 1928 г.) в настоящее время является консультантом Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies) и профессором американской внешней политики в Школе передовых международных исследований Пола Нитце (School of Advanced International Studies) при Университете Джонса Хопкинса в Вашингтоне. В 1977–1981 гг. был советником президента США Джимми Картера по национальной безопасности.

³ Генри Альфред Киссинджер (*Henry Alfred Kissinger*, род. в 1923 г.) в настоящее время является председателем международной консалтинговой фирмы Kissinger Associates. В 1969–1975 гг. был советником президентов США (сначала Ричарда Никсона, потом Джеральда Форда) по национальной безопасности. С 22 сентября 1973 г. до 20 января 1977 г. занимал должность государственного секретаря США.

независимого украинского государства не только побуждало всех русских переосмыслить характер их собственной политической и этнической идентичности, но и представляло собой роковое геополитическое отступление Российского государства. Отречение от более чем трехсот лет российской имперской истории означало потерю потенциально богатой промышленной и сельскохозяйственной экономики и 52 миллионов населения¹, этнически и религиозно достаточно близкого русскому народу, чтобы сделать Россию по-настоящему большим и уверенным в себе имперским государством. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важными для России воротами для ее торговли со Средиземноморьем и со всем миром в целом. Потеря Украины была главнейшим геополитическим событием, ибо это решительно ограничивало русские геостратегические перспективы. Даже без прибалтийских государств и Польши, Россия, сохранявшая контроль над Украиной, могла бы все еще стремиться к тому, чтобы быть лидером напористой Евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы доминировать над неславянскими народами южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что оставляла Россию в гордом одиночестве запутавшейся в затяжных конфликтах с пробужденными в своих национальных и религиозных чувствах неславянскими народами; война с Чечней является, вероятно, просто первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости русских и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины будет неизбежно с каждым годом становиться все менее европейским и все более азиатским»².

Еще более интересными являются откровения Генри Киссинджера в статье «Для урегулирования украинского кризиса начните с конца», опубликованной в газете «The Washington Post» 5 марта 2014 года. «Запад должен понять, что для России Украина никог-

¹ На 1 января 2014 г. численность населения Украины составляла около 43 миллионов человек.

² *Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostategic Imperatives. New York, 1997. P. 92.*

да не может быть просто чужой страной. Русская история началась с того, что называлось Киевской Русью. Оттуда распространялась русская религия. Украина была частью Российской империи на протяжении столетий, и их истории были переплетены до этого. Некоторые из наиболее важных сражений для российской свободы, начавшиеся с битвы под Полтавой в 1709 году, велись на украинской земле. Черноморский флот России — русское средство для отстаивания своей мощи в Средиземном море — базируется на основе долгосрочной аренды, в Севастополе, в Крыму. Даже такие знаменитые диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский настаивали на том, что Украина является неотъемлемой частью российской истории и, безусловно, России»¹.

Помимо мыслей о тесной историко-культурной взаимосвязи русского и украинского народов, придающей нынешнему украинскому кризису особенно драматичный характер, Генри Киссинджер высказал еще одно суждение, позволяющее лучше понять происходящее на Украине с тех пор, как она обрела самостоятельную государственность. *«Украина была независимой в течение лишь 23 лет; прежде она с XIV столетия пребывала под разного рода иностранным правлением. Неудивительно, что ее лидеры не усвоили искусства компромисса, еще менее они знают об исторической перспективе. Политика Украины после обретения независимости ясно показывает, что корень проблемы лежит в стремлениях украинских политиков навязывать свою волю непокорным частям страны, сначала одной, потом другой»*² (выделено мною. — В.Т.).

Любопытно, что еще в начале 90-х годов XX века американские аналитики, занимавшиеся изучением украинского общества, сделали выводы о потенциально великой опасности раскола страны на запад и восток, утраты Украиной государственного суверенитета и части территорий. Так, в статье «Возвратится ли Украина в Россию», опубликованной в 1994 году в журнале «Foreign Policy», сотрудник Совета национальной безопасности США, специалист по евразийским проблемам Юджин Румер, как будто заглянув в будущее, писал: «Возникновение Украины как независимого государства дало любопытный результат: оно высветило ранее скрытые различия между многими отдельными украинскими

¹ Kissinger H.A. To settle the Ukraine crisis, start at the end // The Washington Post. 2014. March 5.

² Ibidem.

регионами и этническими группами. Несмотря на решительную поддержку со стороны украинских граждан независимости от Москвы, процесс национального строительства, как он задумывался ее новыми лидерами, развязал в стране центробежные политические силы. В нынешних условиях быстрого и широкомасштабного экономического спада вспыхнули как вызов власти и авторитету правительства в Киеве региональные и межэтнические распри. Наиболее заметное разделение возникло между восточной и западной половинами Украины»¹. Судя по всему, правильно предсказать судьбу Украины после распада СССР американскому аналитику помогло знание умонастроений украинского правящего слоя. «Неспособность украинской элиты осознать органическую связь своего народа и страны с Россией потенциально чревата катастрофическими последствиями для независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины»² — такую мысль высказал Юджин Румер за двадцать лет до начала украинского кризиса, призванного сделать былью его мрачные пророчества.

Приведенные суждения ведущих американских политических аналитиков свидетельствуют, что они хорошо понимали, насколько сильна взаимозависимость России и Украины. И думается, вряд ли этого не осознают в настоящее время в высших властных сферах США.

§ 4. «Украинский кризис» как война Запада против России

Политика западных держав в отношении России всегда была идиллической: она не соответствовала ни российским, ни западным ин-

¹ «Ukraine's emergence as an independent state has produced a curious result: It has highlighted previously submerged differences among Ukraine's many distinct regions and ethnic groups. Notwithstanding the Ukrainian citizenry's strong support for independence from Moscow, the process of nation-building, as conceived by its new leadership, has unleashed centrifugal political forces in the country. In the current conditions of rapid and widespread economic decline, regional and interethnic rivalries have emerged as a challenge to the power and authority of the government in Kiev. The most visible dichotomy has emerged between the eastern and western halves of Ukraine» (*Rumer E.B. Eurasia Letter: Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. 1994. No. 96. P. 131*).

² «The Ukrainian elite's failure to recognize the organic link of their people and country to Russia is fraught with potentially catastrophic consequences for the independence, sovereignty, and territorial integrity of Ukraine» (*ibid. P. 133*).

тересам. Запад смотрел на Россию как на врага, видел в ней чудовище, желающее проглотить всю Европу. И к сотрудничеству с Россией западные государства склонялись только под давлением тяжелых обстоятельств — например, когда им надо было вести войну с другой европейской державой. Союз с Россией позволял в этом случае использовать ее армию для защиты своих интересов. Так было в начале XIX века, когда Великобритания затеяла войну с наполеоновской Францией. Российский император Александр I, прозванный почему-то Благословенным, не стеснялся приносить в жертву британским интересам не только десятки, но и сотни тысяч русских солдат, которых выставлял на поля сражений с французскими войсками.

Впрочем, и Наполеон Бонапарт не предпринимал ничего серьезного, чтобы замирить Францию с Россией, напротив — в 1807 году постарался навязать ей заведомо невыгодные для русских интересов тильзитские договоры. А когда обнаружил, что они Россией не соблюдаются, стал открыто готовиться к войне с ней и в 1812 году двинул в ее пределы собранную со всей Европы полумиллионную армию, ясно при этом понимая, что у России можно выиграть сражение и даже не одно, только завоевать Россию невозможно¹.

Чтобы понять, что к французам в русском обществе не имели никакой вражды, достаточно открыть первый том романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: в салонах русской знати разговаривали исключительно на французском языке.

Столетие спустя ситуация повторилась. Только на этот раз войной пошли на Россию немцы. Между тем трудно было найти в российских университетах профессора, который бы во время подготовки к профессорскому званию не стажировался в германских университетах. И немецкий язык был так же, как когда-то французский, языком русского образованного класса. Позиции же немецкого капитала в экономике Российской империи являлись столь сильными, что, казалось, Россия уже была завоевана немцами. Вступив с Россией в войну, Германия дала повод российскому правительству изгнать немецкий капитал из страны.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов обыкновенно представляется как вооруженное столкновение СССР с фа-

¹ См. об этой истории очерк: *Томсинов В.А.* Роковая война Наполеона Бонапарта // *Партитура первой отечественной. Война 1812 года.* М.: Вече, 2012. С. 15–82.

шистской Германией. В сообщениях и документах о начале войны говорилось о нападении на Советский Союз лишь германских войск. На самом деле орды завоевателей, обрушившиеся 22 июня 1941 года на нашу родину, были не только германскими. В этом военном походе, ставившем своей целью уничтожение русского народа, принимали участие, помимо Германии, и другие европейские государства. План «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 года, предусматривал вступление в войну против СССР в союзе с Германией также Румынии и Финляндии при содействии Норвегии и Швеции. Немецкие фашисты имели в своем распоряжении экономический потенциал почти всей Европы, и многие европейские страны сформировали войсковые подразделения для участия в войне против СССР. Не будет преувеличением сказать: *22 июня 1941 года в военный поход на наше Отечество снова пошла почти вся Европа*¹.

В начале 90-х годов XX века Россия была в полном подчинении США и во власти доморощенных американофилов. Ее военная промышленность успешно уничтожалась ельцинскими реформами. О военном столкновении США с Россией в то время писать мог только фантаст. В марте 2000 года, незадолго до своего избрания на пост президента, В.В. Путин сказал в интервью британской медиакорпорации «Би-би-си», что «не исключает возможности вступления России в НАТО»². За прошедшие годы состояние международных отношений изменилось таким образом, что вооруженный конфликт между Россией и США уже не кажется фантастикой.

Многие политологи, в том числе и американские, опасность украинского кризиса видят именно в его возможности перерасти в вооруженное столкновение между крупными государствами.

На какие основания опираются они, предполагая такой вариант развития кризисных событий на Украине? Думается, прежде всего они понимают, что на Украине Соединенные Штаты затронули жизненно важные интересы России, и прежде всего *выкованную у русского народа многократными военными вторжениями ев-*

¹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: что это было? // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2010. № 3. С. 17–36. *Томсинов В.А.* 22 июня 1941 года. К 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2011. № 5. С. 3–7.

² Коммерсантъ. 2000. 7 марта // <http://www.kommersant.ru/doc/142046>

ропейских завоевателей в пределы русской земли потребность в защищенности с запада.

Осознавая это обстоятельство, Джордж Фридман написал в своей статье «Россия рассматривает свои варианты ответа Украине», опубликованной в день воссоединения Крыма с Россией: «Россия исторически охраняется сама собой своей глубиной. Она расширила свои границы так далеко на запад, как это было возможно, и эта глубина удерживала авантюристов — или, как это было в случае с Гитлером и Наполеоном, уничтожала их. Потеря Украины в качестве буфера для Запада оставляет Россию, без этой глубины и заложником намерений и возможностей Европы и Соединенных Штатов. Есть на Западе те, кто отвергает опасения России как архаические. Мол, никто не хочет вторгаться в Россию, и никто не может завоевать Россию. Такие мнения кажутся мудрыми, но в действительности они упрощенные. Намерение относительно мало значит в плане оценки угроз. Они же могут перемениться очень быстро. Так же могут измениться и возможности. Поведение американцев во время Первой мировой войны и поведение немцев в 1930-е годы показывает, как быстро могут изменяться угрозы и возможности. В 1932 году Германия была в руинах, в экономическом и военном отношениях. В 1938 году она стала доминирующей экономической и военной мощью на европейском полуострове. В 1941 году она стояла у ворот Москвы»¹.

Указывая на вероятность перерастания украинского кризиса в крупное вооруженное столкновение между Россией и США, политологи исходят из ясно выражаемого, хотя и очень странного, нежелания руководства Соединенных Штатов погасить этот конфликт. Известно, что некоторые высокие должностные лица США даже подталкивают новые власти в Киеве к более активным военным действиям против народных ополченцев восставшего Юго-Востока Украины. При этом власти США и руководство НАТО не скрывают, что оказывают и будут оказывать военную помощь правящей в Киеве группировке, предполагающую поставку на Украину вооружений. Что же касается военных специалистов из западных стран, то они с самого начала военной агрессии киевской власти против восставшего народа Донбасской и Луганской областей

¹ *Friedman G. Russia Examines Its Options for Responding to Ukraine // Stratfor. Global Intelligence. 2014. March 18 // <http://www.stratfor.com/weekly/russia-examines-its-options-responding-ukraine>*

воюют против украинцев и русских, не желающих терпеть издевательства над собой.

Один из ведущих современных аналитиков, профессор кафедры международных финансов МГИМО Валентин Юрьевич Катасонов, оценивая события, происходящие в последний год на Украине, сделал недавно следующий, весьма тревожный вывод: «Сегодня многие политики, журналисты, общественные деятели говорят о том, что мир стоит на пороге третьей мировой войны. А, с моей точки зрения, она уже началась. В этом мнении я не одинок. Некоторые датой начала третьей мировой войны называют 11 сентября 2001 года, когда произошла величайшая провокация в Нью-Йорке. Она дала возможность мировой закулисе начать глобальную войну против всего человечества под лживым прикрытием „борьбы с международным терроризмом“. Но можно назвать еще более раннюю точку отсчета — военную агрессию НАТО против Югославии, которая началась 15 лет назад. 24 марта 1999 года были сброшены первые бомбы авиации североатлантического альянса на Югославию, находящуюся в центре Европы. В целом, война в Югославии означала разрушение всей системы международных отношений, существовавших более полувека. Началась новая эпоха — безраздельного диктата и произвола США, которые, используя военные средства, стали вмешиваться в дела любой страны, уничтожать людей, города, здания, предприятия, мосты, отравлять землю и реки. *Нынешние события на Украине в значительной мере являются повторением того, что происходило в Югославии в последнее десятилетие 20-го века. Происходит медленная, но неуклонная эскалация необъявленной третьей мировой войны. Причем острие ее направлено против России»*¹ (курсив мой. — В.Т.).

Приведенное мнение профессора В.Ю. Катасонова может показаться слишком смелым, но факты, на которые он указывает, свидетельствуют, что военный способ решения внешнеполитических проблем становится все более распространенным в политике ведущих западных держав — в особенности американской. В русле этой тенденции находится и стремление нынешних украинских властей, всецело контролируемых со стороны США, решать конфликт с Донбассом и Луганском исключительно военным путем,

¹ Катасонов В.Ю. О третьей мировой войне и будущих репарациях // <http://reosh.ru/o-tretej-mirovoj-vojne-i-budushhix-reparaciyax-schet-otkryvaet-serbiya.html>

а не посредством переговоров и учета законных интересов их жителей.

Механизмы вмешательства западных держав во внутренние дела других государств постоянно совершенствуются. В последнее десятилетие распространилась практика использования для вооруженной интервенции военных специалистов, нанятых не государством, а частными коммерческими компаниями. Применяется и масса других уловок, чтобы скрыть фактическую агрессию одного государства против другого.

Международное право просто не успевает предусмотреть подобные хитрости. И никогда не будет успевать. Украинский кризис предельно ясно показывает: **необходима смена технологии развития международного права. Его нормы и принципы должны соответствовать реалиям международных отношений.** Но при этом нельзя устанавливать это соответствие искусственным путем.

§ 5. Международное право как инструмент идеологической борьбы на международной арене

Как известно, одним из главных принципов современного международного права является принцип суверенного равенства государств. Он определяет статус государств как самостоятельных игроков на мировой арене. Будучи равными в качестве субъектов международного права, государства не равны во всех других отношениях. Возникает противоречие, которое чаще всего разрешается вмешательством более сильного государства во внутренние дела государства более слабого.

Современное международное право признает вмешательством во внутренние дела государств много различных действий, налагая запрет на их совершение. Однако немало таких действий государствами регулярно осуществляется, несмотря на их незаконность с точки зрения международного права. Почему? Да потому что они воплощают собой вполне естественную для любого нормального государства политику. Если какое-либо государство имеет возможность подчинить себе другое государство и причем исключительно мирными средствами, почему оно должно упускать такую возможность? Лоббизм в одних правовых системах считается правонарушением, а в других он признается законным действием, совершаемым, правда, при соблюдении определенных, установленных правовыми нормами условий.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, запрещает государству или группе государств «вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». «Вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ», объявляются в этом документе «нарушением международного права».

Названная декларация устанавливает далее, что «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ. Ни одно государство не должно также организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную, террористическую или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве.

Применение силы, имеющее целью лишить народы их национальной самобытности, является нарушением их неотъемлемых прав и принципа невмешательства.

Каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства»

В приведенном перечне запретов есть, например, запрет государству применять или поощрять «применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». Но разве практика международных отношений не свидетельствует о том, что действия, объявленные в этой статье запрещенными, являются для многих государств скорее нормой поведения, нежели нарушением правил?¹

¹ «В принципе каждое государство независимо в управлении своими собственными делами, и иностранное вмешательство является нарушением»

С другой стороны, статья, запрещающая государствам применять силу для лишения народов их национальной самобытности или препятствовать выбору народами политической, экономической, социальной и культурной системы, в современных условиях явно приобретает повышенное значение: соответственно ее надо развивать, совершенствовать.

Пример Украины показывает, что держава, стремящаяся силой лишить народ в другом государстве его национальной самобытности, чаще всего действует через посредство внутригосударственной власти. В этом случае нет открытых проявлений вмешательства одного государства во внутренние дела другого государства, хотя в скрытой форме оно имеет место.

Международное право, как выше отмечалось, считается правом межгосударственным. По словам директора Центра международного и публичного права профессора Хилари Чарлзворт, «роль государства является центральной в ортодоксальной теории международного права и именно на ней часто фокусируются критические мнения о международном праве»¹. В дополнение к государствам международное право признает субъектами права также народы и международные организации. Однако именно государства составляют круг главных субъектов международного права и его творцов.

Принципы неприменения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, невмешательства во внутренние дела государств, территориальной целостности государств и др. призваны защищать государства от гибели в результате противоправных действий других государств. Исторический опыт свидетельствует, однако, что главный субъект международного права одновременно является и самым уязвимым. Он уязвим от внутренних пороков, способных вызвать революционную бурю, которая если соединится с внешними разрушительными воздействиями, может буквально в несколько дней сокрушить государственный ор-

ем его права... На практике же вмешательство является обычным делом, и сторонники всех политических убеждений смотрят на вмешательство как оправданное при определенных обстоятельствах» (*Wight M. Power Politics / Edited by Hedley Bull and Carsten Holbraad. London, 1995. P. 191*).

¹ *Wiessner S., Charlesworth H., Chibundu M., Sanchez R.M. and Tesón F. The Project of Reconfiguration: How Can International Law Be Reconstituted? // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2000. Vol. 94. P. 75.*

ганизм¹. Уязвимо государство и при воздействии на него разрушительных внешних сил. С этой точки зрения, особую опасность для него представляет конфликт цивилизационного и геополитического характера. Именно такой конфликт выражает собой нынешний украинский кризис.

Геополитические конфликты между государствами обычно сопровождаются нарушениями норм и принципов международного права. Конфликтующие стороны в своих действиях, как правило, ориентируются только на собственные интересы и, если не могут отстоять их или реализовать в соответствии с устоявшимся международным правопорядком, то легко выходят за его рамки. Украинский кризис не является исключением из этого правила. Президент Института международного права Рейн Мюллерсон с тревогой смотрит на его последствия для международно-правовых устоев. «Мы наблюдаем тревожное размывание принципов неприменения силы и невмешательства во внутренние дела государств, — отмечает он. — Соревнование России и Запада за Украину напоминает борьбу между европейскими империями за Африку в XIX веке. Неужели страны НАТО не понимают, что Китай или Россия могут также прибегнуть к манипуляциям из их арсенала? Но это явно не арсенал международного права»².

¹ Такое крушение произошло в течение 1917 г. с русской государственно-стью. Русский мыслитель И.А. Ильин в лекции о патриотизме, прочитанной в феврале 1918 г. перед молодыми преподавателями Московского университета, рисовал следующую картину этой государственной катастрофы: «В наши дни душа живет скорбью и гнетом. Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душою овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собой*, *рассыпалось*; распалось; и не стало единого, великого народа; нет его *воли*; умолк его *разум*; извратилось его *чувство*; разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет «*русским государством*»? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права и обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о русском государстве? — когда все, все, все в разложении, в прахе, в позоре. Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории» (Ильин И.А. О патриотизме // Ильин И.А. Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 353).

² Мюллерсон Р. Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 87.

Опыт геополитических конфликтов второй половины XX — начала XXI века показывает, что участвующие в них государства, преследуя в первую очередь свои собственные интересы и допуская нарушения международного права, не отказываются от него, но вполне признают его ценность и нередко даже состязаются между собой в демонстрации уважения к его принципам и нормам. Международное право используется в таких случаях не по своему прямому назначению, то есть для достижения компромисса, разрешения конфликта между государствами и стабилизации международных отношений, а *в качестве инструмента идеологической борьбы.*

§ 6. Гегемония США в мире как фактор, разрушающий мир и международный правопорядок

Подобное отношение к международно-правовым принципам и доктринам является особенно характерным для США, чьи руководители регулярно затевают на протяжении двух последних десятилетий авантюры, нарушающие самым грубым и очевидным образом международное право. Достаточно вспомнить военную операцию НАТО против Югославии, проводившуюся с 24 марта по 10 июня 1999 года, под предлогом защиты прав человека, вторжение в 2003 году войск США и их союзников в Ирак с последующей оккупацией этой страны, войну США вместе с НАТО против Ливии в 2011 году и т.д.

Действия США и их европейских союзников в нынешнем украинском кризисе есть продолжение той политической линии, которая настойчиво и невзирая на любые нарушения международного права проводилась ими в названных случаях. Эти случаи представляли собой не просто военные интервенции против суверенных государств, но одновременно и операции, направленные на реформирование международно-правового порядка, приспособление международного права к интересам США.

Между тем именно эти операции, представляющие собой юридически совершаемые западными юристами-международниками манипуляции с нормативной и доктринальной основой международного права, несут в себе самую большую опасность для международного правопорядка. Грубое нарушение Соединенными Штатами международно-правовых норм и принципов причиняло бы

намного меньший ущерб человечеству, если бы оно признавалось таковым, если бы не предпринимались разного рода юридическими комиссиями или отдельными западными правоведами настоячивые усилия представить допущенные США очевидные, вопиющие беззакония вполне «легитимными».

Превращая нормативный и доктринальный материал международного права из инструмента поддержания стабильного порядка в международных отношениях в совокупность чисто идеологических, пропагандистских догм, прикрывающих произвол сверхдержавы по отношению к другим государствам, США лишают его юридического авторитета. Недаром в последние два десятилетия все чаще возникает при обсуждении проблем международного права вопрос, является оно настоящим правом или нет. Подобный вопрос был распространен в юридической литературе начала XX в. и в особенности во времена Первой мировой войны¹.

Канадский эксперт по международному праву, профессор Университета Британской Колумбии Майкл Баерс объясняет упорное стремление США представлять свои действия, грубо и очевидно нарушающие нормы и принципы международного права, всецело легитимными следующей причиной: «Соединенные Штаты зависят от союзников, которые обыкновенно считают значимым международное право и соблюдают его. В иных случаях они считают полезным прибегнуть к правовым аргументам, когда убеждают других не применять силу... Даже когда Соединенные Штаты хотят действовать незаконно, они обычно стараются оправдать свое поведение с юридической точки зрения или изменить закон»².

Каким образом совершается изменение международного права в угоду американским интересам, показывают экспертные заключения западных юристов-международников, изготовленные специально для оправдания агрессивных действий США «с юриди-

¹ *Scott J.B.* The Legal Nature of International Law // The American Journal of International Law. 1907. Vol. 1. No. 4. P. 831–866. *Willoughby W.W.* The Legal Nature of International Law // The American Journal of International Law. 1908. Vol. 2. No. 2. P. 357–365. *Hughes Ch.E.* The Future of International Law // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. 1917. Vol. 7. No. 2. The Foreign Relations of the United States: Part I. P. 1–15. *Cobb A.* Does International Law Exist? // The North American Review. 1917. Vol. 205. No. 737. P. 638–639. *Foulke R.R.* Definition and Nature of International Law // Columbia Law Review. 1919. Vol. 19. No. 6. P. 429–466.

² *Byers M.* War, Law, and Geopolitical Change // International Journal. 2005/2006. Vol. 61. No. 1. Turkey: Myths and Realities. P. 211.

ческой точки зрения». Одно из них – так называемый «Косовский доклад», объемный документ, составленный независимой международной комиссией по Косово и одобренный Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, – было рассмотрено в предыдущей главе¹. Другой документ такого рода, предназначенный дать юридическое оправдание военной агрессии НАТО против Югославии, сочинила профессор международного права Лондонской школы экономических и политических наук Кристина Чинкин. Ее экспертное заключение, объемом в 16 страниц, датированное октябрём 1999 года, было опубликовано в 2000 году в журнале «The International and Comparative Law Quarterly» под весьма примечательным названием «Законность действий НАТО в прежней Югославии с точки зрения международного права»².

Рассмотрев военные действия НАТО в Югославии с точки зрения Устава ООН³, соответствующих резолюций Совета Безопасности, принципов и доктрин обычного международного права, Кристина Чинкин пришла к следующим выводам:

«1. Бомбардировка НАТО не подпадает под исключения из запрета на применение силы, предусмотренного Уставом ООН. Она не являлась ни индивидуальной, ни коллективной самообороной; она не была санкционирована Советом Безопасности в соответствии с главой VII (статьи 39 и 42) или главой VIII (статья 53).

2. Доктрина односторонней гуманитарной интервенции (то есть без санкции Совета Безопасности) остается спорной в обычном международном праве.

3. Если допустить, что в международном праве существует правомочие вмешиваться с применением силы на территории другого государства для защиты прав человека, то оно должно быть исключением из запрета на применение силы и допускаться толь-

¹ См. во второй главе настоящей книги четвертый параграф под названием «Трансформация международного права в 90-е годы XX века – в первое десятилетие XXI века: революция легитимности».

² *Chinkin Ch. The Legality of NATO's Action in the Former Republic of Yugoslavia (FRY) under International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49. No. 4. P. 910–925.*

³ Прежде всего ст. 2 (4) Устава ООН, в которой говорится: «Все Члены Организации Объединенных Наций должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

ко при определенных исключительных условиях: там должны быть такие грубые нарушения прав человека в упомянутом государстве, которые это государство не способно или не желает смягчить; необходимо, чтобы и ООН не желала или была не в состоянии действовать; действия должны быть ограничены гуманитарными целями; должна существовать необходимость таких действий и они должны быть соразмерны гуманитарным целям. Предпочтительными являются коллективные действия.

4. Непонятно, как действия НАТО удовлетворяют этим жестким условиям.

5. Даже если применение силы оказывается законным, обычаи и законы войны сохраняют свою силу...

6. Генеральная Ассамблея и Комитет ООН по экономическим и социальным правам подчеркивают важность соблюдения обязательств в области прав человека в контексте односторонних мер...

7. Репрессии или насильственные контрмеры являются не допустимыми с точки зрения международного права»¹.

Далее идет наиболее интересное: раскрывается механизм приспособления международного права к интересам НАТО и соответственно США:

«8. Необходимо помнить, что действия НАТО, как государственная практика, сами по себе будут способствовать утверждению международного права и следует поэтому задуматься над прецедентным эффектом действий»².

В девятом пункте своего заключения профессор Чинкин признала, что военные действия НАТО в Югославии не подпадали прямо под какую-либо доктрину международного права, допускающую применение силы, но тут же сделала вывод о том, что есть аргументы, оправдывающие их, «совокупный эффект» которых «может быть сочтен убедительным». «Совет Безопасности, — констатировала она, — был в курсе действий и не осудил их; важными оказались гуманитарные соображения, и последующий мирный план был введен в действие с санкции Совета Безопасности». «С этой точки зрения, — продолжила Кристина Чинкин свое рассуждение, — действия имели *легитимность, если не*

¹ *Chinkin Ch.* Op. cit. P. 924–925.

² «It must be remembered that NATO's action, as State practice, will itself contribute to the affirmation of international law and thought must therefore be given to the precedent effect of the action» (ibid. P. 925).

были строго законны по международному праву»¹ (выделено мною. — В.Т.).

Самым важным выводом рассматриваемого экспертного заключения британского правоведа относительно случая с военной операцией США и их союзников в Югославии была мысль о том, что «интервенция НАТО уводит международное право в новые сферы» и что «расширение параметров для международного применения силы без санкции конституционно авторитетного органа еще больше ослабляет запрет на применение силы и значение Устава ООН»².

Оправдывая военную агрессию НАТО против Югославии, представляя ее легитимной, несмотря на противоречие действий США и их союзников нормам Устава ООН, западные правоведа-международники не скрывали при этом, что такая практика разрушает международное право. Профессор Института международного права Университета Людвиг-Максимилиана в Мюнхене Бруно Сумма в своем исследовании случая применения США военной силы в Югославии счел необходимым заметить: «Юридические проблемы, представленные косовским кризисом, являются особенно впечатляющим доказательством, что трудные случаи создают плохое право»³.

Вооруженная агрессия США и их союзников против Ирака и Ливии имела значительно более ужасные последствия, чем военная операция НАТО в Югославии: данная агрессия фактически разрушила эти суверенные государства, сложившиеся во второй половине XX столетия.

«Война, агрессия и государственное преступление» — такое название дали своей работе, посвященной криминологическому анализу иракской авантюры США, профессор Западного Мичиганского университета Рональд Крамер и почетный профессор Университета Северной Аризоны Раймонд Михаловски. Ее текст

¹ «In this view the actions have a legitimacy, if not strict legality under international law» (*Chinkin Ch. Op. cit. P. 925*).

² «What is clear is that the NATO intervention is leading international law into new areas. As a matter of policy, broadening the parameters for the international use of force without articulation by the constitutionally authoritative body further weakens the prohibition on the use of force and the authority of the Charter» (*ibidem*).

³ «The legal issues presented by the Kosovo crisis are particularly impressive proof that hard cases made bad law» (*Summa B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. P. 14*).

американские правоведы-криминологи начали со следующей констатации: «Захватнические войны являются, пожалуй, самыми разрушительными и дестабилизирующими из всех государственных преступлений. В словах Нюрнбергского устава они определяются как „самое тяжкое международное преступление“ — термин, мы утверждаем, который соответствующим образом характеризует вторжение в Ирак и его оккупацию США и их главным союзником, Великобританией. Можно привести очень веские аргументы, и это было сделано относительно того, что вторжение в Ирак было не легитимным оборонительным шагом со стороны Соединенных Штатов, но скорее агрессивной войной, которая, как это в сентябре 2004 года подтвердил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, нарушала Устав ООН и нормы международного права»¹.

Главный вывод указанного криминологического анализа гласил: «Вторжение в Ирак и его оккупация Соединенными Штатами и их союзниками является нарушением международного права и как таковые составляют государственное преступление. Это государственное преступление, над которым, однако, не существует эффективного социального контроля и за которое нельзя подвергнуть формальному наказанию. Как наиболее могущественная в мировой системе в отношении военном и экономическом страна США и ее лидеры могут, если захотят, относительно безнаказанно нарушать международное право. Ненаказуемость не делает, однако, незаконные действия законными и не может вывести их за рамки криминологического изучения»².

Еще более резкой характеристики со стороны правоведов-международников удостоились военные действия США в Ливии. Профессор международного права юридического колледжа Университета Иллинойса Фрэнсис Бойл оценил их с точки зре-

¹ «Wars of aggression are, by far, the most destructive and destabilizing of all state crimes. In the words of the Nuremberg Charter, they are „the supreme international crime“ — a term, we argue, that appropriately characterizes the invasion and occupation of Iraq by the United States and its main ally, the United Kingdom. A strong case can and has been made that the invasion of Iraq was not a legitimate defensive move by the United States, but rather an aggressive war that, as UN Secretary General, Kofi Annan, reiterated in September 2004, violated the UN Charter and the international rule of law» (*Kramer R.C., Michalowski R.J. War, Agression and State Crime: A Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq // The British Journal of Criminology. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446*).

² Ibid. P. 463.

ния Устава Нюрнбергского трибунала, по которому судили фашистских военных преступников. «Война США/НАТО 2011 года против Ливии, — заявил он, — составляет „преступление против мира“, которое определяется в Нюрнбергском уставе 1945 года»¹.

Понимая, что до тех пор пока будет сохраняться гегемония США на мировой арене, ничто не сможет ограничить действия этой агрессивной сверхдержавы, разрушающие международный правопорядок, американский правовед приходит к печальному выводу: «Единственное сейчас, что может спасти человечество от третьей мировой войны — это распад Соединенных Штатов Америки подобно тому, как это произошло с Союзом Советских Социалистических Республик в 1991 году. Чем скорее, тем лучше!»².

Это заявление Фрэнсиса Бойла, выделенное им в книге жирным шрифтом, только на первый взгляд кажется чрезмерно резким, продиктованным исключительно эмоциями. Если посмотреть на него внимательнее — через призму реального состояния международного сообщества и с точки зрения не мифических, а действительных последствий военных интервенций США против Ирака и Ливии, то будет трудно с ним не согласиться. Главными результатами предельно активного и энергичного вмешательства США во внутренние дела этих стран стали полное разрушение государственности, обеспечивавшей для основной массы их населения приемлемую степень безопасности и материального достатка, и как следствие — неисчислимые бедствия миллионов простых людей. Причем за прошедшее после этого события десятилетие

¹ Boyle Fr.A. Destroying Libya and World Order. The Three-Decade U.S. Campaign to Terminate the Qaddafi Revolution. Atlanta, 2013. P. 182. В статье 6 принятого 8 августа 1945 г. в Лондоне Устава международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси было сказано: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность: а) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий» (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Том 1. М., 1987. С. 147–148).

² «Right now the only thing that can save humanity from a Third World War is the disintegratin of the United States of America along the lines of the late Union of Soviet Socialist Republics in 1991. *The sooner the better!*» (Boyle Fr.A. Destroying Libya and World Order. P. 182).

в Ираке так и не возникло нормального государства, которое было бы способно хоть отчасти заменить прежнее, уничтоженное военной агрессией США. А в настоящее время эта страна и вовсе стоит перед реальной угрозой распада на несколько частей.

Со времени ликвидации американцами и их союзниками ливийской государственности прошло четыре года, но уже очевидно, что новое государство, соответствующее хоть каким-то параметрам государства, существовавшего при полковнике Каддафи, возникнет здесь не скоро, если вообще когда-нибудь возникнет. Можно представить, сколько еще лишений предстоит пережить народам Ливии, прежде чем на территории этой страны утвердятся сколько-нибудь устойчивый политический и правовой порядок.

Так называемый «украинский кризис», буквально с каждым днем принимающий все более трагический характер для населения Украины и России, явно показывает ту же закономерность: вмешательство США во внутренние дела ослабленного, разъедаемого коррупцией Украинского государства окончательно нарушило исторически сложившееся, существовавшее более двух десятилетий равновесие политических сил в этой стране, подтолкнуло киевские власти к развязыванию в стране гражданской войны, ускорило дальнейшее разрушение самостоятельной украинской государственности, возникшей в результате крушения СССР в начале 90-х годов прошлого века.

«Произошедший на наших глазах распад украинской государственности, — отмечает историк, профессор В.В. Наумкин, — едва ли можно рассматривать изолированно от общего кризиса международной системы. Его причиной стали и эрозия механизмов, поддерживавших традиционное, порой весьма искусственное и ущербное нациестроительство, и крах неэффективного управления до предела коррумпированных авторитарных правителей, и спонтанные народные движения, и резкое обострение межэтнических и межконфессиональных противоречий, и безумный разгул „сменорегимных“ политических инженерий Запада, и бурный рост активности обществ и властей, стремящихся оградить от этого опасного вмешательства свою исконную идентичность»¹.

¹ *Наумкин В.В.* Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок // *Россия в глобальной политике.* 2014. № 2. Март/апрель.

§ 7. Украина как несостоятельное государство (failed state)

Очевидно, что именно отсутствие на Украине государства, способного подавить преступность, поддерживать правопорядок, обеспечивать все условия для нормальной жизнедеятельности всех пребывающих на его территории людей, и составляет ныне главный фактор украинского кризиса, его питательную среду.

Согласно статье 1 Конвенции о правах и обязанностях государств, принятой 26 декабря 1933 года на VII Международной конференции американских государств, каждое государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: «а) постоянным населением; б) определенной территорией; с) правительством; и d) способностью вступать в отношения с другими государствами». Эти признаки не исчерпывают всех свойств нормально устроенного государства. По общему признанию государствоведов и правоведов-международников, успешное государство не просто обладает территорией и населением, но способно осуществлять над ними контроль и поддерживать правопорядок. Кроме того, оно обладает монополией на легитимное насилие в пределах своей территории и в состоянии обеспечивать безопасность и сносные материальные условия жизни для населения.

Государство, которое не отвечает перечисленным признакам, получило в современной науке международного права определение «failed state», «несостоятельного государства». В отличие от настоящего государства оно не в состоянии осуществлять контроль над средствами насилия, над своей территорией, неспособно поддерживать в ее рамках стабильную обстановку, обеспечить своему населению материальные условия, необходимые для нормальной жизни. «Несостоятельное государство является общим феноменом современного международного общества»¹, — пишет ассистент профессора права Ричмондского университета Кьяра Джорджетти.

Одними из первых термин “failed state” использовали в своей статье «Спасти несостоятельное государство», опубликованной в начале 90-х годов XX века в журнале «Foreign Policy» Геральд Гельман и Стивен Ратнер. «От Гаити в Западном полушарии до остатков Югославии в Европе, от Сомали, Судана и Либерии в Африке

¹ *Giorgetti Ch. A Principled Approach to State Failure. International Community Actions in Emergency Situations. Leyden, 2010. P. 179.*

до Камбоджи в Южной Азии возникает тревожный феномен – несостоятельное государство (*failed state*), полностью неспособное поддерживать себя в качестве члена международного сообщества. Гражданские забастовки, отставки правительств, экономическая нужда, создающие все больше и больше современных дебелий – термин, используемый при описании разрушенного Германского государства после Второй мировой войны. Так как эти государства все больше опускаются в насилие и анархию, подвергая опасности своих собственных граждан и угрожая соседям потоками беженцев, политической нестабильностью и случайной войной, то становится ясным, что надо предпринимать какие-то действия»¹.

В 2000-е годы явление, обозначаемое термином «*failed state*» или «*collapse state*», стало изучаться с разных точек зрения, но прежде всего как проблема международного права и мирового сообщества². Ведь «несостоятельные государства» не могут вступать в полноценные договорные отношения с другими государствами, не принимают участия в мировой торговле и уже по этой причине ущемляют права своих граждан. Такие государства, конечно, нуждаются в помощи со стороны ведущих держав, но прежде чем продумывать политику мирового сообщества в отношении этой категории государств, необходимо определиться с самим понятием «государственной несостоятельности». Это важно потому, что отнесение какого-либо государства к категории «*failed state*» открывает другим государствам самые широкие возможности для вмешательства в его внутренние дела. Определение несостоятельного государства не должно быть расплывчатым, иначе этот статус может быть присвоен вполне состоявшемуся государству для того, чтобы оправдать вмешательство в его дела или даже агрессию против него под тем предлогом, что оно является *failed state*.

Общие представления о *failed state* в современной науке международного права пока еще не устоялись. По мнению Томаса

¹ Helman G.B., Ratner S.R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992–1993. No. 89. P. 3.

² См.: Grant Th.D. Partition of Failed States: Impediments and Impulses // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2004. Vol. 11. No. 2. P. 51–82. Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. No. 4. P. 159–1196. Chomsky N. The Failed States. The Abuse of Power and The Assault on Democracy. New York, 2006. Ferreira G.M. Good Governance and The Failed State // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2008. Vol. 41. No. 3. P. 428–448.

Гранта, государство может быть отнесено к категории «несостоятельного» при наличии следующих условий:

- 1) в нем вообще отсутствует правительство или оно присутствует, но не способно обеспечить выполнение государством своих обязательств;
- 2) не существует правительства, которое может гарантировать соблюдение общественного порядка по всей территории государства или на большей ее части;
- 3) общественный порядок на значительной части территории государства разрушен настолько, что не может быть обеспечена личная безопасность граждан и большинство форм созидательной коммунальной или корпоративной деятельности прекратилось вследствие хаоса и насилия;
- 4) «это состояние дел происходит не от преходящего явления (голода, наводнения, кратковременного политического кризиса), но скорее отражает продолжительную системную проблему или проблемы, которые вряд ли могут быть решены с помощью обычных ограниченных мер...»¹.

Доктрина несостоятельного государства при дальнейшей ее разработке, несомненно, будет иметь серьезные последствия для международного правопорядка. Она расширяет возможности для вмешательства одних государств во внутренние дела других и вместе с тем подрывает основополагающий принцип международного права — суверенное равенство государств. Ведь очевидно, что отношения нормального государства с государством несостоятельным будут отношениями господина и клиента. Именно такими предстают отношения США и Украины в ходе так называемого украинского кризиса. Доктрина несостоятельного государства многое объясняет в поведении руководства Украины во время данного кризиса: сейчас оно не контролирует обширных районов страны, не может поддерживать общественный порядок на территории страны, не выполняет своих долговых обязательств.

Благодаря этой доктрине, предполагающей, что несостоятельные государства будут иметь ограниченный суверенитет, международное право приблизится к реальности международных отношений, в которой *никогда не было, нет и не будет равенства среди государств*.

Во второй половине XX века в мире заметно возросла роль международных организаций. Вместе с тем в международном пра-

¹ Grant Th.D. Partition of Failed States. P. 52.

ве этого периода получили развитие такие институты, как права индивида, обязанности индивида и ответственность индивида. Подобные факты позволили австралийскому профессору международного права Гидеону Боасу сделать вывод о том, в развитии современного международного порядка несомненной тенденцией является «расширение участия в международных делах субъектов, не являющихся государствами»¹. Однако государство все равно сохраняет свое значение главного субъекта международного права. Именно от государств зависят как эффективность деятельности международных организаций, так и качество жизни индивидов. С этой точки зрения очевидно, что увеличение на мировой арене количества несостоятельных государств (*failed states*) подрывает международный порядок. Если же территория несостоятельного государства богата полезными ископаемыми или, как в случае с Украиной, имеет выгодное географическое расположение, то она неизбежно становится ареной борьбы между ведущими мировыми державами.

Проблема преодоления современного украинского кризиса — это прежде всего проблема избавления Украины от несостоятельного государства и соответственно вопрос о том, как создать в этой стране настоящее государство, то есть такое, которого здесь никогда еще не существовало.

¹ *Boas G. Public International Law. Contemporary Principles and Perspectives. Northampton, 2012. P. 243.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«БИЛЬДЕРБЕРГСКОЕ ПРАВО» ПРОТИВ «КРЫМСКОГО ПРАВА»

«Украинский кризис» продолжается и, по всей видимости, будет длиться еще много лет. Он уже привел к самому большому за последние два десятилетия сдвигу в отношениях России и Запада. И очевидно, что главные его последствия еще не наступили и, кажется, даже не наметились. Поэтому осмысливать «украинский кризис», его глубинные причины и характер воздействия на международный правопорядок предстоит еще долго.

Очевидно, что дальнейшее изучение «украинского кризиса» с международно-правовой и геополитической точек зрения предполагает прежде всего обращение к вопросу о том, каким образом в рамках Западного мира принимаются решения по важнейшим геополитическим проблемам. По вполне понятным причинам изучение этого вопроса сталкивается со множеством трудностей. Считая преждевременным делиться с читателями результатами своих исследований в данной области, я решил привести наиболее интересные мысли на сей счет бывшего кадрового дипломатического работника Александра Николаевича Аристов¹ (с его согласия, естественно). Он поделился этими мыслями со мной в письме, написанном в начале апреля 2014 года в ответ на посланную ему статью о юридических основаниях воссоединения Крыма с Россией. Его письмо показывает закулисную сторону «украинского кризиса», о которой можно только догадываться.

¹ А.Н. Аристов – выпускник МГИМО МИД СССР (в 1970 г.). В 1987 г. окончил Дипломатическую академию МИД СССР, кандидат философских наук по специальности социология международных отношений, бывший переводчик на высшем уровне МИД СССР, работал во Франции в 1972–1979, 1981–1986, 1988–1993 гг. В настоящее время – главный редактор русскоязычного культурно-административного справочника «Открытые двери Швейцарии», уполномоченный по изданию официальных Ежедневников ряда посольств России в странах Европейского Союза.

«Уважаемый Владимир Алексеевич, — написал А.Н. Аристов в начале своего письма, — спасибо большое за присланный текст Вашей планируемой публикации по острому вопросу присоединения Крыма к России... Статья Ваша представляется... полной, основательной, аргументированной, и я не сомневаюсь, что она вызовет в наших политических и научных кругах одобрение и практический интерес». И далее Александр Николаевич изложил свои мнения о неявной подоплеке нового конфликта между Россией и Западом, возникшего по поводу вхождения Крыма в состав Российской Федерации, назвав данный очерк словами

«Бильдербергское право».

«Совершенно очевидно, что наши аргументы США и Европа не слышат не потому, что не знают историю, право, прецеденты и прочие умные увещевания, а потому, что им это невыгодно слышать. Их стратегическим интересам на Украине в целом и в Крыму, в частности, нанесен неожиданный и тяжелый удар, которого они не ожидали именно потому, что считали свои позиции защищенными официальным международным правом, включая тезис об „исключительности“ Косово. США минимум пять лет „работали“ на Украине, вкладывали миллионы для подрыва этого привилегированного соседа России для размещения там своих баз, зон влияния, систем обороны и т.д., но главное — для отрыва Украины от России, что является классическим методом ослабления потенциального или реального противника, нанося удар не по нему непосредственно, а по его идеологическим, политическим, зарубежным опорным пунктам, сужая его территориальные границы, создавая новые орудия и рубежи стратегического давления. Система ПРО играет здесь ключевую роль сейчас и на будущее — не мне Вам напоминать наши противоречия с США по ПРО в странах ЕС вблизи наших границ. И вдруг вся схема, прекрасно действовавшая в других странах и имевшая все шансы сработать на Украине, рухнет из-за потери колоссального экономического и военного плацдарма — Крыма, и наша база в Севастополе не только там останется, но и весь полуостров становится настоящим грозным авианосцем передового базирования в сочетании с российскими заявлениями о независимости от центров мировых решений. Это уже вполне реальная угроза системе, получившей с 1954 года название Бильдерберга или Бильдербергского права. Добавьте сюда проблему Сирии с нашей там базой, Иран с атомной промышленностью, и у Вас получится не вся, но достаточная картина проти-

воборства за жизненное пространство в Европе и мире. *Отсюда ясно, что никакие наши аргументы не способны убедить глобального противника России, ибо для него важна не суть и закон, а сам факт оспаривания его позиций, угрозы его интересам* и наши попытки обоснованного убеждения только его еще больше раздражают своей обоснованностью и вызывают совершенно обратную реакцию «понимания» не нашей аргументации, не норм права, а своих в этой ситуации интересов, состоящих в использовании всех наличных средств, во-первых, для исправления положения с проигрышем, то есть для возвращения России в русло согласия с принимаемыми на глобальном уровне решениями, а если не получается, то для нанесения ответных потерь России и усиления политики сдерживания. Отсюда беспрецедентный рост международной напряженности, о котором после развала СССР все начали забывать. В этой связи жаль, что оптимистическая концовка Вашей статьи рискует не быть принятой к сведению и тем более в расчет нашими заклятыми друзьями.

* * *

Как Вы знаете, есть такое понятие — *„центры принятия решений“*. Эти центры — разного уровня прав и ответственности от местных, региональных, национальных до международных локальных, региональных, зональных и глобальных. Они носят названия клубов, конференций, фондов типа Бильдербергской группы, фондов Рокфеллера, Карнеги, Сороса и др. и, как правило, контролируются США, НАТО, политическими и правовыми структурами ЕС, включая Гаагский Международный Суд ООН, Европейский Суд по правам человека в Страсбурге и т.д. В своей основе на международной арене ими руководят закрытые космополитические корпорации финансовых, промышленных, торговых и иных интересов, а их решения доводятся до общественности с помощью открытых международных организаций типа ООН, ВТО и т.д. вплоть до „Восьмерки“ и „Двадцатки“. В конференциях Бильдербергского клуба, по некоторым сведениям, в последние годы со стороны России участвовали Явлинский, Чубайс, Мордашов и др.

Приводными ремнями — агитаторами и популяризаторами являются пресса, Интернет, ТВ, радио, всякие пресс-конференции, симпозиумы, встречи на высшем и низшем уровне и т.д., задачей которых является обработка и подготовка мажоритарного общественного мнения к выполнению поставленных закрытыми струк-

турами целей глобального развития планеты. Многие структуры переплетаются здесь с масонством, получившим в последние годы яркое развитие и в России и часто на высоком государственном и деловом уровне. Дело это обоюдоострое, а для национальных интересов зачастую просто опасное. В этой системе способность того или иного государства выражать и защищать свои интересы изменяется влиянием руководящего звена того или иного государства на принятие решений закрытыми наднациональными структурами, и с этой точки зрения *участие в 8-ке или 20-ке — это не простые посиделки за чашкой кофе, не бесполезная трата времени, а важнейший элемент подключения, даже скорее ПРАВА подключения к согласованию кардинальных вопросов войны и мира*, кризиса и развития, и утеря такого права участия — это, по понятиям Бильдерберга, утеря мощных командных рычагов мировой политики, даже если на поверхности кто-то якобы «просто» лишается чашки кофе в милой компании президентов и премьеров. Участие в работе узкого закрытого круга «посвященных» лиц над решением крупнейших проблем человечества считается в Западном мире первой и ценнейшей привилегией в системе мирового господства.

Не бросилось ли Вам в глаза странное противоречие: в перечень санкций против России Запад включил как раз отлучение от встреч 8-ки в качестве самого болезненного, с его точки зрения, средства давления? Тогда как нам, с нашего российского угла, непосвященной публике эта мера представилась ничего не значащим решением. Президент России откровенно минимизировал значение такого рода совещательных контактов для реальных международных отношений. Этому есть простое объяснение — разная оценка роли такого узкого формата для судеб каждого его участника. Но так ли обстоят дела в действительности?

Запад считает, что в последние годы право вхождения в элитный закрытый круг вершителей судеб земного шара было мило- стиво предоставлено России, а она якобы им злоупотребила, не посоветовалась, присоединение Крыма от всех, включая США (!), скрыла, неписанные правила игры нарушила и, значит, может их нарушить и в дальнейшем, то есть практически сама выпала из мировой игры в высшей лиге. Запад не может себе представить, чтобы кто-то, войдя в круг избранных, вдруг легко отказался от этой привилегии. Вспомните показавшиеся нам странными слова американского посла в России о том, что он не понимает, как можно было пожертвовать элитной 8-кой ради „какого-то куска суши“.

А на деле это заявление выдало нечто принципиальное в подходе к действиям Москвы. **Отлучение от этого круга считается на Западе тяжелейшей санкцией**, и именно поэтому США рассчитывали на эффективность угрозы этого отлучения. Об этом Запад говорил практически открыто и неоднократно, и огромным удивлением, если не потрясением, стало для него явно пренебрежительное отношение России к этой угрозе — все равно что, например, отказаться от Звезды Героя Советского Союза или должности члена Политбюро ЦК КПСС.

Именно это постоянно звучит в словах Обамы, только их надо правильно услышать и трактовать. Разве здесь дело в правовой стороне прецедента Косово? Вспомните, что ответили американцы на наше замечание о якобы ошибке Обамы в речи в Гааге, когда он заявил, что по Косово был референдум и долгое международное согласование! — Они ясно сказали, что все там было правильно не потому, что Обама доложил или не доложил факты, а потому, что *Косово — результат сначала закулисно, а затем явно полученного от международного сообщества разрешения на отделение, а Крым — результат несогласованно проявленной российской суверенной воли*. Именно здесь корни принципиального взаимного непонимания и противостояния сторон. Именно это пытались своими санкциями дать понять нам США и Европа, а нам они казались глупостью и бесполезным давлением. На самом деле это — очень серьезный сигнал: дальше не лезть! И варианты возмездия вовсе не ограничиваются списком невъездных деятелей — они могут оказаться очень глубоко эшелонированной программой разрушения жизненных узлов нации, страны, государства, когда постепенно, как бы автоматически, сами собой начинают отпадать целые пласты контактов и сотрудничества, радикально меняются направления энергетических и валютных потоков, закрываются двери контрактов, обменов, важнейших научно-технических отраслей. Все это бомбы замедленного действия, и именно так их открыто характеризует Обама по мере разворота системы Бильдерберга против нас.

Так, нас уже сейчас удивляет и возмущает то одно, то другое решение банков и компаний свернуть сотрудничество с Россией — как же так, думаем мы, ведь в объявленных санкциях это не прописано! На деле *ничего и не должно быть прописано в открыто объявленных санкциях, потому что достаточно ... закрытия дверей 8-ки, чтобы все остальное срабатывало против нас автоматически*. В этом суть и смысл механизма Бильдерберга! Если этого

не знать, ничего нельзя понять в упорстве США, в замешательстве Обамы, в метаниях Меркель и Олланда! Как быть? Выясняется страшное и для них – они вдруг поняли, что Россия НЕ ЗНАЕТ ПРАВИЛ ИГРЫ посвященных. Вышла ошибка с принятым новым членом 8-ки, ему никто не объяснил, как это работает, и какие неписанные условия он должен, обязан выполнять, чтобы там оставаться. А ведь французы получили добро системы на продажу нам двух «Мистралей», да и наш с Вами Собор Ниццы явно, как Вы помните, не обошелся на последнем кассационном этапе без «магического» благоволения высокого французского судейства. Потому что *участие в 8-ке – это гарантия привилегий в любой области*, и французскому суду не нужны особые указания, чтобы отдать Собор России, потому что Россия – „член клуба“ и без всяких дополнительных легальных аргументов „имеет право ... Бильдерберга“.

Однако есть и другая сторона вопроса: правила бильдербергской игры в сборной команде 8-ки нам официально не объяснили не по недосмотру, не по упованию на нашу осведомленность по каналам ФСБ, а по „злому“ своекорыстному умыслу. Как в свое время индейцев „покупали“ огненной водой, нас заманили в элитные виллы 8-ки медиатическим признанием, якобы равноправием участников, красивыми „семейными“ фотографиями, лестью общения, миражами чуть ли не братского взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества, обучили новому словарному запасу, где главными стали лестные дипломатические термины „партнерства“ и „коллег“ по круглым столам. На самом деле со стороны Запада с самого начала речь шла о грубом обмане новой доверчивой России, уверовавшей в искренность дружеских заверений Запада и даже НАТО. Ведь это же действительно приятно после стольких лет нищенства и вражды вдруг услышать, что тебя больше не считают ни мишенью ядерной атаки, ни вообще врагом мировой цивилизации. Мы слышали в этом как раз то, что хотели – Россия стала полноправным членом глобального содружества наций, стремящихся к миру и дружбе. А слышать надо было другое – бесплатным и конвертируемым бывает только французский сыр в американской мышеловке. Заслуга Путина, мне кажется, состоит в том, что он, несмотря на внешние признаки разрядки, упорно перестраивал и даже создавал заново мощную современную армию, как в свое время прозорливо поступили при де Голле французы, создав свои силы ядерного сдерживания при наличии, казалось бы, надежного американского ядерного щита.

Но обман „совместных“ посиделок за чашкой кофе стал постепенно рассеиваться — тут и Ирак, и Иран, и Сирия, и Ливия, а теперь еще и Украина! Никто с нами фактически считаться и не собирался, но все рассчитывали на то, что мы не решимся перестать считаться с другими членами „клуба“. А мы „взбрыкнули“, потому что нам наступили на такую мозоль, боль которой отозвалась бы гангреной всего организма. Отступать стало некуда, а нас продолжали привлекать, пристегивать и подстегивать „не подлежащим сомнению“ членством в рядах мировой политической элиты. Слава Богу, что красную черту наши „коллеги“ перешли тогда, когда наши танки, самолеты и ракеты вновь, как во времена СССР, стали оружием „дружбы народов“ для реальной помощи русскому населению Украины. *Красная черта нацистского Майдана открыла нам глаза на пропасть исторического обмана системы Бильдерберга — нас чуть было не заставили играть фокстрот на своих собственных похоронах.* Красивый гроб уже залакировали в Киеве — на исторической Родине всех городов и весей России. Скажем откровенно: без решимости Путина никакого спасения Крыма и России не было бы, элитный елей без реальной власти и влияния заменил бы нам независимость и национальное достоинство. Да, скорее всего за выход из „системы“ подчинения интересам США и НАТО нам придется заплатить немалую цену, но был ли у нас иной выход, кроме позора и других, еще более тяжелых и невозполнимых потерь?

Лично я уверен, что Путин все это хотя бы в основных параметрах знает, и не только Путин, но и все наше высшее руководство. Вспомните и наш внешне открытый, но на деле закодированный ответ: раньше, при Ельцине, мы, мол, не имели сил на самостоятельные действия, а теперь имеем, и наши действия в Крыму — проявление самостоятельности и независимости. То есть мы говорим, что понимаем нарушение нами правил подчинения всех стран мира тресту „высших“ сил планеты, но идем на это нарушение сознательно и готовы помериться силами. Иными словами, говоря языком Бильдерберга, мы заявляем странам-участницам верховного картеля самое для них страшное и неприемлемое — мы открыто выступили за передел сфер и рычагов влияния на мировые процессы, мы доводим этот новый факт до сведения „треста“ и не намерены отступать. Дай Бог, как говорится, чтобы у нас для наших новых амбиций хватило сил <...>

Сам Обама зависит от системы Бильдерберга, и выбор у него один — либо вернуть Россию на прежние рельсы, либо исключить

ее из системы доверительного и коллективного принятия решений и тогда уже автоматически применять к ней меры куда более жесткого воздействия. Пока этот вопрос окончательно не решен, и США пока очень хотелось бы все вернуть на круги своя, но другие решения уже в высших стартинг-блоках западных стран. Угроза „обрушения“ экономики России — не пустые слова: так же, как мы могли и говорим, что можем ради достижения стратегического перевеса в регионе Черного и Средиземного морей пойти на большие потери, связанные с разрывом с системой Бильдерберга, так и эта система может пойти на потери, о которых уже предупредил Обама, в целях восстановления утерянного равновесия и стратегической инициативы.

Мне кажется, что нам нужно хорошо отдавать себе отчет в том, что *система Бильдерберга — это параллельное международное право, в рамках которого действуют абсолютно иные критерии и мотивации*. Здесь нет легальности и легитимности, морали и прав человека — здесь есть воля господствующей и управляющей группы лиц, стран, корпораций. Грубо говоря, эта система с размытыми и засекреченными рамками включает в себя ряд мощнейших глобальных лобби: финансовое (банки, МВФ, котировочные агентства, биржи, ЦЕБ), нефтяное-газовое-угольное, военно-промышленное, золото-алмазное, энергетическое, космическое, продовольственное и ряд других.

Главная особенность „Бильдербергского права“ в том, что в отличие от официального международного права оно вовсе не запрещает и не осуждает агрессию и захват чужих территорий, смену властей в других странах силой оружия и другие формы силового воздействия — *оно запрещает все это в несогласованном самостоятельном „независимом“ порядке*, что как раз совершила Россия в Крыму. Вспомним войну США в Ираке и свержение Хусейна. Вспомним войну Франции против Ливии и свержение Каддафи — здесь Запад и система Бильдерберга получили положительный сигнал от России — голосование за санкции в ООН и восприняли этот жест как наше окончательное присоединение к системе. Потом последовали подтверждения в виде участия России в 8-ке, использование терминологии „партнеры“, „коллеги“, а не что-то другое. Этой же терминологией мы продолжаем пользоваться и сейчас с самых высоких трибун, но этого уже мало для восстановления корпоративного доверия.

Не менее показательна ситуация вокруг Сирии — „всевышнее“ решение о свержении Асада было принято несколько лет назад.

Это прямо разболтали французы, не раз прямо заявлявшие в момент кризиса и военной тревоги в 2013 году, что „в любом случае“ Асад должен уйти. Почему бы это? Ведь разум подсказывает, что именно он создал аванпост борьбы с заклятым врагом западной демократии — Аль-Каидой, так пусть себе президентствует! Нет, решение о нем было принято, и его надо выполнять перед лицом арабского мира, перед Израилем (и это, пожалуй, главное), перед Ираном для исключения ядерной угрозы Ирана. В оглашении судьбы Асада (прямая угроза расправы) особо засветился глава МИД Франции Ролан Фабиус, да и Обама об этом говорит весьма прозрачно. Но Россия была подключена к решению проблемы Сирии, ее интересы в этом регионе были пока учтены, и именно это спасает Асада от бомбового удара, поставок оружия „инсургентам“ и полного и быстрого разгрома. Асад нам нужен, мы — его щит, и поэтому он еще жив и даже готов пойти на новые выборы. Понимание наших интересов — плата системы Бильдерберга за наше участие в ней. А если мы в ней участвовать больше не будем по своей и/или по чужой воле?

Самое сейчас актуальное — никто не говорит, что Россия не добилась бы *решения крымского вопроса* в свою пользу путем согласования в рамках той же 8-ки, то есть *с благословения системы*. Обратите внимание, как часто, практически ежедневно то там, то тут на Западе звучит призыв к решению проблемы украинского кризиса дипломатическими средствами. Казалось бы, чего тут вообще решать? Кризис-то не у нас в стране, мы дальше на Украину не лезем, Крым де факто в составе России, газовые проблемы — дело торговли, займов, платежей — чего же решать с помощью дипломатии? От нас-то что, собственно, требуется? Мы же не участники внутреннего украинского кризиса. На самом деле от нас ждут, как я писал выше, сигнала „отбоя“ тревоги не по поводу Украины, а по куда более важному поводу поддержания сложившейся глобальной системы принятия и выполнения решений.

Всем ясно, что главный вопрос — „Что делать?“ На него лично у меня готового ответа нет, но, как видите, есть элементы и ключи для объективного анализа обстановки. Мне представляется, что выходить из системы Бильдерберга нам по своей инициативе не надо, раз уж мы в нее вошли, и поэтому какие-то жесты и сигналы можно было бы без потерь Западу подать, хотя на какое-то время мы все равно даже при самом лучшем для нас варианте развития событий место в „картеле высших посвященных“ уже потеряли. По-прежнему уже ничего в мире не будет. На данном этапе важно

понимать механизм и принимать решения, адекватные нашим амбициям и возможностям. Мы уже выиграли главное — Крым с Севастополем, которые в мировом раскладе стоят дороже временных потерь на других шахматных досках. Теперь и другие доски желательно не упустить слишком надолго.

* * *

Таким образом, Ваша статья занимает важное место в «переговорной части» процесса согласования решений как системное изложение средств обработки общественного мнения России и человечества, но Вы, видимо, понимаете, что она не имеет отношения к взаимоувязыванию интересов космополитических корпораций, не имеющих ничего общего с нормами международного права, идеалами справедливости, самоопределением народов, правами человека и прочей либерально-гуманитарной беллетристикой. Поэтому попытки убеждения США в нашей правоте — это правильный камуфляж, закодированный язык, на котором принято общаться в высших закрытых и открытых структурах — центрах принятия решений глобального масштаба, их надо использовать, но они имеют лишь совещательное, предупредительное, но не обязательное к исполнению значение <...>

Вот вкратце то, что я по этому поводу думаю. Надеюсь, в нашем откровенном обмене мнениями, к которому мы с Вами привыкли со времен совместной борьбы за Собор¹, я не даю повода к какому-либо сомнению в моих самых к Вам теплых чувствах уважения и восхищения обширностью, точностью и практической полезностью Ваших исследований и выводов.

С искренним уважением, наилучшими пожеланиями и готовностью всегда оказать любое возможное содействие».

А. Аристов

¹ Александр Николаевич имеет в виду в данном случае Свято-Николаевский собор в Ницце, по поводу принадлежности которого во французских судах с ноября 2006 года и до апреля 2013 года шло разбирательство спора между Российским государством и Религиозной ассоциацией Константинопольской патриархии, владевшей данным собором. А.Н. Аристов был в этом процессе переводчиком со стороны России, а я выступал в качестве единственного российского правоведа-эксперта. См. об этом интересном судебном деле: *Аристов А.Н.* Свято-Николаевский собор Ниццы на весах французской Фемиды // Законодательство. 2012. № 8–12.

* * *

Бильдербергский клуб, о котором пишет в приведенном письме Александр Николаевич Аристов, действительно, играет весьма значимую роль в современной международной политике. По некоторым данным, именно в его рамках было принято решение о судьбе Косово и о согласованных агрессивных действиях западных держав относительно Югославии. Очень похоже, что и разворачивающаяся в настоящее время политическая, экономическая, финансовая и военная интрига Запада по отношению к России, частью которой является так называемый «украинский кризис», организуется и ведется на основе соответствующих решений Бильдербергского клуба. Если это действительно так, то наша страна оказалась в чрезвычайно опасном положении, которое можно сравнить только с начавшимся 22 июня 1941 года военным походом Европы, объединенной фашистской Германией, на Советский Союз.

Дело в том, что Бильдербергский клуб — это международная организация, объединяющая наиболее влиятельных людей Западного мира: финансистов, банкиров, руководителей могущественных транснациональных промышленных корпораций, президентов, премьер-министров, министров финансов, представителей ВТО, МВФ, Всемирного банка, НАТО, а также владельцев крупнейших средств массовой информации.

Первое заседание данного клуба прошло с 29 по 31 мая 1954 года в нидерландском городе Остербеке в отеле «Bilderberg». Отсюда и произошло его название «Бильдербергский клуб». Инициаторами создания такой организации были нидерландский принц Бернхард, нацист и поклонник Гитлера, и священник-иезуит Джозеф Реттингер, являвшийся масоном самой высокой степени.

С тех пор собрания Бильдербергского клуба проводились ежегодно. Как правило, для этих целей снимался на три-четыре дня какой-нибудь роскошный отель, расположенный в небольшом городе. На заседаниях могли присутствовать только члены клуба и лица, приглашенные им. Сам по себе Бильдербергский клуб не являлся и не является тайной организацией, но разговоры, которые велись и ведутся в его рамках, всегда составляли и до сих пор составляют строгую тайну, которую не позволено разглашать никому из их участников. Таинственность деятельности Бильдербергского клуба соблюдается с помощью спецслужб и полиции того государства, в котором проводятся его заседания. До их начала

помещения отеля, выбранного для работы Бильдербергского клуба, тщательно проверяются, вокруг отеля выставляется охрана, не подпускающая к нему посторонних людей. Иногда для обеспечения полной таинственности оцепляется вообще вся местность вокруг отеля, для чего могут привлекаться даже армейские подразделения.

Постоянный состав Бильдербергского клуба образуют примерно 80 влиятельных персон, приглашенных же на заседания может быть несколько десятков человек. Для многих из них приглашение для участия в каком-либо собрании клуба имеет в последующем своим результатом выдвижение на какой-нибудь важный пост в государстве, транснациональной корпорации или в какой-нибудь значимой международной организации. Так, в 1991 году на заседание Бильдербергского клуба был приглашен губернатор Арканзаса Билл Клинтон. В следующем году он был избран президентом США, победив на выборах действующего президента Джорджа Буша-старшего. В 1993 году в собрании Бильдербергского клуба участвовал Энтони Блэр. В следующем году он был избран на пост лидера Лейбористской партии Великобритании и спустя три года стал премьер-министром этой страны. В 1998 году на заседание Бильдербергского клуба был приглашен Джордж Робертсон. В августе 1999 года он стал генеральным секретарем НАТО.

Появление в современную эпоху могущественных наднациональных организаций типа Бильдербергского клуба вполне объяснимо с точки зрения особенностей современного устройства человеческого общества. Оно разрывается от противоречия между глобалистской, космополитической мировой экономикой и мировой политической надстройкой, построенной как система национальных государств, отстаивающих свою самостоятельность и суверенитет. Бильдербергский клуб своим существованием и деятельностью смягчает это противоречие, придавая мировой политике глобалистский, космополитический характер, ограничивая самостоятельность и суверенитет национальных государств.

Вместе с тем возникновение на мировой арене Бильдербергского клуба и других закрытых наднациональных организаций, ведущих свою деятельность в глубокой тайне, имеет еще один сокровенный смысл.

Современный капитализм — это не только вышедшее за рамки отдельных стран, ставшее по многим параметрам интернациональным массовое производство вещей и услуг, необходимых людям для удовлетворения их потребностей, но и международная систе-

ма преступного бизнеса: незаконные финансовые сделки, торговля наркотиками, женщинами, детьми, человеческими органами и т.д.

Кристиан де Бри в статье «Государства, мафии и ТНК договорились – как наперсточники на рынке», опубликованной 1 апреля 2000 года в газете французских интеллектуалов «Монд дипломатик (Le Monde Diplomatique)», сделал следующий вывод из своих наблюдений за глобальными финансовыми процессами: «Отказ от суверенитета и всеобщее распространение либерализма, позволяющее капиталам бесконтрольно иметь хождение по всей планете, способствовали разрастанию рынка незаконных финансовых сделок, являющегося двигателем капиталистической экспансии, смазочным материалом которому служат доходы организованной преступности. Партнеры-компаньоны на планетарном архипелаге отмывания грязных денег, правительства, мафии, банковские компании и ТНК процветают на кризисах и занимаются разграблением общественного достояния совершенно безнаказанно».

Касаясь доходности мирового преступного бизнеса и условий его функционирования, французский ученый отмечал: «Крупные преступные организации могут обеспечить отмывание и возвращение в законный оборот баснословных доходов, извлекаемых из их деятельности, лишь при пособничестве деловых кругов и „недосмотре“ государственной власти. Для того чтобы укреплять свои позиции, увеличивать доходы, давить конкурентов или сопротивляться им, выигрывать „контракты века“ и финансировать незаконные операции, ТНК нуждаются в поддержке правительств и нейтралитете регламентирующих их деятельность инстанций. Что же касается напрямую задействованного политического персонала, его способность вмешиваться в ход событий зависит от получаемой им поддержки и финансирования, гарантирующих его долговечность и незыблемость. Этот сговор, основывающийся на совпадении интересов, является основной составляющей мировой экономики, ее смазочным материалом, необходимым для „добротного“ функционирования капитализма... В общем и целом, лишь принимая во внимание виды деятельности международного масштаба – куда входит и „работоторговля белыми проститутками“ – валовой доход преступного сообщества значительно превышает 1000 миллиардов долларов в год (около 20% оборота мировой торговли)».

Мировой, транснациональный преступный бизнес может осуществляться только при условии теснейшего союза преступных финансистов и политиков, контролирующих правительства. Биль-

дербергский клуб и другие подобные ему международные тайные организации выступают в качестве корпораций, обеспечивающих этот союз.

«Истинная причина процветания наркоторговли, — пишет в своей книге, посвященной Комитету Трехсот, американский публицист Джон Коулман, — заключается в том, что она контролируется самыми высокопоставленными семьями в мире, которые являются частями гигантской скоординированной машины, извлекающей прибыль»¹. По его словам, «торговля наркотиками, в особенности опиумная торговля, не могла бы существовать без помощи банков... Каким образом банки с их респектабельной репутацией оказываются втянутыми в торговлю наркотиками со всей сопутствующей ей грязью? Это очень долгая и сложная история, которая могла бы стать предметом отдельной книги. Одним из способов участия банков в этом деле является финансирование прикрывающих организаций, импортирующих химикаты, необходимые для переработки опиума в героин»².

Одной из наиболее мощных сил, контролирующей мировую торговлю наркотиками, Джон Коулман считает Комитет Трехсот — тайное объединение влиятельных западных политиков и финансистов.

Есть основания считать, что контроль над своей частью потоков сбыта наркотиков, приносящий десятки, если не сотни миллиардов долларов преступного дохода, осуществляется и рядом членов Бильдербергского клуба. Именно их заинтересованность в Косово как в удобном перевалочном пункте для доставки наркотиков из Афганистана в Европу могла сыграть свою роль в истории распада Югославии. Известно, что план отделения Косово от Сербии и превращение его в самостоятельное государственное образование, контролируемое военными подразделениями США, был принят на заседании Бильдербергского клуба, состоявшемся в небольшом канадском городе Кинг-Сити в 1996 году.

Специально занимавшийся этим вопросом американский журналист Майкл Рупперт³ пишет в своей книге «Переходя Рубикон» («Crossing the Rubicon»):

¹ Коулман Дж. Иерархия заговорщиков: Комитет Трехсот. М., 2011. С. 320.

² Там же. С. 338.

³ В последние годы Майкл Рупперт (*Michael C. Ruppert*) занимался сбором и публикацией доказательств прямой причастности ЦРУ США к теракту, со-

«...Чтобы осознать степень участия НАТО и, как следствие, роль Бильдербергского клуба в Косово, нужно понять принципы, которым подчиняется торговля наркотиками. Количество денег, которые ежегодно приносит наркоторговля, — это, возможно, одна из самых строжайших тайн. Однако один из экспертов по вопросам отмыwania денег, занимающий высокий пост в агентстве при правительстве США, которое отслеживает международный перевод капитала, сказал мне, что „торговля наркотиками ежегодно приносит около 590 миллиардов евро, освобожденных от уплаты налогов“. В действительности средства, вырученные от продажи наркотиков, являются неотъемлемой и очень важной частью мировой банковской и финансовой систем, поскольку обеспечивают экономику ликвидными наличными деньгами, необходимыми для совершения огромных ежемесячных выплат по производным ценным бумагам и вливаний в инвестиционные „мыльные пузыри“ в США и Великобритании».

Преступная деятельность Бильдербергского клуба и подобных ему тайных организаций западных финансистов и политиков в последнее десятилетие приобретает все большие масштабы. Она достигла такого размаха, что стала оказывать разрушительное влияние не только на судьбы отдельных национальных государств, но и на международный правопорядок в целом.

вершенному в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. 13 апреля 2014 года он был застрелен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошел год после принятия Крыма в состав Российской Федерации¹ и смысл этого события стал более понятным.

Обстоятельства, при которых оно произошло, казалось бы, должны были превратить его в предмет юридического спора между Украиной и Россией, в соревнование аргументов, вытекающих из международного и конституционного права, истории и экономики России и Украины. Каждое из государств могло бы привести немало аргументов в пользу того, что Крым должен принадлежать ему. Спокойное, взвешенное их обсуждение специалистами способствовало бы смягчению международного конфликта по поводу воссоединения Крыма с Россией и дало бы материал для более глубокого уяснения основополагающих начал и доктрин международного права: принципов суверенного равенства государств и территориальной целостности, права народа на самоопределение, принципа неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принципа невмешательства во внутренние дела государств и др.

Однако лидеры западных государств и подчиненной им Украины отказались даже просто обсуждать вопрос о легитимности или законности произошедшего в марте 2014 года воссоединения Крыма с Россией. В результате разгорелся международный конфликт, который вскоре дополнился гражданской войной на Юго-Востоке Украины. И по многим признакам это только начало «украинского кризиса», острейшая его фаза еще в будущем. Но ни боевые действия на

¹ «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» был подписан 18 марта, а ратифицирован 21 марта 2014 года. Согласно первой статье этого документа «Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания настоящего Договора». Сам же договор вступил в силу с даты его ратификации.

территориях Донецкой и Луганской областей, ни другие проявления «украинского кризиса» не заслоняют собой проблемы принадлежности Крыма. Очевидным является, что при сохранении нынешнего украинского государства эта проблема будет обременять отношения между Россией и Украиной, Россией и ведущими западными державами, многие годы, если не десятилетия.

Нежелание руководителей США и Европейского Союза и находящихся в полной от них зависимости украинских правящих группировок решить вопрос принадлежности Крыма путем переговоров, на основе международного права в современном его состоянии и с учетом выраженной на референдуме воли крымского населения оставляет единственный реальный вариант разрешения этого противоречия, а именно: **полное разрушение существующего ныне украинского государства, его ликвидацию как субъекта международного права.** Такой вариант освобождения отношений России с западными державами от бремени крымской проблемы является вполне осуществимым на практике, причем главным образом вследствие нарастания разрушительных процессов внутри самого украинского государства. Эти процессы носят объективный характер и не могут быть остановлены при помощи каких-либо внешних сил.

Украина имела достаточный экономический и людской потенциал для развития в качестве самостоятельного государства. Но отсутствие зрелого государственного сознания в среде правящих группировок и массе украинского населения не позволило превратить эту возможность в действительность. Лица, получавшие в формировавшемся украинском государстве те или иные должности, воспринимали их, как правило, в качестве средства служения не благу общества и государственным интересам, а личным материальным интересам и амбициям. Как показывают факты, обогащение своих семей было преобладающей целью деятельности даже для украинских чиновников высшего ранга¹. К этому весьма опасному для существова-

¹ Так, премьер-министр П.И. Лазаренко, по самым скромным оценкам, за год с небольшим пребывания на этом посту (с мая 1996 по июль 1997 г.) похитил около 200 миллионов долларов, что составило до 0,4% валового внутреннего продукта Украины. В 1999 г. он был арестован в США по обвинению в коррупции, отмывании 280 млн долл., вымогательстве и мошенничестве. В 2006 г. американский суд присяжных приговорил бывшего премьер-министра Лазаренко к 9 годам лишения свободы, правда, в окончательной редакции обвинения сумма хищений, вменявшихся ему, была снижена до 10 млн долл. В 2009 г. тюремный срок Лазаренко был уменьшен на один год и девять месяцев, 1 ноября 2012 г. он вышел на свободу.

ния любого государства пороку украинского правящего слоя добавлялся еще один не менее опасный его порок.

Провозглашая суверенность своего государства, украинские правящие группировки и обслуживавшие их идеологи и культурные деятели совсем не стремились в действительности к построению самостоятельной, независимой от внешних сил национальной государственности. Независимость своего государства они понимали в самом узком смысле — всего лишь как независимость от России и свободу выбрать себе другого господина, который им казался более могущественным и щедрым. Неудивительно, что на роль такого господина они выбрали Соединенные штаты Америки и Европейский Союз. Эти две взаимосвязанные между собой мировые силы пока еще являются господствующими на международной арене как в финансово-экономическом, так и в военно-политическом отношениях. Украинские правящие группировки и украинствующие идеологи решили, что припасть к сапогу такого господина — значит вознестись с ним если не над всеми остальными, то хотя бы над Россией.

В результате в настоящее время Украина оказалась окончательно подчиненной правящим группировкам Запада, прежде всего США, и в сущности утратила даже ту небольшую государственную самостоятельность, которую получила вследствие распада Советского Союза. Важнейшие, жизненно значимые для Украины государственные решения принимаются теперь не на Украине. Украинские власти, в том числе президент и глава правительства, являются всего лишь проводниками чужой воли, исполнителями тех решений, которые принимаются руководством США и Европейского Союза.

Чрезвычайная слабость ныне существующего украинского государства делает его правящий слой в целом и высших должностных лиц в частности совершенно неэффективными в роли проводников политики Запада внутри и во вне Украины. Именно это обстоятельство не позволяет Западу предотвратить окончательное крушение украинской государственности. При столь слабой государственности, при отсутствии нормальной государственной власти любая, даже самая массивная финансовая, военная или какая-либо другая помощь Украине со стороны западных сил будет всего лишь консервировать поразившую ее государственные органы болезнь, ото-

Как известно, уголовные дела по обвинению в коррупции заводились и против Ю.В. Тимошенко, занимавшей должность премьер-министра Украины в феврале–сентябре 2005 г. и с декабря 2007 до марта 2010 г.

двигая на какое-то время летальный исход, окончательную смерть украинского государства.

Этот диагноз украинской государственности может показаться излишне печальным — разве есть на Земле государство, не имеющее никаких болезней? Действительно, *современный политический мир — это скопище лишенных здравомыслия политиков и больных государственных организмов*. Но болезни бывают разные: есть такие, которые не приводят к смерти, а есть неминуемо смертельные. Есть болезни, борьба с которыми оздоравливает организм, но есть и те, которые поражают все его поры и заражают пространство вокруг него. Болезнь украинской государственности, остро проявляющаяся в наши дни, особого рода: она — врожденная, генетическая. Неслучайно, более или менее внимательные наблюдатели за политическими процессами, происходившими на Украине, замечали эту болезнь еще в первые годы жизни украинского государства.

* * *

Одним из таких наблюдателей был Юджин Румер, служивший в 1993–1999 годах в Совете национальной безопасности США¹. В 1994 году он писал об Украине в статье «Евразийское письмо: возвратится ли Украина к России?», опубликованной в журнале «Foreign Policy»: «Тем не менее, даже для постороннего наблюдателя, страна пребывает на нисходящей спирали. Как долго это может продолжаться до крушения и какой природы это крушение может быть, невозможно предсказать с какой-либо точностью. Однако крушение кажется неминуемым, если не произойдет радикальный сдвиг не только в украинской внутренней политике, но также в ее политической системе и экономике. Это сдвиг, если он произойдет, должен произойти изнутри. Внешний мир может играть лишь второстепенную роль»².

¹ В настоящее время Юджин Румер (*Eugene Rumer*) является старшим научным сотрудником и директором программы Фонда Карнеги за Международный мир в России и Евразии.

² «Nonetheless, even to a casual observer, the country is on a downward spiral. How long it can continue before a crash and what the nature of that crash might be cannot be forecast with any precision. Yet a crash does appear imminent unless a radical shift occurs not just in Ukrainian domestic politics, but also in its policies and economy. That shift, if it comes, must come from within. The outside world can play only a marginal role» (*Rumer E.B. Eurasia Letter: Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. 1994. No. 96. P. 142*).

Судьбу Украины американский исследователь связывал со взаимоотношениями России и Запада. По его словам, «если Россия становится государством враждебным Западу, то Украина, вероятно, снова попадет в орбиту Москвы; задача поддержки слабой Украины против враждебной и ксенофобной России превышает военные и финансовые возможности Западного союза. Но если Россия выходит из своей трансформации как демократическое государство, готовое вступить в партнерские отношения с Западом, угроза российской экспансии исчезнет»¹ (курсив мой. — В.Т.).

Далее Юджин Румер отмечал с уверенностью, что кризис независимой Украины представляет собой серьезный вызов для политики США. «Вопрос, что делать в случае краха или распада украинского государства, является актуальным и запутанным. Альтернативы этому — внутренняя нестабильность в Украине или ее инкорпорация в Великую Россию — являются в равной степени нарушающими их право и угрожающими стабильности Центральной Европе. Выбор между ними означает поиск меньшего из двух зол»².

После этого замечания следовали совершенно пророческие слова: «Российско-украинский конфликт, возникающий из кризиса в Крыму, подобно тому, что имел место в мае 1994 года, поставил бы под угрозу уже проводимые в России трудные реформы, уничтожил бы остающиеся слабые шансы на выживание независимой Украины и толкнул бы Россию на путь повторной экспансии в защиту незаконного сепаратистского движения, созданного внутренней стагнацией в Украине.

Выбор, перед которым встанут в этом случае западные политики, будет чрезвычайно неприятным. Но предпринимая что-либо в от-

¹ «The outcome of Russia's transformation is the most important problem in European political and security matters. If Russia becomes hostile to the West, Ukraine will probably fall back into Moscow's orbit; the task of propping up weak Ukraine against a hostile and xenophobic Russia will be beyond the military and financial capabilities of the Western alliance. But if Russia emerges from its transformation as a democratic state ready to enter into a partnership with the West, the threat of Russian expansion will fade» (*Rumer E.B.* Op. cit. P. 143).

² «To be sure, the crisis of independent Ukraine presents a grave challenge for U.S. policy. The question of what to do in the event of the collapse or disintegration of the Ukrainian state is both timely and perplexing. The alternatives — internal instability in Ukraine or its reincorporation into greater Russia — appear equally disturbing in their own right, as well as menacing for the stability of Central Europe. The choice between them amounts to the search for the lesser of two evils» (*ibidem*).

*вет, западные политики должны будут иметь в виду, что основными силами, стоящими за такими трагическими событиями, будут коренные жители Украины, а не люди, ввезенные из России; что **Россия имеет законные интересы в этом регионе; и, что ее вмешательство может быть предпочтительнее дальнейшей нестабильности в Украине***¹ (выделено мною. — В.Т.).

В следующем абзаце Юджин Румер еще раз подчеркивал, что события на Украине могут пойти по такому катастрофическому сценарию, что потребуется активное вмешательство России. «Соединенным Штатам и их союзникам, — писал он, — следует выразить свое ясное и недвусмысленное неприятие сепаратистских требований в Крыму и подтвердить свою готовность отстаивать территориальную целостность Украины на международных форумах. Союзники должны сообщить России о своих опасениях по поводу ситуации в Крыму и призвать российских лидеров использовать свое влияние, чтобы успокоить обстановку. Однако **может оказаться так, что не будет альтернативы российскому вмешательству в случае конфликта в Крыму**»² (выделено мною. — В.Т.).

Предполагая активное вмешательство России в украинские дела, американский исследователь высказывал мнение о том, что сотрудничество России и США имело бы в данном случае «жизненно важное значение» и «было бы предпочтительнее, чтобы Россия добилась международного мандата на это свое вмешательство».

¹ «A Russian-Ukrainian conflict arising from a crisis in Crimea, such as the one that took place in May of 1994, would endanger Russia's already difficult reforms, destroy the weak remaining chances for the survival of independent Ukraine, and push Russia on the path of re-expansion in defense of an illegitimate secessionist movement created by domestic stagnation in Ukraine. The choices facing Western policy makers in that case would be extraordinarily unpleasant. But in fashioning a response, Western policy makers must keep in mind that the key forces behind such tragic developments would be indigenous to Ukraine, not imported from Russia; that Russia has legitimate interests in that region; and that its intervention might be preferable to further instability in Ukraine» (Rumer E.B. Op. cit. P. 143).

² «The United States and its allies should express their clear and unambiguous rejection of the secessionists' claims in Crimea and reaffirm their commitment to uphold Ukraine's territorial integrity in international fora. The allies should communicate to Russia their concerns about the situation in Crimea and appeal to Russian leaders to use their influence to calm things down. Yet, there may be no alternative to Russian intervention in the event of a conflict in Crimea» (ibid. P. 143–144).

При таком развитии событий, считал Юджин Румер, «российское вмешательство, вероятно, повлечет за собой реинтеграцию Украины в великое Российское государство. Учитывая опасности, связанные с затяжной внутренней нестабильностью в Украине и тем, что она может перекинуться на соседние страны, реинкорпорация Украины в Великую Россию может стать единственным реалистичным вариантом. Это связано с огромными рисками и затратами для всех вовлеченных сторон. Но каким бы тревожным этот ход событий ни был для Соединенных Штатов и их партнеров в Европе, его не следует видеть в апокалиптических терминах. Распад Украины будет трагедией. Но это не обязательно будет означать прекращение трансформации Восточной Европы. Это позволит подчеркнуть тот факт, что распада Украины не удалось бы избежать в любом случае. Между тем, ключ к европейской стабильности будет оставаться в России»¹.

* * *

Высказанные в 1994 году американским исследователем Юджином Румером мысли о катастрофической судьбе украинского государства и предположения о том, как поведет себя в случае украинской государственной катастрофы Россия, кажутся удивительно пророческими. Но они вполне объяснимы, если признать, что врожденная, генетическая болезнь украинской государственности была настолько очевидной, что ее просто невозможно было не заметить. И современные события, называемые «украинским кризисом», являются просто еще одним и самым острым проявлением этой болезни, а не вызваны чьей-то злой волей.

Трудно с точностью сказать, когда болезнь окончательно разрушит весь государственный организм, но если кончина уродливого,

¹ «Russian intervention would probably lead to Ukraine's reintegration into the greater Russian state. Given the dangers associated with protracted internal instability in Ukraine and its spill over into the neighboring countries, reincorporation into greater Russia might be the only realistic option. It is associated with tremendous risks and costs for all parties involved. Yet no matter how alarming it maybe to the United States and its partners in Europe, it should not be seen in apocalyptic terms. Ukraine's disintegration would be a tragedy. But it would not necessarily mark the closing chapter in the transformation of Eastern Europe. It would underscore the fact that Ukraine's collapse could not have been avoided in any case. Meanwhile, the key to European stability would remain in Russia» (*Rumer E.B. Eurasia Letter: Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. 1994. No. 96. P. 144.*)

большого с момента рождения украинского государства произойдет, создание нового, охватывающего всю территорию нынешней Украины, государства будет исключительно трудным делом. Его совершенно невозможно будет возродить на прежней антирусской идеологической основе. Новое, столь же обширное, как прежнее, но более прочное и долговременное украинское государство может возникнуть только как **государство русско-украинское, в котором украинцы осознают себя теми, которыми они когда-то были, то есть русскими, хотя и другими русскими.**

В этом случае вопрос принадлежности Крыма просто утратит свою значимость, перестанет быть проблемой, требующей решения. Если все же по каким-то причинам появится необходимость еще раз этим вопросом заняться, то решить его будет несложно — понадобится всего лишь спросить жителей Крыма, в составе какого государства они желают находиться?

В интересах будущего Русской цивилизации было бы желательным существование в современном мире не одного, а нескольких русских государств. Например, помимо современной России и Белой Руси, еще и русско-украинского государства — как бы оно ни называлось: Украиной или Новороссией. Эти государства должны состоять в теснейшем политическом союзе друг с другом, иметь единое экономическое и культурное пространство, но ни в коем случае не создавать единого государства под властью и управлением одного президента, одного правительства и парламента. Судьба Русской цивилизации не должна зависеть от одного государства и одной правящей группировки, поскольку такая зависимость является слишком рискованной для нее. Государства и правящие группировки подвержены, как мы хорошо знаем из собственной истории, деградации и распаду.

Если Русская цивилизация будет опираться только на одно государство, на один правящий слой, она все время будет рисковать деградировать вместе с превращением этого правящего слоя в сборище дегенератов и погибнуть вместе с гибелью своего государства.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Настоящая книга выросла из серии статей, посвященных «украинскому кризису», первая из которых — под названием «Крымское право, или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией» — была написана в конце марта 2014 года¹, а три другие — в мае–июне того же года². Данные статьи вызвали ряд интересных вопросов со стороны читателей моего сайта, на которые я сразу же давал свои ответы.

Мне показалось уместным завершить ими эту книгу, тем более что они дополняют ее содержание.

* * *

Вопрос 1:

С большим интересом ознакомился с Вашими исследованиями в отношении присоединения Крыма к РФ. Но возник вопрос,

¹ Эта статья должна была выйти во втором номере журнала «Вестник Московского университета. Серия 11. Право» за 2014 год (стр. 3–32), она получила три положительные рецензии и была принята к опубликованию редакцией и даже была подготовлена ее верстка, но руководство юридического факультета МГУ по каким-то очень странным мотивам не позволило ее опубликовать. Поэтому мне пришлось выложить ее текст на своем сайте — tomsinov.com — в папке «Материалы, посвященные современной России». За короткое время эту статью прочитали более 2000 человек. После этого я настоял, чтобы статья была все же и несмотря ни на что опубликована в «Вестнике Московского университета». И мне сообщили, что ее поставили для публикации в № 5 данного журнала.

² См.: *Томсинов В.А.* Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10–27. *Томсинов В.А.* Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11–26. *Томсинов В.А.* «Украинский кризис»: метаморфозы геополитики и международное право // Законодательство. 2014. № 8. С. 9–24.

почему Вами не рассматривался вопрос, связанный с Меморандумом от 05.12.1994 г. «О гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия».

С уважением. Петр Иванович Васильев, г. Ростов-на-Дону.

Ответ 1:

Уважаемый Петр Иванович! Вы задали вполне закономерный вопрос о Будапештском меморандуме 1994 года: мне, конечно же, надо было высказать свое мнение о нем в статье о юридических основаниях воссоединения Крыма с Россией. Восполняю этот пробел настоящим ответом на Ваш вопрос.

Во-первых, замечу, что Будапештский меморандум 1994 года не является в полном смысле международным договором, порождающим для сторон, его подписавших, юридически значимые обязательства, но представляет собой всего лишь декларацию о намерениях.

Во-вторых, вторую статью, в которой декларируется, что «Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины и что никакие их вооружения никогда не будут применены против Украины, кроме как в целях самообороны или каким-либо иным образом в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», следует рассматривать в контексте всего документа. Его главный смысл заключается в принятии на себя указанными государствами, и в том числе Россией, обязательства не применять и не угрожать применением ядерного оружия против неядерных государств. Поэтому он и называется Меморандумом «О гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия».

В-третьих, воссоединение Крыма с Россией произошло после совершенного в Киеве государственного переворота, который привел к власти над Украиной олигархическую группировку, опирающуюся на массы украинцев, воспитанных в нацистском духе и готовых убивать всех тех, кто не разделяет их настроений. И можно не сомневаться, не войди Крым в состав России, его население ждала плачевная участь. Многочисленные факты, подтверждающие это, не видит только психически больной человек. Сознательное уничтожение мирного населения Юго-Востока украинскими вооруженными бандами, разрушение ими инфраструктуры нормальной жизни

в этом регионе свидетельствует об отношении правящей на Украине группировки и их сторонников к населению Юго-Востока Украины как к неполноценным людям. Это настоящий фашизм, причем в самом гнусном варианте.

В-четвертых, как известно, одновременно с рассматриваемым Будапештским меморандумом 1994 года руководители России, Великобритании, США и Украины приняли совместное заявление, в котором подтверждалась юридическая сила обязательств в рамках ОБСЕ, призванных противодействовать росту нацизма и шовинизма. Украинские власти и не пытались исполнить эти обязательства: они не только попустительствовали украинскому нацизму, но и поддерживали его. В условиях, когда после произошедшего 22 февраля 2014 года государственного переворота Украина начала стремительно превращаться в нацистское государство, у русского по культуре и по крови населения Крыма не оставалось другого способа спасения от нараставшей угрозы со стороны украинских нацистов, кроме самоопределения с последующим выходом из состава распадавшегося Украинского государства и воссоединения с Россией.

С уважением, Томсинов. 1 ноября 2014 года.

Вопрос 2:

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Первое, что хотел бы сделать, это выразить свою признательность за Ваш ответ на мой вопрос, относительно Меморандума. Но у меня возник еще один вопрос:

Существует «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной». Документ подписан в г. Киеве 31.05.1997 г. и подлежал регистрации в Секретариате ООН, согласно ст. 102 Устава ООН.

Мой вопрос: *«Почему рассмотрение вопроса о существовании данного договора осталось за рамками Ваших исследований, касающихся Крымских событий?»*

С большим уважением, Петр Иванович Васильев, г. Ростов-на-Дону.

Ответ 2:

Уважаемый Петр Иванович, Вы наверняка имеете в виду следующие слова статьи 3 договора между Россией и Украиной от 31.05.1997 г.: «Высокие Договаривающиеся Стороны строят отношения друг с другом на основе принципов взаимного уважения, су-

веренного равенства, *территориальной целостности, нерушимости границ*».

По моему мнению, воссоединение Крыма с Россией не нарушило этой статьи, как и в целом всего договора, поскольку прежде, чем воссоединиться с Россией, Крым вышел из состава Украины, объявив о своей независимости, то есть о том, что не желает подчиняться узурпаторам верховной государственной власти на Украине, свергнувшим законно избранного президента. В 1991 году точно так же о своей независимости, после государственного переворота, объявила Украина.

В статье 3 рассматриваемого договора говорится еще и о том, что Россия и Украина строят свои отношения на основе *«права народов свободно распоряжаться своей судьбой»*. Крымский народ сделал выбор на референдуме, результаты которого трудно подвергнуть сомнению — слишком много фактов, подтверждающих нежелание подавляющего большинства крымчан жить в Украине и, напротив, их желание войти в состав России. Остальное я сказал в своих статьях, на которые Вы ссылаетесь.

Замечу, что принцип территориальной целостности, нерушимости границ не может служить оправданием для издевательства государственной власти над какой-то частью своего населения, желающего говорить на своем языке, а не на государственном, почитающего своих предков, освободивших их землю от фашизма и отказывающегося воздавать главу злейшим врагам русского народа, запятнавшим себя массовыми убийствами детей, женщин, стариков.

Настроения жителей Крыма, голосовавших на референдуме 16 марта 2014 года за выход Крыма из состава Украины, а также жителей Донбасса и Луганской области, не желающих жить в составе Украины, хорошо выразил один луганский священник. Вчитайтесь в нижеследующие слова и спросите себя, не является ли явное НЕЖЕЛАНИЕ народа жить в государстве, которым управляют убийцы, и его стремление спасти себя от истребления физического и уничтожения культурного превыше принципа территориальной целостности и нерушимости границ?

Луганский священник: «Если мы, живущие на Донбассе, столь маргинальны, дебилжны и несовершенны, то зачем мы Вам нужны, украинцы? Если Вы только и делаете, что дотируете деньгами и средствами наши шахты, заводы и прочие предприятия, кормите нас, то ради чего Ваши войска нас насильно к Вам присоединяют, не забывая уничтожать? Приверженцев украины на наших полях и буграх, на наших заводах и шахтах единицы, так почему Вы

посылаете к нам карателей? Ради чего? Ради кого? Зачем мы Вам нужны?

Именно Вы провели очень качественную и продуктивную предвыборную агитацию, дабы мы отказались от Вас навсегда. Каждый Вами направленный на стариков и детей снаряд был наглядным примером, что Вы нам приготовили для будущей жизни. Вы добились главного. Сегодня у нас на приходах все молятся:

— Господи, спаси нас от Киева и всех тех, кто там решает, как нам думать и жить.

Если мы столь не совершенны и недееспособны, то зачем Ваши танки и артиллерия стреляет по нашим церквям и монастырям? Для чего Вы убиваете православных?

Объясните. Прошу Вас. Весной мы просто высказали свое мнение, вчера мы его подтвердили. Единогласно, повсеместно и во веки веков. Мы не желаем с Вами жить.

Если мы такие плохие и все поголовно террористы, сепаратисты и непонимающие, то нет смысла тратить на нас деньги и посылать к нам карателей, которых мы обязательно и безусловно прогоним. Давайте просто разойдемся.

Меньше будет выстрелов. Меньше слез. Меньше горя. Договоримся?»

С уважением, Томсинов. 4 ноября 2014 года.

Вопрос 3:

Добрый день, Владимир Алексеевич!

Объясните, пожалуйста, следующий момент. Чем принципиально отличается аннексия Прибалтики Советским Союзом или Судетов Гитлером от аннексии Крыма Украиной в 1954 году? Верховный Совет СССР признал незаконным преобразование Крымской АССР в Крымскую область, следовательно, стала незаконной ликвидация Конституции Крымской АССР. А по этой Конституции никто не имел права менять границы и саму Конституцию, кроме жителей Крыма. Но жители Крыма не меняли Конституции Крыма в части принадлежности Крымской АССР Украине, то есть Украина должна была немедленно передать Крым России, чего она не сделала. Хотя Украина и Российская Федерация согласовали границы между Украиной и РФ, однако при этом была нарушена Конституция Крымской АССР, которая должна была быть восстановлена.

Нелишне напомнить, что Украина является страной – учредителем ООН, и у нее по итогам Второй мировой войны были впол-

не определенные границы. Откуда у нее взялся Крым? Крымская АССР референдума не проводила о присоединении Украине.

Ответ 3:

Анатолий, передачу Крымской области в 1954 году из состава РСФСР в состав Украинской ССР нельзя назвать аннексией — обе названные республики были частями одного и того же государства. Я описал юридическую сторону этой странной передачи Крыма в состав Украины в статье «Крымское право...», которая размещена в папке «Материалы, посвященные современной России».

Если же искать исторической аналогии применительно к воссоединению Крыма с Россией в 2014 году, то я бы обратил внимание на воссоединение ГДР с ФРГ в 1989 году.

С уважением, Томсинов.

Вопрос 4:

Уважаемый Господин Томсинов!

Наш Институт очень заинтересовала Ваша статья «Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права» в журнале «Законодательство» 6/2014 г. У нас возник следующий вопрос: статья «Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией» в 7-ом номере данного журнала — это продолжение статьи из 6-го номера или независимая статья? Названия статей почти идентичны!? И так как 7-ой номер еще не вышел, напишите, пожалуйста, если располагаете такой информацией, на каких страницах будет опубликована Ваша статья «Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией»?

25 июня 2014 года.

Заранее Вам благодарна.

Лена Хофер.

Отдел профессора Визера. Университет Карл-Франц, г. Грац.

Ответ 4:

Уважаемая Лена, администратор моего сайта переслал мне Ваш вопрос — приятно, что Вас заинтересовали мои статьи о проблемах международного права в связи с украинским кризисом.

Статья «Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией» опубликована в журнале «Законодательство» 2014. № 7. С. 10–25. Она посвящена прежде всего рассмотрению состояния международного права с точки зрения воссоединения Кры-

ма с Россией, хотя в ней так же, как в статье «Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права», вышедшей в № 6 «Законодательства» (стр. 10–27), дается юридическая оценка этому событию.

Я пересылаю Вам файлы с этими статьями (в том содержании, как они опубликованы в журнале «Законодательство») — к ним добавляю файл с текстом еще одной моей статьи — «Украинский кризис: метаморфозы геополитики и международное право», которая подготовлена к публикации в № 8 журнала «Законодательство» (стр. 9–24). Это окончательная верстка данной статьи, которая именно в таком виде пойдет в типографию.

Я также предоставляю Вам право использовать эти статьи по Вашему усмотрению и, конечно, буду только рад, если мое мнение как ученого-правоведа о воссоединении Крыма с Россией и об украинском кризисе в целом станет известно большему числу людей. Своими статьями я стараюсь убедить всех, что **конфликт по поводу Крыма должен быть переведен из сферы политики в сферу науки и рассмотрен прежде всего как сложнейшая проблема международного права. И только по результатам этого исследования политики должны принимать окончательные решения, затрагивающие судьбы, жизни миллионов простых людей.**

С уважением и добрыми пожеланиями, Томсинов Владимир.
26 июня 2014 года.

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Большое Спасибо за быстрый и очень содержательный ответ и также за статьи.

Ваши статьи дают действительно политически независимую и исключительно юридическую оценку данной ситуации.

Еще раз спасибо! Лена Хофер

Projekt MA Olena HOFER. Abteilung Univ.-Prof. D Dr. Bernd WIESER.

Institut für Österreichisches, Europäisches und Vergleichendes Öffentliches Recht, Politikwissenschaft und Verwaltungslehre. Karl-Franzens-Universität Graz,

Universitätsstraße 15/K3, 8010 Graz.

Интернет-магазин издательства «Зерцало»
<http://zercalo.net>

По вопросам приобретения книг издательства «Зерцало»
и Издательского книоторгового дома «Зерцало-М»
обращаться по телефонам:
(495) 689-75-36
(495) 689-72-45 (факс)

Томсинов Владимир Алексеевич

**«Крымское право»,
или Юридические основания
воссоединения Крыма с Россией**

Корректор *Т.В. Кочемасова*
Верстка *А.В. Плотников*

ИКД «Зерцало-М»
e-mail: laton@mail.ru

Подписано в печать 30.03.2015.
Формат 60x90/16. Печ. л. 8,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 1556

Книга посвящена «украинскому кризису» 2014–2015 годов и главному его событию — выходу Крыма из состава Украины и воссоединению его с Россией. Данное событие оценивается с точки зрения Конституции Украины, норм и принципов международно-правовых актов, международной практики разрешения подобных ситуаций.

Воссоединение Крыма с Россией рассматривается в книге также в качестве события, которое обнажило истинное состояние современного международного права и международного правопорядка, затронуло в той или иной мере целый ряд основополагающих начал и доктрин международного права: принцип суверенного равенства государств, территориальной целостности, право народа на самоопределение, принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др.

В книге показывается, что в условиях геополитических конфликтов между государствами принципы и нормы международного права приобретают новые смыслы, вследствие чего прежние устоявшиеся их толкования утрачивают свое значение.

В книге рассматриваются также геополитические основания современного «украинского кризиса» и проявившиеся в нем новые тенденции в развитии международного правопорядка. Из их изучения делается вывод о необходимости смены технологии развития международного права, приведения его содержания в соответствие с реалиями международных отношений.

